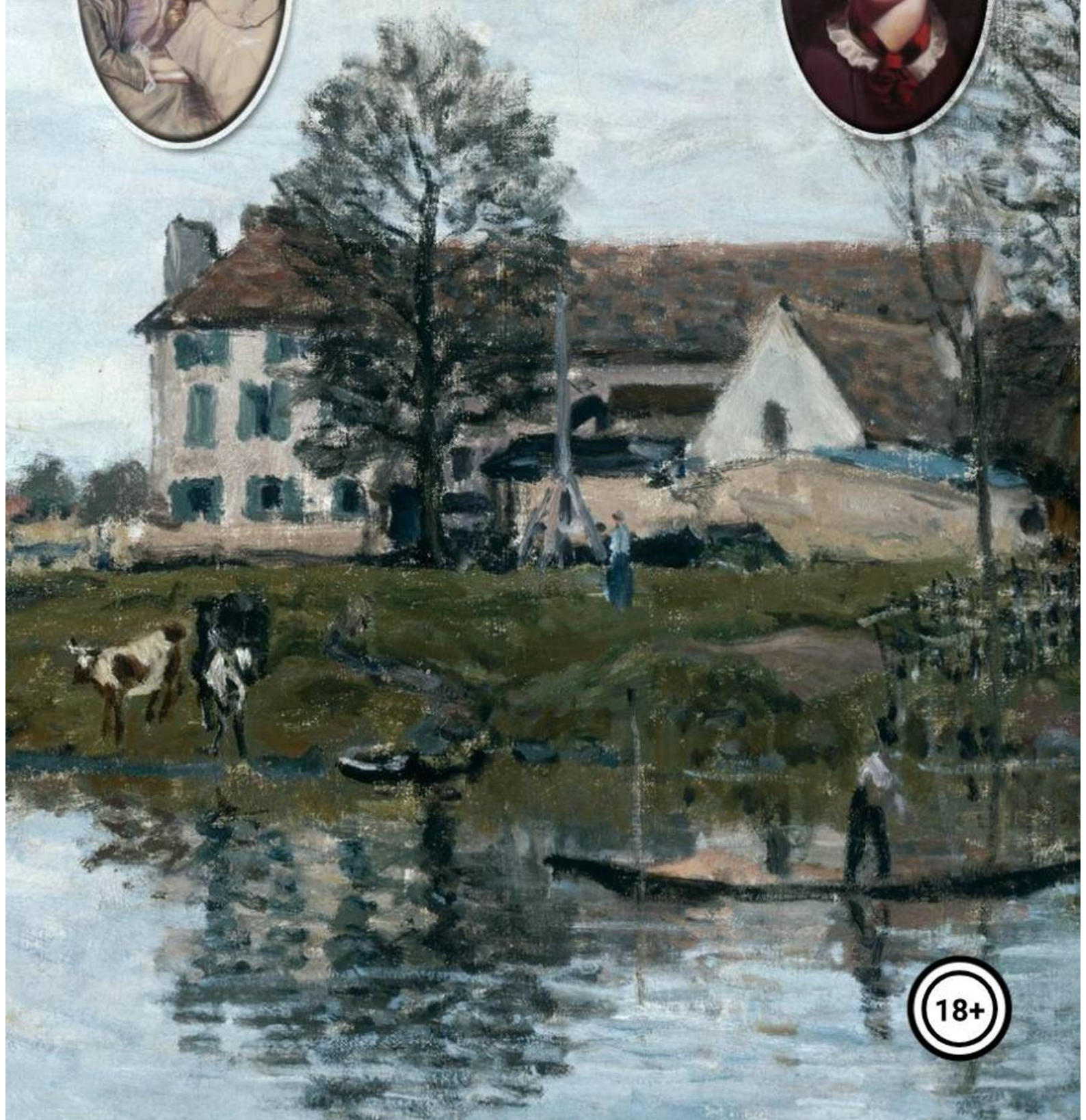

РОКОВАЯ ТАЙНА СЕСТЕР БРОНТЕ

Екатерина Митрофанова

18+

Роковая тайна сестёр Бронте

Екатерина Митрофанова

Роковая тайна сестер Бронте

«Автор»

2006

Митрофанова Е. Б.

Роковая тайна сестер Бронте / Е. Б. Митрофанова — «Автор»,
2006 — (Роковая тайна сестёр Бронте)

Что делать трем талантливym девушкам из провинциальной глубинки, если мир устроен так, что подлинные жизненные ценности вступают в заведомо бесперспективную борьбу с жесткими устоями общества, а счастье и любовь идут рука об руку со смертью? Сестры Бронте нашли выход: они отважились бросить вызов условностям и создали свой собственный мир столь живой и яркий, что сама суровая реальность вынуждена была отступить, покоровшись светлым порывам воображения. Из-под перьев девушек выходят романы, прославившие их имена в веках: Джейн Эйр, Грозовой перевал, Агнес Грей. Однако слава и писательский успех — обманчивые идолы. Едва почувствовав вкус популярности, сестры уходят в мир иной одна за другой, оставив своего старого отца один на один со своим величайшим горем. Перед вами красивая и печальная романтическая легенда, основанная на подлинных биографических фактах. Книга рассчитана на массового читателя.

© Митрофанова Е. Б., 2006

© Автор, 2006

Екатерина Митрофанова

Роковая тайна сестер Бронте

Часть 1. Вестники Судьбы

В оформлении обложки использована иллюстрация «Сена в Порт-Марли» (художник Альфред Сислей).

Роман выдержал три издания коммерческими тиражами в формате бумажной книги и два аудиоиздания

Бумажные издания:

1-е издание: 2006 (М.: Терра – Книжный клуб)

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2006

2-е издание: 2008 (М.: Терра – Книжный клуб)

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2008

3-е издание: 2014 (М.: Книжный Клуб Книговек)

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2014

Аудиокниги:

1-е издание: 2008 – при содействии студии звукозаписи «Республиканская библиотека для слепых и слабовидящих граждан Республики Казахстан». Читает Воробьева И.

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2008

2-е издание: 2009 – при содействии студии звукозаписи ГУК «Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих» (Новокузнецк, Кемеровская область). Читает Юрова Л. С.

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2009

Данная электронная версия книги публикуется по изданию:

Москва: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 704 с.

Редактор О. Хвилько

© Екатерина Борисовна Митрофанова, 2014

<...> *Что было? – Адский блеск? Или огонь небесный?*

Быть может вестник – смерть, но весть была чудесной¹.

Пролог

1861.

Последний день затеянного мною невообразимого безрассудства промелькнул пред моим понурым взором практически незаметно и, едва коснувшись легкими призрачными крыльями отдаленной кромки моего помутненного сознания, мгновенно потонул в бесконечной череде прочих, столь же незначительных событий моего прошлого. В привычном бешеном скоростном порыве надвигались густые сумерки. Непроглядная тьма стремительно стелилась по окрестному бездорожью суровой английской провинции.

Впрочем, тогда я не могла поручиться наверняка за то, что все еще пребывала под благодатной сенью родного небесного свода Англии; лишь по отдельным природным признакам я достаточно смутно предполагала свое местонахождение. Однако, говоря по совести, меня мало волновало даже это. Я упорно продолжала брести по слякотному бездорожью в неведомую даль. Мой унылый взгляд равнодушно скользил из стороны в сторону, не находя ни малейшей отрады в неопределенном созерцании безбрежных сельских просторов, сокрытых непроницаемым мраком резко сгустившихся сумерек.

Вероятно, я провела в пути уже несколько дней – сколько именно, я даже не имела понятия, потому что окончательно потеряла счет времени. Теперь, когда я стараюсь восстановить в

своей памяти ощущения, владевшие моим изможденным сознанием в те страшные дни, меня охватывает неистовый ужас. Я была совершенно подавлена, и это отчаянное состояние стремительно заглушало все мои насущные похоти. Пожалуй, это может показаться странным, но я почти не чувствовала голода и жажды, хотя за все время моего пути едва ли хоть крошка еды попала ко мне в рот.

Что до воды, так ее было предостаточно: стояли ненастные дни, и непрерывные потоки сильнейшего ливня, изредка сменявшиеся мелко морозящими каплями дождя, беспощадно хлестали меня со всех сторон, не давая возможности моим волосам и одежде толком просохнуть, а суровые порывы северного ветра пробирали до костей. Я остро ощущала, что силы мои тают с каждым мгновением. Когда мне делалось совсем немого, я в изнеможении валилась в грязь, судорожно припадая промерзшими, потрескавшимися губами к небольшим канавкам, там и сям разбросанным по поверхности земли. Эти узкие неглубокие отверстия, видимо, предназначались для стока воды и, таким образом, в моем распоряжении оказывались превосходнейшие условия для того, чтобы вволю утолить жажду.

Пролежать на пустынной, промерзшей, размытой ливнями дороге я могла так долго, как только пожелаю. Торопиться мне было некуда, поскольку брела я беспечно. Вернее, единственная цель все же маячила в самых недрах моего воспаленного мозга; неотступными огненными буквами светилась она пред моим мысленным взором – казалось, я и в самом деле осязала начертанное повсюду слово – умереть. Только в смерти чаяла я обрести надежное пристанище, что позволит мне укрыться от злополучных напастей жестокой Судьбы и познать наконец желанное успокоение. Всеми своими помыслами я жаждала ее приближения. Скажу больше: я сознательно стремилась к тому, чтобы моя неизбежная участь настигла меня как можно быстрее. Поэтому всякий раз как я чувствовала, что уже достаточно отдышалась и что силы постепенно возвращаются ко мне, я упорно поднималась и продолжала свой бесконечный одинокий путь навстречу вожделенному спасению.

Когда повсюду стужались сумерки, и ночь по праву вступала в свои полномочия, я брела в тусклом свете луны, почти на ощупь, постоянно завязая в дорожной распутице и то и дело утыкаясь в пологие склоны холмов, насыщавших эту дикую пустынную местность бесконечной грядой.

Сознание мое было взбудоражено – вполне возможно, я временами находилась в бреду, и тем не менее я отчетливо помню те страшные помыслы, какие с неистовой силой одолевали меня последнее время – все дни, когда я была в пути. Беспредельная пустота гнездилась в моей повергнутой в глубочайшее отчаяние обездоленной душе. Пустота и отчужденность от всего мира, безраздельно владевшие мною, наложили несмываемую печать на черты моего лица, в чем мне не раз доводилось убедиться, когда я, бывало, невзначай замечала свое совершенно отстраненное от всего земного, едва ли не призрачное отражение в дождевой воде, в изобилии переполнявшей сточные канавы. Будто бы из потустороннего мира глядело на меня вконец изможденное лицо с ввалившимися, бескровными, как сама Смерть, щеками и спутанными мокрыми волосами, некогда аккуратно заплетенными и убранными в модную прическу, теперь же – беспорядочно рассыпанными по плечам и спине, поблекшими и почерневшими от дорожной грязи. Откуда-то из неизъяснимого далекого пространства тянулся ко мне мягкий, почти эфемерный отблеск потускневших глаз, еще не так давно хранивших радостный свет жизни. Теперь они уподобились неземным светилам, похожим на ясные ночные звезды, холодно и отстраненно вззирающие на этот мир из неизмеримой глубины недосягаемых небесных высей. В этих глазах не было слез – лишь безграничная печаль, иссушившая природные источники соленых потоков, казавшихся неизбывными.

На самом деле в повседневной жизни меня никак нельзя было назвать нервной, взбалмошной особой, склонной закатывать истерики по любому поводу, а то и вовсе за отсутствием

оного. Не была я также предрасположена к внезапным нервным срывам и уж тем более отнюдь не страдала необратимыми расстройствами психики, способными выбить из привычного размеренного ритма жизни и резко толкнуть в омут невероятных безрассудств.

Собственно говоря, до недавнего времени у меня не было особых причин для переживаний и печали. Впрочем, временами я чувствовала, что мои глаза мгновенно застилаются влажной пеленой – однако подобное случалось крайне редко. В этих мимолетных эмоциональных всплесках не было ничего общего с подавленностью, угнетенностью духа. Скорее всего, они являлись результатом тихого, безмятежнейшего счастья, озарившего сияющими теплыми лучами цветущую весну моей жизни, ознаменованную бурным, полнокровным течением. Но, быть может, уже тогда в недрах моего сознания теснились скрытые предчувствия неких неведомых зловещих сил, словно бы притаившихся за моей спиной, только и ожидавших наиболее подходящего момента, чтобы нанести свой неизбежный сокрушительный удар, в единый миг рассеявший все призрачные иллюзии, погасивший последние дивные искры наивозможнейших земных упований. Когда же суждено было свершиться сей злополучной напасти, я была поистине безутешна. Не скрывая своего великого горя, не тая его внешних проявлений от равнодушных людских взоров, я плакала громко, навзрыд. Горячие слезы струились из моих страдальческих глаз бесконечным водопадом.

Вода... Она была мне ненавистна. Особенно – морская. Помнится, я долго стояла на коленях на пустынном берегу Северного моря... При одном упоминании этой страшной географической точки меня душит стремительный порыв отчаяния, смешанного с безграничным негодованием... Так вот, я стояла на коленях на самом краю безлюдного берега, уткнувшись пылающим лицом в холодный мокрый песок и, судорожно заломив за голову онемевшие руки, во весь голос, до хрипоты, проклинала эту безрассудную бурную стихию, беспощадную суровость неистово вскипающих волн, чьи пенистые валы мощнейшими стоками ниспадают к подножию диких холмов и скалистых ущелий.

Тогда я действительно ненавидела море. Ненавидела всем своим существом. Мне была поистине омерзительна та невообразимая двуличная лживость, какая вечно таится в его глубинах. Зачем манит оно случайных путников своим показным безмятежным спокойствием, дразнит, привлекает в разбросанные повсюду коварные сети, тогда как на самом деле в недрах его постоянно бушует непреходящая кровавая схватка? Никогда, никогда не найдут вождельного упокоения тела и души тех несчастных, кому суждено было остаться на дне морском!

И тем не менее меня брала неизъяснимая досада, что я не принадлежу к их числу. Мною владело неодолимое желание тотчас же, не задумываясь, броситься в воду, чтобы ее злосчастная стихия приняла мое изможденное тело, в котором я уже не видела нужды, в свою суровую, ненасытную обитель. Мне не было дела до тех мучительных терзаний, каким неизбежно подверглась бы при этом моя немощная плоть. Все те неизъяснимые чувства и помыслы, что с неистовой силой всколыхнулись тогда в моем возбужденном сознании, были сведены лишь к единому отчаянному упованию: чтобы это безбрежное морское пространство любыми возможными способами вновь соединило меня с теми двоими, кого его невообразимая бесцеремонная жестокость отвратила от меня навеки.

Я бесшумно поднялась с колен и уже собралась было последовать своему непреклонному намерению, однако, вместо того, чтобы покорно предаться безраздельной власти неистово бушующих волн, я все еще продолжала стоять на небольшой песчаной насыпи возле их регулярно вздымающихся ослепительно-белоснежных гребней.

«В чем дело? – думала я. – Всего несколько быстрых движений – и я окажусь рядом с ними. Разве это не самая вождельная цель всех возможных стремлений моего сердца? Сейчас мне выпал подходящий случай сломить наконец последнюю незримую преграду, разделяющую нас». Но, вопреки моим мыслям, теснившимся исключительно вокруг тех, кто находился в таком неизмеримом отдалении от всего земного, ступни мои инстинктивно впились

мертвой хваткой в зыбкую поверхность холодного песка. Какая-то неведомая сила упорно держала меня на месте. Что такое? Неужели трусливый страх перед небытием обуздал мое сознание и сковал бездействием все мои члены? О нет! Я совершенно убеждена, что вовсе не страх руководил тогда мною. Будь моя воля, я кинулась бы в море не задумываясь. Но мое отчаяние достигло наивысшего предела: оно вконец сломило мою волю и оглушило сознание. И я была вынуждена покорно подчиниться велению Высшей Силы, не позволившей мне тогда действовать на свое усмотрение и погнавшей меня на поиски моего последнего прибежища в неведомую даль, неотвратимо лишив всякой надежды на новую вожаделенную встречу с *ними* в непостижимой беспредельности иного мира.

В тот вечер, о котором я завела речь в самом начале своего повествования, моя путеводная звезда привела меня в неведомый поселок, затерянный среди множества громоздившихся по всей округе холмов. Вероятно, близилась полночь. Сумерки уже совершенно заволокли все окрестное пространство, но я, как обычно, упорно продолжала брести наугад, не разбирая дороги. Однако очень скоро на моем пути возникла какая-то странная преграда. Сначала я решила, что это обыкновенный высокий холм и сделала попытку обогнуть его стороной. Я преодолела солидное расстояние вдоль его склона, казавшегося скорее крутым, нежели отлогим, что с самого начала почудилось мне весьма подозрительным. Но еще пуще подозрение вселила в меня невообразимая ширина холма, который все тянулся и тянулся единой сплошной непроходимой стеной, резко пресекая мне дальнейший путь.

Тогда я попробовала взобраться наверх. Бесплезная затея: ноги мои беспомощно заскользили по слишком уж гладкому для холма спуску. Я повалилась вниз, но тотчас поднялась и быстро ощупала препятствие руками. К моему немалому удивлению оно оказалось холодным и твердым и вовсе не ассоциировалось в моем представлении с земляной возвышенностью, а скорее походило на отвесную скалу. Впрочем, я по-прежнему не была уверена в правдивости своего предположения, ибо поверхность сего загадочного монстра оказалась чересчур гладкой.

У меня не было ни малейшего желания строить бесчисленные догадки по этому поводу, так как я была слишком измождена долгой ходьбой и неизбывной печалью в мучительно трепещущем сердце. Посему я весьма охотно отказалась от дальнейших бесплодных попыток продолжать свой путь в непроглядной темноте и, покорившись воле Провидения, примостилась у подножия таинственной громады. Сырой, буйный ветер неистово выл и пронзительно стонал надо мною; казалось, его стремительные порывы бушевали по всем потаенным закуткам этой дикой пустынной местности. Разразилась яростная гроза. Сверху то и дело метали молнии. Их регулярные вспышки озаряли всю округу ослепительным блеском, методично превращая ночную мглу в светлый день. Повсюду раздавался зловещий рокот грома, словно бы с неумолимой силой сотрясающий небесное и земное пространство.

Я невольно вздрогнула: мне вдруг стало не по себе. «Что все это значит? – мгновенно пронеслось в моем воспаленном сознании. – Ужели это проклятое безумие никогда не отступит от меня? Ужели вовеки не будет желанного покоя моей обездоленной душе? Покоя, бесконечно далекого от привычного стереотипа этого понятия. Покоя светлого и умиротворенного, в отрадном целенаправленном движении, в сознательном, живом действии, а отнюдь не в закоснелом прозябании в безнадежных путах совершеннейшей апатии».

Подобные свирепые грозные ночи были знакомы мне весьма близко. Они буквально преследовали меня по жизни, с поразительной точностью знаменуя каждую ее новую фазу. С невыразимым ужасом ожидала я очередной бури, ибо каждое ее приближение стало для меня неизбежным предвестником судьбоносных перемен. Так было трижды. Впервые это случилось со мною в ночь перед моим замужеством. Я прекрасно запомнила ту ночь, хотя тогда еще не обнаружила для себя тех мистических тайнств, какие были сокрыты в ее непостижимой

глубине. Та гроза отгремела довольно быстро. Вскоре все стихло и благополучно потонуло на время в недрах моего сознания.

Однако пришел срок, когда неизменный глашатай моей Судьбы снова напомнил мне о своем существовании. Теперь он избрал для своего урочного визита ночь перед рождением моего сына – первого и единственного ребенка, дарованного мне Провидением. Буря поднялась совершенно неожиданно, – казалось, ничто не предвещало ее, – как, впрочем, было и в первый раз. Но необузданные яростные порывы этой стихии не смолкали гораздо дольше. На сей раз я крепко призадумалась, зная, что близится срок моих родов. В памяти моей тут же встала предсвадебная ночь. Ее отчаянные деяния возникали перед моим мысленным взором в своей изначальной живости, будто бы все произошло не далее чем вчера.

И тут мне явилась дерзкая мысль о тайных знаменьях, вестниках Судьбы, регулярно навещающих своих удельных избранников в незримом облике всемогущих нетленных сил истинной прародительницы всего живого – могучей величественной Природы. Я приняла эту ночь как условный знак, посланный мне свыше, и без малейшего удивления в продолжение последующих же суток легко разрешилась сыном.

Те памятные бурные ночные ненастья предшествовали самым счастливым, горячо желанным событиям моей жизни. Однако их неизбежные и притом незамедлительные последствия уже в ту пору поселили в моем сердце некую смутную тревогу, которая с каждым днем разрасталась, становясь все ощутимее. В конце концов тревога эта достигла невероятных размеров, стремительно оттеснив на задний план все иные помыслы и совершенно обуздав мое сознание. С нарастающим леденящим ужасом ожидала я очередного случайного столкновения с моим непостижимым таинственным гостем – бурей.

Мои тревожные ожидания не замедлили оправдаться. Это произошло совсем недавно. Стихия разбушевалась со всей возможной безрассудной неистовостью. Как сейчас помню непрерывные грозные завывания дико свирепствующего по всей округе восточного ветра, оглушительные громовые раскаты и ослепительные полыхания молний. Гроза буйствовала все пуще и пуще; ее шальное разгулье продолжалось всю ночь. Незыблемый суеверный страх поразил тогда мое сознание; ужасные предчувствия с неотступной силой теснили мне грудь. Наконец занялась утренняя заря, и злополучное ненастье как будто улеглось. Новый день постепенно вступал в свои законные права... День, породивший ту глубочайшую скорбь и бесконечную печаль, что прочно обосновались в моем растоптанном сердце, где и суждено им пребывать отныне и вовек.

И вот теперь моя изможденная плоть распласталась по земле и покорнейше сносила все те мучительные напасти, что выпали на ее долю, в то время как все мои помыслы в стремительном порыве возносились к Творцу в отчаянной страстной молитве призвать мою душу в его вечную обитель. Ибо (как мне тогда казалось) ничто уже не держало меня на земле, покуда я лишена надежды на встречу с теми, кто составлял смысл моей жизни; разве что их бесплотные души соизволят явиться мне в ином облике – в облике призраков.

Странное дело: в то время как тело мое мокло под неистовым ливнем, скованное холодом и немощью, сознание мое, дотоле дремавшее в совершеннейшей апатии, внезапно пробудилось, ожило. В нем развернулась яростная борьба двух противостоящих позиций. С одной стороны, меня обуяло смутное упование, что нынешняя буря – предвестие моей неотвратимо грядущей смерти. С другой же стороны – в противовес этому упованию – я с неизъяснимым трепетом в сердце ожидала, что коварные неумолимые силы Судьбы готовят мне новые суровые испытания, знаменуя очередную вежу моего унылого и безотрадного земного бытия. При этой мысли я содрогнулась от ужаса: в настоящих условиях подобная перспектива казалась мне наихудшей.

Неужели Провидение снова сыграет со мной злую шутку, насмеется над моими чувствами, приумножит мои страдания? «Хотя, – поразмыслила я, – моя печаль столь глубока, а

отчаяние столь неизмеримо в своей безграничности, что, пожалуй, любые дальнейшие уловки Судьбы окажутся бессильными в своем стремлении сделать меня несчастнее, чем я есть сейчас и буду всегда, доколе теплится еще во мне тусклый отсвет моей жалкой никчемной жизни. А посему самое разумное, что остается могущественному Провидению, – это направить свои коварные насмешки на другой, более достойный предмет, меня же оно весьма облагодетельствует, послав мне вожделенную Смерть». Эти мысли принесли мне наконец некоторое успокоение, и вскоре глубокий сон безраздельно завладел моим сознанием.

Вероятно, было уже за полдень, когда я пробудилась. Открыв глаза, я тут же обвела взором округу. Ночная буря уже улеглась, не преминув оставить повсюду неопровержимые свидетельства своих безрассудных деяний в виде грандиозного наводнения, постигшего все обозримое пространство, да страшной гибели поблекших от холода и сырости диких кустарников, редкие силуэты которых, распластанные по земле, контрастно выделялись на общем суровом фоне безбрежной пустоши.

Я тотчас поднялась со своего мокрого ложа, возвратив земле тот бесценный дар, каким она столь щедро наделила меня: с моей грязной, истертой в жалкие лохмотья одежды градом катились обильные потоки дождевой воды. Только теперь, к своему немалому удивлению, я обнаружила, что дождь – этот мой верный постоянный спутник, наконец прекратил беспощадно хлестать и без того уже совершенно отсыревшую и как-то странно отяжелевшую дикую землю этой безлюдной заповедной местности.

Я подняла взор. Прямо передо мной горделиво возвышалась причудливая постройка, отделанная острыми каменными плитами и напоминающая своей захватывающей дух крутизною громадную отвесную скалу, вершину которой скрывала непроглядная пелена густого сизого тумана.

Тут мне мгновенно вспомнились последние события минувшего вечера, и тотчас мне явилась мысль, что, вероятно, эта суровая, неотесанная глыба, будто бы по велению чародея внезапно выросшая пред моим рассеянным взором, – есть не что иное, как давешний таинственный монстр, столь неожиданно и решительно преградивший мне путь.

Сделав для себя это открытие, я инстинктивно отступила на несколько шагов, чтобы еще раз убедиться в правильности своей догадки.

К пущему моему изумлению предметом моих отчаянных домыслов оказалось всего лишь крутое взгорье, на самой маковке которого сквозь густую туманную мглу проступали неясные контуры местной церкви, величественно вздымающейся над этими дикими, безбрежными просторами. От ее смутных, почти призрачных очертаний веяло непостижимым и в то же время, заманчивым духом средневековья. «Верно, сам Господь направлял мои стопы в этом нелегком пути, – подумалось мне тогда. – Не иначе, как мощный вековой свод этой гордо взирающей с высоты своего величия церкви ожидает того момента, когда примет наконец под свою благодетельную сень мое остывшее безжизненное тело».

Воодушевившись этой мыслью, я собрала последние силы и двинулась вверх по взгорью. Однако минутой раньше некое внутреннее побуждение почему-то заставило меня тревожно оглянуться назад. Быть может, в тот момент мной овладело подспудное опасение упустить нечто чрезвычайно важное, значительное – что-то, тайный смысл чего я тогда еще не могла постичь? Будто бы прошлое внезапно предстало предо мною во всей своей устрашающей неотвратимости. Оно было здесь, близко, маячило где-то на неосязаемой грани моего сознания, словно готовя мне очередную западню.

Мне уже было почудилось, что я снова оказалась во власти этого жуткого кошмара: я почти физически ощущала на своем лице его зловещее смрадное дыхание и видела внутренним взором зияющую пропасть, с неумолимой скоростью разверзающуюся под моими ногами. Неизъяснимый страх внезапно оглушил меня; в моих глазах резко потемнело, и от этого я совершенно утратила контроль над собой, но все же продолжала держаться на ногах, беспо-

мощно протягивая вперед дрожащие кисти рук. Предо мной то и дело мельтешили, выступая из тьмы, какие-то непонятные красные точки. Во рту чувствовался странный привкус, заключающий в себе некое мистическое смешение жгучей горечи и грубого металла.

Это безумие продолжалось, вероятно, не более нескольких мгновений, но тогда они показали мне вечностью. Слух мой постепенно обострялся и стал улавливать какой-то странный звук, проступающий сквозь хаотический шум, решительно обуздавший мое сознание и всецело подчинивший своей безраздельной власти все мое существо. Сначала это был просто робкий, невнятный шорох, доносившийся из непостижимой беспредельности. Однако он не прерывался ни на мгновение и постоянно усиливался, как-то причудливо перекатываясь единой сплошной волною. Этот таинственный звук, все отчетливее проступающий сквозь призму моего помутненного сознания, постепенно привел меня в чувства. Злополучный мрак, столь внезапно заставший мой взор, наконец-то рассеялся, и мне стало гораздо легче.

Благословенный источник моего чудесного спасения все не смолкал, и я, спохватившись, обернулась в ту сторону, откуда доносилась его дивная, мерно баюкающая песнь, как бы неукоснительно навевающая изнуренному путнику, казалось бы, совершенно утратившему жизненные силы, сладкий счастливый сон. То был поистине восхитительный животворящий водопад – сказочно-прекрасный, прозрачно чистый, как горный ключ. Его-то блаженный, полнокровный рев и вернул меня к жизни.

Водопад находился совсем недалеко от места моего давешнего ночлега, но почему-то до сих пор он оставался за пределами моего внимания, хотя, как выяснилось теперь, и заявлял о своем существовании достаточно настойчиво и громогласно. Однако озадачило меня вовсе не то обстоятельство, что этот дивный источник был для меня невидимым вплоть до настоящего момента; куда больше меня взволновало другое. Я мысленно прикинула последний отрезок моего пути накануне, постаралась вспомнить, в каком направлении я двигалась. По всему выходило, что моя заповедная тропа пролежала как раз через стремнину водопада.

Так, значит, я и вправду пересекла этот стремительный водный поток, сама того не заметив? Да, определенно, все было именно так; никаких сомнений тут быть не могло. «Впрочем, – размышляла я, – учитывая состояние, владевшее мною последнее время, меня уже ничто не должно удивлять». К тому же, когда все земное пространство в округе омыто водой, отличить застоявшуюся вязкую слякоть непроходимого бездорожья от более обильных стоков воды подчас бывает весьма затруднительно, в особенности, если бредешь практически наугад в сгустившихся сумерках под стихийным разгулем неугомонного ливня.

Теперь я с наивозможнейшей остротой почувствовала всю устрашающую безысходность своего положения. Я оказалась загнанной в коварную ловушку всемогущей Судьбы, со всех сторон отгородившей меня от внешнего мира и его неугомонной суеты. Позади меня горделиво вздымалось могучее крутое взгорье, впереди стремительно неслась мощная стихийная струя бурного, полнокровного водного потока. И хотя препятствия эти были вполне преодолимы, я ощущала себя в совершеннейшем тупике, безжалостно отрезавшем меня от времени и пространства. Будто бы я стала случайной пленницей величественных и непостижимых природных сил – чарующих и одновременно неумолимых в своей первозданной суровости.

Эта мысль привела меня в страшное смятение, но она же вселила неистовое желание бороться с безрассудными силами Природы, внушила отчаянную волю к победе в этом отнюдь не равном поединке. Меня внезапно обуяло неодолимое стремление поскорее освободиться от этого страшного гнета, какой неотвратимо налагала на меня собственная трусость. Я избрала себе опасного противника – ведь брошенный мной вызов посылался отнюдь не простому смертному, вроде меня самой, но самой Природе.

Чтобы иметь возможность атаковать своего незримого противника по всем правилам, мне необходимо было, прежде всего, вырваться из весьма искусно подстроенной им западни. Сознание того, что я – пленница, душило меня, стремительно захлестывая волной отчаяния.

Я должна была непременно продолжить свой путь. Но в каком направлении мне следовало двигаться, если проход был отрезан со всех сторон? Я снова, – теперь уже в последний раз, – бросила тревожный взгляд на быстротечную струю водопада, через которую пролегла моя давешняя тропа. «А что, если вернуться? – внезапно явилась мне нелепая мысль. – Вернуться? Но куда?» Я с невыразимым ужасом осознала, что по ту сторону этого ревущего водного потока притаилось ПРОШЛОЕ – поистине страшное, неотвратимое, готовое в любую минуту поглотить меня. Я тотчас отвернулась, чтобы прогнать неумолимо преследующую меня тень сего злополучного мерзкого демона. В глазах моих снова потемнело; почувствовав, что нос мой упирается во что-то скользкое, я инстинктивно отступила назад, и непроглядная пелена мрака, заслонившая мой праздный взор столь внезапно, тут же рассеялась.

Передо мной во всей своей красе развернулось величественное взгорье, могучую вершину которого торжественно венчала горделивая старинная церковь; ее стройный фасад теперь уже более отчетливо проступал сквозь туман. Судя по всему, разум мой наконец прояснился, и мои просветленные мысли снова беспрепятственно устремились в то благодное русло, в какое направлялись они до того проклятого момента, как неотступное прошлое бесцеремонно ворвалось в мое сознание и решительно пресекло их мирное течение. «Вперед! Только вперед! – мысленно приказала я себе. – Теперь самое главное – добраться до церкви». Я возвела руки к Небесам и послала Всевышнему горячую молитву, чтобы этот дивный вековой храм стал моим последним приютом и затем, не теряя больше ни минуты, уверенной и твердой поступью направилась к своей новообретенной заветной цели.

Впереди постепенно вырисовалась безбрежная гряда диких суровых холмов, подернутых плавно струящейся белесой пеленой тумана. Сие пресловутое атмосферное явление Альбиона достаточно красноречиво напоминало о себе здесь, на этих пустынных, овеваемых всеми ветрами сельских просторах. Туманная пелена, обступившая взгорье со всех сторон, попеременно сгущалась и прояснялась – то становясь суровой непроходимой мглой, то превращаясь в легкую прозрачную дымку, словно бы невзначай подернувшую эти безлюдные окрестности. И в зависимости от этого необозримые кряжи холмов, тянувшихся вдоль предполагаемой мною линии горизонта, то и дело, проступали сквозь непроглядную муть на зримую поверхность и снова исчезали в своем надежном потайном укрытии.

Когда я уже начала было думать, что пути моему не будет конца, и почти отчаялась в своей надежде выбраться на вершину холма, я наконец ее достигла. Мой рассеянный взор стал беспорядочно блуждать по округе.

Местность, где я оказалась, хранила на себе унылый отпечаток уединения и заброшенности. Несмотря на ужасную слабость, сковавшую меня и грозившую по меньшей мере головокружением, я все же решила глянуть вниз, чтобы иметь возможность реально оценить всю опасность проделанного мною достаточно рискованного подъема. Должно быть, меня совершенно обуздало естественное стремление благополучно вскарабкаться на эту вершину, если, помимо смутных очертаний дикой гряды холмов, я не замечала ровным счетом ничего вокруг. Как оказалось, путь мой пролегал через мощенную каменными плитами деревенскую улицу, громоздящуюся от самого подножия взгорья прямо сюда, к его вершине. По обеим сторонам тянулись жилые дома, отделанные камнем; их стройные силуэты мягко сливались с покрывающей их бесконечной завесой тумана.

«Какое странное, дикое место!» – подумалось мне. – Пожалуй, я слишком поспешила давать этим суровым холмистым окрестностям однозначное и, как мне теперь показалось, слишком тривиальное для них определение «деревня». Попросту сие бесхитрое наименование было первым, что подвернулось под мои постоянно витающие в прострации мысли, хотя на подобное заключение имелось столь же мало оснований, как, к примеру, на то, чтобы объявлять деревней крупный, щедро оснащенный всевозможными производственными предприятиями город.

Та заповедная глушь, куда неотвратно доставили меня могущественные силы Судьбы, никак не могла характеризоваться обыденными конкретными понятиями типа «города» и «деревни». Ни то ни другое отнюдь не вызывало у меня каких-либо более или менее существенных ассоциаций с тем, что я видела вокруг.

Слишком уединенное расположение местности, ее непостижимое отдаление от мирской суеты, сравнительно немногочисленное население (о чем можно было судить по довольно-таки скудному числу каменных жилых домов, разбросанных по склону взгорья), а также явное отсутствие малейших намеков на возможность существования здесь фабрик, заводов и прочих неотъемлемых атрибутов типично устроенной светской жизни, совершенно очевидно исключали первое. Что же касается второго, то, в соответствии с моими представлениями о характерных особенностях сельского быта, жизнь в деревне – пусть не столь яркая и блистательная, как в городе, однако ничуть не менее своеобразная, интересная, исполненная особого, ни с чем не сравнимого очарования, – всегда кипит бурным ключом. От зари до зари даже в самых потайных закутках населенных английских провинций творится беспрестанная суета. Повсюду здесь господствует интенсивное движение, шумная возня, неутомная деловитость – совершенно чуждые праздным увеселениям большого света и укрытые от его пустой ничтожной фальши столь же надежно, точно дикий муравейник, запрятанный от любого неожиданного вторжения в непроходимых дебрях суровой лесной чащобы, однако хранящий внутри своих недосягаемых пределов немеркнущий вовеки принцип Жизни.

В противовес этому все, что окружало меня теперь, было овеяно духом зловещего безмолвия и суровой, устрашающей пустоты. Даже случайная овца не встретилась мне на моем одиноком пути, пролежавшем через это угрюмое могучее взгорье. Даже одинокая птица, отбившаяся от своих пернатых сородичей, не пронеслась над моей головой.

Что до людей, так их будто бы не было вовсе. И хотя до этого момента я твердо полагала, что давно вышла из того нежного возраста, яркие представители коего весьма охотно верят в глупые сказки о привидениях, оборотнях и прочей мерзкой нечисти, теперь я была склонна принять за чистую правду все эти невероятнейшие истории. Мне почему-то подумалось, что из всех мест, какие могла облюбовать в качестве своего возможного пристанища сия блестящая когорта злополучных дьявольских отродий, наиболее верными и подходящими для идеального размещения всех ее членов окажутся эти незатейливые домики, громоздящиеся к дикой вершине взгорья. Во всяком случае, подобная перспектива казалась мне более вероятной, нежели обитание здесь реальных живых людей.

Бесспорно, этот величественный угрюмый край таил в себе заветную, непостижимую прелесть, но в нем не заключалось ни малейшего признака жизни; он был мертв вместе со всей его суровой перевозданной красой.

Я оглянулась и возликовала. Примерно ярдах в двухстах от меня оказалась средневековая церковь, всплывающая сквозь туман, точно призрачное видение, знаменующее собой (как мне почудилось в тот момент) нечто потустороннее – непостижимый и заманчивый ирреальный мир.

Немедля, я двинулась к своей путеводной звезде, приветливо кивающей мне с ближайшего поворота, выводящего с большака на проселочную дорогу. Мною владело безотчетное ощущение, будто я беспрестанно прорываюсь сквозь упругую мембрану мрака и холода. Даже то, что невольно отмечал мой рассеянный взор – и крутое суровое взгорье, с величавым достоинством вздымающееся над дикой безбрежной грядой кряжистых холмов, и дивный быстротечный водопад, струящийся у его подножия, да и вообще вся эта угрюмая нелюдимая фантастически-загадочная местность с ее грандиозным монаршим венцом – ослепительно-прекрасной, безупречно отстроенной церковью, – все это мнилось мне лишь плодом воображения, бредовым видением, обманчивыми блуждающими огоньками, неверный мерцающий отсвет которых вот-вот рассеется и исчезнет.

С большой дороги я свернула довольно скоро, однако чем дальше я продвигалась, тем неотступнее туманная мгла заволакивала окрестности. Туман стал сгущаться с устрашающей быстротой и в конце концов навис над поселком (я условно обозначу термином «поселок» место, где я оказалась; за неимением других характеристик это наименование представляется мне наиболее приемлемым) непроглядной пеленою. Я продолжала брести наугад, стараясь держать в памяти место расположения церкви, очертания которой, и без того неясные, окончательно растворились в безграничном пространстве.

Признаться, это несколько сбilo меня с толку: ведь я была почти у цели, казалось, протяни руку и дотронешься до самой непостижимой Вечности, что сокрыта за блистательным великолепием сего священного чертога. Но нет! Очевидно, это было бы слишком щедрой милостью, дарованной свыше, – просто невозможной для жалкого, ничтожного существа вроде меня. В общем, я ничуть не удивилась, что Судьба в очередной раз посмеялась надо мной; я уже привыкла к ее постоянным коварным уловкам. «Не исключено, что чудесная церковь была всего лишь зыбким миражом, орудием злополучных сил, намеренно сбивших меня с пути истинного и вновь направивших мои неугомные стопы по проторенной исстари ложной тропе», – подумала я.

Вскоре, как мне показалось, я услышала странный шорох, сплетавшийся с неведомо откуда возникшими здесь возгласами людей. «Невероятно! – размышляла я. – Неужели и в самом деле кто-то живет в этом Богом забытом краю?»

Следуя естественному внутреннему инстинкту, я тут же направила на столь отрадные моим ушам звуки живой речи. Поначалу я думала, что все это – не более чем слуховой обман. Однако очень скоро мне довелось убедиться, что я ошиблась в своем предположении, а моя первая, как представлялось мне – нелепая, мысль оказалась верной: здесь действительно были люди.

Туман несколько рассеялся, и я смогла увидеть их: они составляли небольшую сплоченную группу. Я решила, что, вероятно, это местные жители, которые, скорее всего, направляются в церковь (видневшуюся теперь более отчетливо, и было ясно, что это действительно церковь, а не плод моего разыгравшегося воображения) на традиционную службу (утреннюю или вечернюю – я не вполне осознавала, да это было и не столь важно).

Я поспешила примкнуть к сей славной когорте. Однако и здесь меня ожидало глубокое разочарование: едва я начала ее наступать, как нас снова разделила непроходимая стена тумана. Все же я слышала голоса – теперь уже отчетливее – это несколько ободряло, вселяя отрадную уверенность в том, что я двигалась в верном направлении. «Что ж, для начала довольно и этого. Теперь главное – не отстать от группы».

Где-то поблизости приглушенно скрипнула невидимая створка: «Должно быть, распахнули двери церкви», – решила я, потому что степенные шаги и отдельные невнятные людские реплики доносились как раз оттуда. Я старалась следовать общему течению, но это становилось все труднее: голоса как-то резко смолкли, хотя теперь я знала наверняка, что люди (и церковь! – на что я искренне уповала) были совсем близко.

Я уже было подумала, что снова сбилась с пути, ибо вопреки моим отчаянным ожиданиям священный храм, где я так жаждала найти свое спасение, отнюдь не спешил предоставить мне благостный кров. Вместо скромно отделанного приходского алтаря меня по-прежнему окружало незыблемое бесконечное пространство.

Когда же злополучные чары тумана снова растворились, я оказалась словно в полусне. Вокруг меня стелились, громоздясь ввысь, бесчисленные могилы, увенчанные различного вида надгробиями. Все это было так неожиданно, что я даже на мгновение остановилась, прикрыв глаза рукой, чтобы хоть ненадолго избавиться от неотступного видения внушительной череды мрачно взирающих на нежданных пришельцев суровых надгробий, стремительно ввергающих в атмосферу унылой аскетичной отрешенности. Никаких сомнений тут быть не могло: неот-

вратимые силы Судьбы, не мудрствуя лукаво, доставили меня по избранному ими, наиболее подходящему для моей неугомонной, мятежной особы местоназначению – на протестантское кладбище.

Теперь я наконец-то смогла увидеть церковь – она оказалась совсем близко. Я поспешно направилась к своей вожделенной цели и уже очень скоро пробралась-таки в заветные пределы небольшого уютного храма, где, на мое удивление, толпился народ. Впервые я разглядела высокий катафалк, на котором помещался сосновый гроб весьма солидных размеров. Люди тесно сплотились вокруг него. На всех присутствующих было подобающее случаю черное облачение.

Я стала медленно приближаться, подчиняясь скорее инстинкту, чем сознанию. То, что мне только что довелось увидеть – весь обнесенный дерном погост с его унылыми могилами, – мгновенно неотвратно напомнило мне о том страшном дне, что беспощадно унес с собой моих самых близких людей, а вместе с ними – мои светлые надежды и упования. И эти похороны... Чье-то чужое тело очень скоро предадут земле. Над ним, должно быть, уже были пролиты реки слез безутешных в горе родственников и знакомых. В честь умершего наверняка звучали и будут звучать помпезные хвалебные панегирики, превозносящие его всевозможные несравненные достоинства – действительные и вымышленные. Словом, я нисколько не сомневалась, что этому несчастному (впрочем, скорее – счастливому) с лихвой воздадут после смерти те роскошные почести, какие, как водится в кругу беспечных представителей рода людского испокон веков, ему, конечно же, при жизни и не снились.

Все это, вероятно, явилось бы отрадным утешением для умершего, не будь это утешение слишком запоздавшим. И тем не менее душа его, должно быть, в эти минуты ликует на Небесах, наблюдая, как бережно обращаются сейчас эти люди с ее тленной оболочкой. Отныне покинутое ею тело будет мирно покоиться в благодатной земле, что его взрастила. Мне страстно верилось, что в сознании этого факта душа его обязательно найдет источник бесконечной радости.

«А вот *они*, кого навеки смыло с лица земли безрассудной морской волной, никогда не познают величайшего счастья в возможности единения с той природной стихией, откуда они явились, – думала я со щемящей тоской в сердце. – Они не станут предметом умилительных неумных восторгов и несколько припозднившихся сверх щедрых похвал беззаботной толпы. На их бесчувственные тела не прольется поток неискренних слез, струящихся из глаз людей, которые, быть может, часок-другой спустя, собравшись за пинтой портвейна, станут с самодовольными ухмылками увлеченно обсуждать количество прибыли, вырученной ими с похорон. Но и они не исчезнут из этого брэнного мира. Не исчезнут до тех пор, пока жива еще светлая память о них в верных сердцах тех немногих людей, кому они были по-настоящему дороги. Эти единичные избранники не станут превозносить их в напыщенных речах, расточать пустые неуместные комплименты, да и вообще – выставлять свои чувства напоказ. Нет! *Такие* будут скорбеть в одиночку, но скорбь их будет истинная, неподдельная, не ведающая никаких предельных граней. Именно таковой является моя собственная скорбь».

Я приблизилась к похоронной процессии почти вплотную, сохраняя все же некоторое расстояние, позволяющее, однако, совершенно беспрепятственно наблюдать за происходящим, оставаясь как бы в стороне.

Заняв, таким образом, выгодно затененное местечко, я стала с наивозможнейшим вниманием прислушиваться и присматриваться.

Люди, сплотившиеся вокруг катафалка, безмолвно расступились. На переднем плане осталось лишь несколько человек. Среди них было три женщины. Одной из них могло быть около семидесяти – этакая сухопарая тощая старушка с аккуратно завитыми и уложенными под чепец седыми локонами. Другая казалась приблизительно моего возраста. Но больше всех меня поразила третья дама, которой, вероятно, еще не исполнилось пятидесяти. Она показала мне довольно милостивой, и ее черты несли на себе отпечаток непостижимого величия.

Коренастый, несколько неуклюжий священник средних лет, облаченный в черный стихарь, произносил надгробную речь. На первый взгляд его слова могли показаться вполне традиционными, естественными для подобных случаев. Однако мне почудилось, что за этими избитыми фразами скрывается нечто большее: будто бы в отношении священника к покойному присутствовал некий личный обертон.

Не то чтобы преподобный отец выглядел опечаленным или разбитым – нет – но его ширококостное, уже охваченное процессом старения лицо отнюдь не являло собой образец равнодушного спокойствия. Я заметила, как рука его (та, что была свободна; в другой он держал требник) инстинктивно потянулась к виску, и запястье на мгновение прикоснулось к уголку глаза, но тут же, поспешно отдернутое, опустилось и мирно легло поверх священного облачения. «Неужели он и вправду прослезился? – мысленно спросила я себя. – Нет. Не может быть. Наверное, мне просто показалось. С чего это достойному священнику всерьез оплакивать самого что ни на есть обыкновенного покойника?»

– ...Да возвратится прах сей в землю, из которой он взят...

– ...Аминь! – волной приглушенных возгласов пронеслось по толпе.

– ...Да не отринет Господь душу смиренного раба своего и верного служителя воле своей на земле... Патрика...

Сердце мое мгновенно встрепенулось и замерло; казалось все мое тело пронзила внезапная резкая судорога. «О, Боже! Что он говорит?! Верно, я уже схожу с ума! Это просто невероятно: ведь я отчетливо слышала, какое имя произнес сейчас святой отец – *Патрик*, ведь так? Неужели это имя и в самом деле принадлежало умершему? Или это всего лишь очередной обман – игра воображения? Новая коварная насмешка Судьбы? Видно, сам зловещий Рок вступил в спор с Высшими Силами и нипочем не отступится до тех пор, пока страшные тиски его окончательно не раздавят меня и, решительно сломив всякое сопротивление, не сотрут в порошок, точно трухлявую гнилушку».

Почему сознание мое, до сих пор пребывавшее в состоянии безмятежной созерцательности, вполне подлежащем своевременному самоконтролю, внезапно утратило власть над собой и оказалось в безысходном тупике, словно растерянный пленник, нечаянно попавший в собственную западню? Будто бы все, что со мной происходит, видится мне в сплошном кошмарном сне, от которого никогда не будет пробуждения? И в этом безграничном призрачном пространстве единый стремительный поток хаотично смешал принципиально изолированные друг от друга временные пласты: прошлое и настоящее.

«Ужели все, что окружает меня на этой земле, ляжет извечной громоздкой тяжестью на мою немощную грудь? Видно, таково мое пожизненное проклятие: теперь любой пустяк неизменно напоминает мне о *них*. Их мертвенно бледные лица, некогда такие близкие, ныне же – невероятно отстраненные, наверное, будут вечно мелькать пред моим внутренним взором, кивать из-за кустов, улыбаться в каждом видимом предмете. Будь то живое существо – от человека до всякой мелкой твари или же, к примеру, высеченный из серого камня угрюмый монумент – вроде тех, что венчают мрачное безмолвие окружающих могил, – не важно. Всегда и повсюду будут чудиться мне их призрачные образы; они будут преследовать меня неотступно... В каждом слове, в каждом звуке живут их мелкие неосязаемые частицы...

Он сказал: *Патрик*? Не может быть. Мне просто послышалось. Подобные совпадения слишком невероятны... Я должна немедленно успокоиться, взять себя в руки, чтобы иметь возможность поскорее уйти отсюда», – при этой мысли я с ужасом содрогнулась, внезапно почувствовав, что не в состоянии сдвинуться с места: мои ноги, скованные неизъяснимым страхом, стремительно обуздавшим все мое тело, будто бы приросли к каменному полу церкви.

«Что со мной? Я словно помешалась! Во всяком случае, мое сумасшествие кажется мне более вероятным, чем та омерзительная действительность, что предстала передо мной столь внезапно и неотвратимо. Одна лишь мысль о реальности всего происходящего способна прон-

зять мое сердце судорогой отчаяния; по мне уж лучше – помутнение рассудка... Невозможно, чтобы незнакомец, лежащий сейчас в гробу, носил имя Патрик: он не может быть *моим* Патриком!»

Я решилась еще раз взглянуть на продолговатую полосу добротного сколоченного соснового ящика, для чего мне потребовалось собрать все то мужество, какое только оставалось во мне тогда, но уже начинало покидать меня. Всем своим существом я ощутила внезапно, что мой безусловный долг – превозмочь свой предательский страх, ибо мне стало совершенно очевидно, что если я не отважусь сделать этого прямо сейчас, то столь благоприятная возможность разъяснить истинное положение дела мне не представится более никогда. В моем распоряжении оставалось лишь это ускользающее мгновение; к счастью, я его не упустила, и оно щедро наградило меня, оправдав мои ожидания и поселив в моем оледеневшем страдальческом сердце толику надежды.

«Нет! Конечно же, нет! – казалось, все мое существо вступило в яростную схватку с Предвечными Силами. – Этот человек – не *мой* Патрик! Как могла я допустить хоть малейшее сомнение на этот счет? Гроб слишком длинный и широкий: столь солидные размеры никак не подойдут моему крохотному сыночку – моей родной кровиночке, моему драгоценному сокровищу! *Мой* Патрик не умер! Нет! Он жив – так же, как и мой возлюбленный супруг, Эдвард Поль² – они оба живы! Я знаю... я верю... Я должна верить, что это так – иначе, что же мне остается! Они не могли оставить меня – это было бы слишком жестоко! Тела не найдены, а значит, ничего не известно наверняка! Зачем я пришла сюда? Кто эти люди? Что им всем от меня нужно? Патрик... Патрик? Какой Патрик? Мой отец? Но это невозможно! Он ушел из жизни много лет назад! Быть может, все это происходит со мною в кошмарном сне? Как страстно жажду я поскорее пробудиться, благополучно избавиться от власти его коварных чар и вновь обрести своих горячо любимых близких – моего дражайшего супруга Эдварда Поля и нашего ненаглядного задорного шалунишку Патрика...»

– *Патрика...* – словно мгновенное эхо, подхватил мою прерванную мысль и направил ее в совершенно иное русло гулкой раскатистой бас, тут же вернувший меня к реальности. То был знакомый мне голос – голос святого отца, в чьих устах это неумолимое слово прозвучало с такой ясной отчетливостью, какая будто бы специально предназначалась для самого позорного крушения моих призрачных иллюзий.

Это стало последней каплей: имя, произнесенное священником, резко оглушило меня, словно на мою голову внезапно обрушился тяжелый удар молотка; в глазах моих мгновенно потемнело, и, совершенно утратив контроль над собой, я почувствовала, что теряю равновесие...

Довольно долго я не ощущала отчетливой грани между сном и бодрствованием. Все как-то странно смешалось в моем зыбком, постепенно и мучительно пробуждающемся к новой жизни сознании. Оцепенение и пустота, во власти коих оно пребывало неведомый мне срок, должно быть, подарили вожделенное отдохновение моей обездоленной душе и изнуренному телу. Но, помимо моей воли, им суждено было восстать из небытия; увы, они вновь окунулись в невыносимо опостылевший леденящий склеп повседневной обыденности.

Когда я очнулась, вокруг было темно и тихо; только крохотный отблеск, словно легкая призрачная искорка, смутно мерцал предо мной, выступая из тьмы; и как-то слишком комфортно ощутила я себя – впервые за долгое время. Мое теперешнее ложе вдруг показалось мне каким-то неправдоподобно мягким, сухим и уютным: будто бы я внезапно оказалась в просторной чистой кровати, согретая приветливым теплом домашнего очага. К немалому своему изумлению я очень скоро убедилась в подлинной правдивости своих ощущений.

Я пребывала в полном недоумении, вызванном столь разительной переменной обстановки. Мне даже явилась благая мысль, что я попала в загробный мир. Но, убедившись в слишком ясной живости своих ощущений, абсолютно чуждых чему-либо потустороннему, я могла утешиться лишь робкой надеждой, что, возможно, меня постигло счастливое пробуждение от страшного кошмара, – ощущение, схожее с тем, что довелось мне испытать когда-то давным-давно, в далекие детские годы. Как сильно переменялось все с тех пор! Впрочем, очень может быть, все осталось по-прежнему; изменилась я сама, мои собственные чувства, помыслы и представления – как знать?

– Как ваше самочувствие, сударыня? – неожиданно услышала я незнакомый голос, звучавший где-то совсем близко.

Я еще не настолько оправилась от потрясения, чтобы обрести утраченную способность осознавать и оценивать происходящее, однако смутно догадывалась, что вопрос адресован именно мне. Вглядевшись во мрак, нарушаемый лишь мягким отсветом, исходящим от невидимого источника, я различила пару неясных силуэтов склоненных надо мною женских фигур. В следующее мгновение я ощутила легкий толчок: чьи-то руки осторожно приподняли мою голову и бережно поправили лежавшую подо мной подушку...

«Где я?!» – мысли мои были всецело поглощены одним лишь мучительным вопросом. Недоумение, поселившееся во мне с самого начала, возрастало с каждой секундой и в конце концов достигло крайнего предела. Будучи не в силах более выносить столь тягостного неведения, я произнесла этот вопрос вслух.

– Успокойтесь, сударыня. Все в порядке: вы попали в надежные руки, – последовал ответ, ничуть не развеявший моей отчаянной тревоги, а, напротив, еще более усугубивший ее.

Я сделала попытку приподняться, однако все те же заботливые руки настойчиво возвратили меня в прежнее положение; при этом мне наконец-то выдалась возможность как следует разглядеть лица моих благодетельниц. Я тут же узнала их: это были те самые дамы, которых мне довелось увидеть в церкви. Одна из них – та, что помоложе – стояла возле моей кровати с зажженной свечой в руках (эта-то свеча и испускала то золотистое сияние, что озаряло густые сумерки). Другая – женщина почтенного возраста – сидела в старинном кресле возле моего изголовья. Третьей – самой яркой и запоминающейся участницы похоронной процессии – здесь не оказалось.

«Значит, все-таки это не сон, – подумалось мне. – Стало быть, и кладбище, и церковь, и отпевание – словом, все то, что мне пришлось лицезреть, – было натуральным. А следовательно, и все мои собственные зловключения, равно, как и предшествующие им трагические события – отнюдь не результат бредового вымысла. Все это – часть страшной реальности».

– Ну вот, хвала Всевышнему, вы начинаете понемногу приходить в себя, – сказала женщина со свечой. – Может быть, вы чего-нибудь хотите: поесть, например? Вы, должно быть, очень голодны, ведь так? Правда, у нас тут не особенно богатый выбор блюд: нам-то самим – что нужно? Все – хозяевам... Да и наш-то хозяин не слишком взыскателен к еде: довольствуется насущным. Это наш теперешний хозяин, тот, что остался. Другой-то, главный, значит, наш – упокой, Господи, его душу – скончался на днях... Так вы хотите поесть? Я могу разогреть овсянки...

– Нет, Марта, – вмешалась другая дама, – она слишком слаба – настолько, что, вероятно, овсянка будет для нее тяжелой пищей. Принеси лучше теплого молока и немного хлеба – это то, что нужно.

Означенные условия были исполнены в кратчайшие сроки и я наконец получила возможность подкрепить свои силы.

– Думаю, вам необходимо как следует отдохнуть, – сказала Марта, – у вас совсем изможденный вид. Пойдемте, Эмма. Сейчас наше общество здесь некстати.

– Ах, нет! – возразила я. – Пожалуйста, не беспокойтесь. По правде говоря, я предпочла бы, чтобы вы остались.

Я почувствовала себя в состоянии продолжать беседу и поблагодарила своих благодетельниц за их доброту и внимание.

– Что вы, сударыня, не стоит благодарности, – сказала Марта, – право же, это лишнее.

– Если кого и следует благодарить, – добавила Эмма, – так вовсе не нас, а нашего хозяина. Это он дал вам приют. Разумеется, мы были весьма расположены оказать вам помощь, но без его великодушного содействия едва ли из этого намерения, пусть даже самого охотного и искреннего, могло бы что-либо выйти.

– Значит, своим нынешним положением я обязана вашему хозяину? Владельцу этого дома?

– Владельцу этого дома? – переспросила Марта. – Что ж, пожалуй, можно сказать и так. Наверняка хозяина назначат новым пастором, и тогда он сможет жить в пасторате – один или со своей семьей, ежели надумает жениться во второй раз и обзавестись наследником. Однако не вижу причин, которые позволили бы ему решиться на столь ответственный шаг. Учитывая некоторые характерные особенности его натуры и главным образом – его склонность к постоянству, доминирующую, пожалуй, над всеми его привычками и неизменно сказывающуюся в манере его поведения, – можно почти наверняка предположить, что в нем еще слишком жива память о его покойной супруге. Да и как можно ее забыть – то была чудная женщина – другой такой, уж верно, не сыщешь на всем белом свете!

Последняя часть разговора была мне не слишком понятна, и я попыталась вернуть своих собеседниц к интересовавшей меня теме.

– Прошу прощения, сударыни. Кажется, вы что-то упомянули о вашем прежнем хозяине... – тут я внезапно осеклась, подумав о возможной неуместности заготовленного мной вопроса о кончине означенного господина. Однако сказанного мною оказалось достаточным: мои собеседницы поняли меня вполне. Они многозначительно переглянулись между собой, и Марта со вздохом проговорила:

– Эх! Бедный, бедный наш хозяин, царствие ему небесное! Одному Богу известно, сколь много горестей и печалей выпало на его долю! Правду сказать, ох и странный он был человек, наш покойный хозяин! Вся его жизнь – кладезь непостижимости. Правда, от посторонних людей он старался прятать свои причуды, но, думается, никто из тех, кто имел случай познакомиться с ним ближе, не мог аттестовать его иначе, как невообразимого чудака, – хотя, казалось бы, его благородный сан менее всего мог сопутствовать подобной оценке. Что до меня лично, так он мне нравился. Мы с Эммой знали его много лет и, вопреки свойственной ему природной неуравновешенности и, пожалуй, излишней замкнутости, которые, я полагаю, легко извинить, я, в сущности, не могу сказать о нем ничего дурного. Эмма, я уверена, придерживается того же мнения.

– Это правда, – отозвалась Эмма. – Наш покойный хозяин был неплохим человеком, хотя и – что греха таить – не от мира сего. Я была очень привязана к нему, поверьте. Надо сказать, он был наделен довольно редким даром привлекать к себе людей, но лишь тех, кого он действительно любил, – поистине удивительная способность, если учесть, что сам он, как верно заметила Марта, сторонился любого общества, в том числе и всех без исключения членов его собственной семьи.

– Значит, он имел большую семью? – спросила я. – В таком случае, почему же теперь этот дом пустует? Насколько я поняла, кроме вас здесь живет лишь один человек – ваш новый хозяин, не так ли?

– Вы совершенно правы, сударыня, – отозвалась Марта. – Этот дом теперь и впрямь, как вы изволили выразиться, пустует. Он превратился в совершенное подобие унылого фамильного склепа. «БОЛЬШАЯ МРАЧНАЯ МОГИЛА С ОКНАМИ», – так, кажется, называла это

неприветливое жилище покойная супруга нынешнего хозяина. А между тем когда-то – и не так уж давно – здесь бурно кипела жизнь.

– Не слишком давно? Очевидно – при вашем прежнем хозяине?

– Определенно, вы не ошиблись. Огромной воли и мужества был этот человек – наш покойный хозяин. Полагаю, те страшные горести, что выпали на его долю, вполне извиняют его чудачества. Хоть здоровьем он был не из хилых, – тягот и забот, которые беспощадно обрушила на него жизнь, уж верно, хватило бы на добрый десяток таких, как он. Несомненно, большое несчастье для человека – похоронить всех своих многочисленных домочадцев. Ведь наш достопочтенный господин сошел в могилу значительно позже своих собственных детей... Да вы и сами, сударыня, должно быть, видели ныне покойного хозяина: ведь именно на его-то отпевании вам и довелось побывать.

Последние слова Марты полоснули меня по сердцу, подтвердив уже давно зародившуюся во мне догадку о возможной связи печальной кончины хозяина моих собеседниц и тем, что мне давеча пришлось увидеть. Этот предмет заинтересовал меня практически с самого начала нашего разговора, однако мне недоставало решительности спросить об этом прямо. Теперь же, когда догадка раскрылась сама по себе, я не смогла подавить в себе великого соблазна проверить степень своих ощущений, услышав имя покойного господина из уст моих благодетельниц.

– Его звали Патриком, – охотно откликнулась Марта на мой предварительный соответствующий вопрос. – Что с вами, сударыня? – тут же спохватилась она. – Вы так побледнели! Да ваши пальцы холодны как сама Смерть! Вы еще решительно слабы, чтобы вести подобные беседы.

Я и вправду пребывала в сильнейшем смятении. Сознание мое на данный момент было слишком уязвимым для малейших моральных нагрузок и, разумеется, я отнюдь не была готова к новым потрясениям. Мои деликатные собеседницы прекрасно это поняли и быстро распрощались со мной, оставив меня наедине с моими тревожными мыслями.

Из того, что я теперь слышала, было совершенно ясно: этот таинственный Патрик не имел никакого отношения к моим близким. Вне всякого сомнения, он не мог быть моим сыном. Хвала Всевышнему, умерший человек оказался всего лишь бывшим хозяином дома, в котором меня любезно приютили. Ободренная столь отрадной мыслью, я, должно быть, очень скоро крепко уснула.

Лишь к утру я начала постепенно вникать в смысл происходящего. И вот странный парадокс, обнаруженный мною тотчас по пробуждении: вопреки тому, что сознание мое накануне было до крайности измождено и возбуждено, объятые болезненным жаром, оно восприняло все, что со мной случилось, вероятно, даже более остро и отчетливо, нежели в том случае, если бы оно пребывало в состоянии праздного бодрствования. Я без особого труда смогла припомнить вчерашний разговор в малейших деталях.

Поскольку в дальнейшем мне надлежало общаться с обитателями этого жилища, то, во избежание случайной возможности попасть впросак, продемонстрировав тупое невежество перед моими новыми знакомыми, я волей-неволей старалась осмыслить то новое, что мне пришлось услышать. По мере того, как я раздумывала над всем этим, во мне вдруг проснулся и разгорелся живейший интерес к нелегкой участи, выпавшей незнакомому мне Патрику. В сердце моем тотчас же вспыхнуло искреннее сочувствие великой трагедии, постигшей его большое несчастное семейство.

Теперь мне с очевидной ясностью открылось то обстоятельство, которое накануне я еще не осознала, а именно – потрясающая схожесть судьбы этого загадочного человека с моим собственным жизненным жребием. Оба мы – и он и я – лишились близких с той единственной, однако довольно существенной разницей, что во мне все еще теплилась надежда, правда, слабая, можно сказать, призрачная, и тем не менее служившая мне единственной спасительной

соломинкой, за которую я судорожно старалась ухватиться – светлое упование вновь обрести их; для него же они были утеряны навеки, *безвозвратно*.

Как только этому почтенному господину достало воли и мужества вынести, вероятно, самую ужасную земную кару, что в принципе может настичь любого смертного – ясное, неотвратимое сознание всех своих потерь? Это было для меня поистине непостижимой тайной. И теперь я, как никогда, отчаянно нуждалась в ее разгадке, ибо моя нынешняя ситуация вполне могла обернуться для меня той же страшной участью. Как остро ощущала я в себе недостаток той великой внутренней силы, что поддерживала в минуты тяжких испытаний таинственного покойного Патрика!

Чем дольше я размышляла над этим, тем настойчивее разгоралось во мне нетерпение вновь увидеть своих покровительниц, чтобы как можно более подробно узнать правдивое описание жизни их прежнего хозяина.

Вероятно, прошло около полутора часов с момента моего пробуждения, когда они наконец явились меня проведать. Как и накануне, их было только двое – все те же милые заботливые женщины; я почему-то вообразила, будто мне нынче выпадет счастье быть удостоенной внимания самого нового владельца этого дома – судя по всему, с моей стороны было неслыханной самонадеянностью допустить предположение, что мне могут оказать подобную честь.

Однако отсутствие означенного господина ничуть не огорчило меня. Напротив, я почувствовала невероятное облегчение, ибо само это обстоятельство дарило мне поистине бесценную возможность держаться с той свободной непринужденностью, которая могла бы в должной мере расположить моих благодетельниц на откровенную беседу.

Марта несла в руках небольшой поднос с легким завтраком, испускавшим весьма соблазнительный изысканный аромат.

– Доброе утро, сударыня, – произнесла она с ласковой, покровительственной улыбкой. – Сделайте милость, выпейте чашечку чая: не нужно быть заумным философом, чтобы понимать его необыкновенные целебные свойства.

– Благодарю вас, – ответила я, принимая из ее рук чашку, содержащую обычную порцию теплого чая с молоком. – Не знаю, что там утверждают заумные философы, мне, конечно не по силам тягаться с ними, но, во всяком случае, полагаю, что глоток-другой свежего домашнего чая, любезно заваренного добрыми руками, должен непременно взбодрить.

– Смотрите-ка, Марта, как переменялась нынче наша гостья! В ней просыпаются задор и словоохотливость, по-видимому, свойственные ей от природы! – заметила Эмма. – Это хороший признак. Стало быть, дело идет на поправку. А вы пейте, пейте, сударыня. Чай-то наш уж и вправду славный! Это ведь не простой чай, а самый, что ни на есть, правильный: мятный чай с молоком – излюбленный лакомый напиток покойного хозяина!

«Великолепно, – подумала я. – Просто идеальное начало для предполагаемого мной разговора – лучше, пожалуй, и не придумаешь. Грех упустить столь удобный случай поддержать эту тему».

– Помните, вы говорили, – начала я, – что этот почтенный джентльмен потерял всех своих детей. В таком случае, могу я поинтересоваться, на каком основании новый владелец этого дома вступил в право собственности? Вероятно, он приходится близким родственником покойному господину – братом или кузеном?

– Что вы, сударыня, – рассмеялась Марта, – Господь с вами! При столь солидной разнице в возрасте, какая существовала между ними, едва ли подобное родство могло оказаться возможным: тому-то умершему господину шел восемьдесят четвертый год. Ну а нынешний наш хозяин, почитай, едва достиг средних лет. А как он вам показался, сударыня?

– Кто? – удивилась я.

– Да наш новый хозяин, конечно, кто ж еще?

– Разве я имела честь быть с ним знакомой?

– Ах да! Какое уж там знакомство: вас же выволокли из церкви едва живой! Надо сказать, ох и всполошили вы тогда всех нас! Но, хвала Господу, сейчас, как будто, все позади. Ну да вам, должно быть, все же довелось увидеть значительную часть обряда и, если это так, то, уж конечно, вашего внимания не мог обойти тот достопочтенный священнослужитель, что читал надгробную речь. Так он и есть наш новый хозяин.

Любопытство мое разгорелось до предела. Разумеется, я прекрасно помнила святого отца – такого человека просто невозможно было забыть. Поведение его уже с самого начала обряда казалось мне весьма подозрительным. И сейчас меня страшно одолевало желание дознаться-таки, какими, собственно, узами связаны между собой эти два господина – прежний и нынешний – обитатели этого загадочного жилища.

Поскольку мне так и не удалось получить прямого ответа на этот вопрос, я сочла вполне правомерным задать его вновь.

– Он приходился ему зятем, – ответила Марта.

– Простите?

– Зятем – супругом одной из дочерей усопшего мистера Патрика и его преемником по приходу... Да что с вами, сударыня? Почему вы все время вздрагиваете, стоит только мне произнести имя покойного хозяина? Я ведь заметила: это происходит с вами уже не впервые. Давеча было то же самое.

– И правда! – вмешалась Эмма. – В чем дело, милейшая сударыня? Может быть, вас тревожат какие-то недобрые мысли? Вам, верно, неприятно это имя? Ежели вы соблаговолите открыть нам причину ваших невзгод, то мы вполне готовы поручиться, что ваша тайна будет сохранена. Даже не беспокойтесь на этот счет – наше молчание к вашим услугам, вы можете положиться на это так же, как и на то содействие с нашей стороны, какое будет нам по силам оказать вам.

– Да, – поддержала ее Марта, – коли дело лишь в этом, так, смею вас заверить, вам совершенно нечего опасаться. Как вы, верно, заметили, места здесь глухие, безлюдные, что само по себе должно служить для вас весьма обнадеживающим признаком. К тому же живем мы уединенно и, если не считать хозяина, ни с кем не знаем. Почти никто к нам не навещается, чему чрезвычайно способствует весьма своеобразное расположение этого жилища. Вы увидите потом, наш дом значительно удален от всех здешних жилых помещений, он находится прямо-таки на отшибе. Это в буквальном смысле пресекает всякое общение даже с немногочисленными обитателями нашего угрюмого края, не говоря уже о наших добрых соседях, которые удостоивают эту дикую местность своим посещением только в самых крайних случаях. Правда, есть одно исключение: в этот дом изредка заглядывает некая довольно странная особа. Но мы уже настолько привыкли к ее неожиданным визитам, что они перестали заставать нас врасплох: мы с Эммой всегда готовы к внезапному появлению нашей эксцентричной гостьи.

– Однако, – поспешно добавила Эмма, – это обстоятельство ничуть не меняет дела. Вам, сударыня, отнюдь не следует остерегаться общества этой дамы. Хоть она – как бы это сказать – несколько не в себе, но, полагаю, – вполне безобидное создание. Впрочем, вам, должно быть, не слишком интересны все эти сведения, так ведь, милая сударыня?

– Я предпочла бы, – сказала я, – чтобы вы обращались ко мне по имени – Джейн Люси³. Не находите ли вы, что это звучит куда менее напыщенно и претенциозно, чем ваше вежливое, официальное «сударыня»?

– Вы говорите, вас зовут Джейн Люси? – переспросила Марта.

– Да, так и есть.

– Все это весьма странно.

– Что же?

– Да так, ничего. Прошу вас, не обращайтесь внимания на нас, милая Джейн Люси. Лучше поделитесь с нами, какие беды гложут ваше сердце. Доверьтесь нам, и вы облегчите душу. Может быть, здесь вы найдете не только понимание и сочувствие, но и реальную поддержку.

Мне было совершенно очевидно, что в столь живом интересе моих благодетельниц к моей особе не могло быть и тени дурных намерений. Добрейшие хлопотливые женщины проявляли ко мне искреннюю заботу и внимание. Кроме того, они весьма охотно удовлетворяли мое, быть может, даже не слишком уместное любопытство в вопросах, касавшихся личной жизни их хозяев. Поэтому я была вполне расположена воздать им должное своей откровенностью.

Конечно, я отнюдь не желала, чтобы мое прошлое было предано огласке, но в подобных условиях эта возможность практически исключалась. А даже если бы такое все же случилось, я была твердо убеждена, что ни мое имя, ни имена моих близких не будут запятнаны позором, ибо в образе нашей жизни не было ровным счетом ничего зазорного – ничего, что могло бы нас очернить. Сама же столь неожиданно предоставленная возможность излить душу явилась для меня великим соблазном: ведь, не считая этих милых старых служанок, в целом мире не осталось ни единого человеческого существа, кто мог бы проявить хоть малейшее внимание к моей скромной персоне.

Этого было более чем достаточно, чтобы склонить меня вкратце поведать Марте и Эмме печальную историю моих злоключений – всю как есть: начиная с трагических событий, постигших мое семейство, и заканчивая объяснениям того, каким образом я очутилась в церкви в тот памятный день. Мысли мои вынуждены были вновь неизбежно обратиться к тем страшным обстоятельствам, что неминуемо разбередило душевную боль. Резко нахлынувшие воспоминания о близких вызвали судорожные спазмы в горле: я не могла сдержать слез. Мне понадобилось значительное количество времени, чтобы совладать с собой, насколько это было необходимо для дальнейшего продолжения моего рассказа, который мне приходилось неоднократно прерывать, когда во мне возникала естественная потребность дать волю своим чувствам.

Мои милейшие собеседницы выслушали мои откровенные излияния со всей возможной деликатной учтивостью. Мне показалось, что их внимание к моей истории было даже большим, чем она того заслуживала.

– Удивительно! – воскликнула Марта, едва только заключительная фраза, коей полагалось достойно увенчать повествование, слетела с моих обессиленных уст. – Просто невероятные совпадения, не правда ли, Эмма!

– Совпадения? С чем? – осведомилась я.

– С историей жизни нашего покойного хозяина и его семьи.

– Вы обмолвились, что знали его много лет, – напомнила я. – Стало быть, вы достаточно хорошо осведомлены относительно некоторых подробностей только что упомянутой вами истории? Не так ли?

– Думаю, – ответила Марта, – о семействе мистера Патрика нам с Эммой известно более чем кому бы то ни было еще.

– Вероятно, категоричность подобного утверждения никак не распространяется на вашего теперешнего хозяина? Я, конечно, нисколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов, полагаю, они могут быть действительны для всех, исключая этого почтенного господина.

– Как раз наоборот – включая его. Возможно, ему и в самом деле известно многое, но никому из нас не доводилось удостовериться в том, насколько глубока степень его осведомленности. Видите ли, дорогая Джейн Люси, наш нынешний хозяин – весьма скрытный человек. Это последнее его качество всегда являлось для него досадной помехой в общении с людьми и, помимо всего прочего, сильно затрудняло его и без того слишком запутанные отношения с покойным мистером Патриком. Полагаю, оба они так и не поняли друг друга до конца, хотя, в сущности, просто поразительно походили друг на друга, и природная замкнутость была, пожа-

луй, основным характерным качеством, делавшим манеры и поведение любого из них практически совершенным подобием манер и поведения другого.

– И в довершении ко всему, – добавила Эмма, – этих двух людей роднила очевидная схожесть в превратностях жизненных обстоятельств, жестоко насмеявшихся над ними обоими.

– Пожалуй, именно это в итоге и сблизило их: последнее время их отношения стали заметно ровнее, в них появилась терпимость и даже истинная учтивость друг к другу, – сказала Марта. – Хотя, как мне кажется, мистер Патрик так до конца и не простил мистеру Артуру женитьбы на своей дочери. Покойный хозяин всегда был убежден, что бедняжку сгубил именно этот брачный союз.

– И все же, – вмешалась я, – почему вы полагаете, что вашему новому хозяину известно меньше вас? Ведь как-никак, он был одним из членов этой семьи – спутником жизни подлинной носительницы ее почтенной фамилии. И потом, как вы сами сказали, в конце концов отношения сего уважаемого джентльмена с усопшим господином как будто наладились? В таком случае, весьма вероятно, они стали более доверительными.

– Возможно, – ответила Марта, – но уверяю вас, не настолько, чтобы мистер Патрик мог снизить до откровенных признаний. Что же касается его дочери, супруги мистера Артура, так ей совсем недолго довелось пробывать в роли таковой: всего-навсего девять месяцев, каковым суждено было стать последними в ее жизни. Но, собственно, дело даже не в этом, а в основополагающих и, как мне кажется, просто несравненных качествах ее натуры. Она была отнюдь не из тех взбалмошных, легкомысленных барышень, коим свойственно заботиться исключительно о собственном благополучии и удовольствии – нет. Наша покойная госпожа являла собой образец истинной обходительности и деликатности. Думаю, что присущая ей природная чуткость, определяющая главным образом манеру ее поведения, и не позволила ей в конечном счете ранить чувства своего достопочтенного супруга.

– Но, как я понимаю, – продолжала я, – ваш новый хозяин – человек рассудительный, и это качество, несомненно, делающее ему честь, уж конечно, помешало бы ему связать себя столь тесными узами с семейством, о положении которого он недостаточно осведомлен.

– О, вы, бесспорно, правы, милая Джейн Люси, – ответила Марта. – Ведь мистер Артур был не просто посторонним свидетелем происшедших событий, но, можно сказать, их непосредственным участником. Хотя сам он, похоже, даже не догадывался, насколько значительной оказалась его собственная роль во всей этой невероятной истории. Большая часть трагических обстоятельств, выпавших на долю этого несчастного семейства, происходила на его глазах. Но все это – лишь внешние факты, которые, кстати, благодаря непосредственному содействию со стороны покойного мистера Патрика стали известны в широких кругах. Истинная же правда заключается в том, что печальные события, преследовавшие славный род прежнего хозяина, имеют еще и оборотную сторону медали.

– Да, дорогая Джейн Люси, – подхватила Эмма, – за всем этим кроется великая тайна, в сущностный смысл которой посвящены только мы двое: Марта и я. Ведь именно мы находились возле смертного одра мистера Патрика до самой его кончины. То были поистине страшные часы. Хозяин никого, кроме нас, не желал видеть; когда к нему заглянул мистер Артур, усладил его прочь.

Последнее время он был очень плох, наш бедный хозяин, и то и дело впадал в бессознательное состояние. Но, мне думается, он вполне сознавал одно: неотступную близость своего конца. Это и возродило в нем острую потребность излить душу, и для этой своей цели он избрал нас, отвергнув предложенную нами кандидатуру мистера Артура на роль своего духовника. Вы, вероятно, спросите почему? Мы с Мартой так же недоумевали по этому поводу. Однако из самой предсмертной исповеди мистера Патрика выходило, что у последнего имелись все основания для подобного решения. Так что, кроме нас, попросту не оставалось никого, кому бы хозяин мог открыться.

– По правде говоря, – добавила Марта, я была действительно поражена, насколько точным оказалось совпадение всей этой истории с тем, что мне довелось наблюдать собственными глазами. Признаться, многое из рассказа хозяина мне было уже известно. Мне пришлось прослужить в этой семье большую часть своей сознательной жизни – а потому мне выпала поистине уникальная возможность стать поверенной практически всех основных ее тайн. Скорее всего, вам покажется странным столь открытое доверие, оказываемое со стороны хозяев по отношению к простой прислуге, но, вопреки невообразимой замкнутости и нелюдимости, которые были присущи, видимо, всему этому роду, его славные представители отнюдь не пренебрегали своими слугами, не сторонились их, как иные напыщенные господа. Меня же, должно быть, воспринимали в этом доме не иначе как члена семьи.

– Коли ваши хозяева оказывали вам подобное доверие, – заметила я, – значит вы, Марта, несомненно, были достойны столь высокой чести.

– О, – возразила Марта, – я вовсе не думала похвалиться тем искренним расположением, какого удостоивали меня мои добрые хозяева. Ведь в этом мало моих собственных заслуг. Однако это обстоятельство, бесспорно, служит лишним подтверждением несравненно высоких моральных качеств представителей хозяйского семейства... Так вот: что касается других свидетелей этой невероятной таинственной истории, Эмма, конечно, так же как и я, в курсе всех событий. Правда, она узнала о них гораздо позднее: отчасти – из предсмертной исповеди мистера Патрика, отчасти – с моих слов...

– Видите ли, милая Джейн Люси, – пояснила Эмма, – я вернулась в эту семью совсем недавно. Дело в том, что много лет назад, когда мистер Патрик был священнослужителем в Хартсхеде, я служила в его семье, но обстоятельства вынудили меня покинуть его дом. Это случилось помимо моей воли, и, честно говоря, я уже не чаяла, что мне доведется когда-либо вновь свидеться с прежним хозяином. Однако несколько месяцев назад Марта, зная о моем местонахождении, известила меня о тяжелой болезни мистера Патрика. А также о том, что мой дорогой хозяин пожелал во что бы то ни стало увидеть меня, чтобы испросить прощения за свой необдуманный поступок, который он совершил давным-давно и по возможности искупить ту вину, какую он чувствовал передо мной, когда дал мне расчет после моей безропотной службы. Поэтому я и решилась переехать сюда, невзирая на всю рискованность и опасность предпринятого мною путешествия из другого города, презрев все сложности, налагаемые на меня моим возрастом. И, клянусь всеми святыми, мне не пришлось пожалеть о своем решении.

– Однако, – добавила Марта, – кроме нас есть еще одна особа, которой известны подробности происшедшего. Я имею в виду ту самую странную даму, что изредка посещает этот дом.

– Нельзя ли узнать, какое, собственно, отношение имеет упомянутая дама к истории семейства вашего покойного хозяина? Или ей удалось снискать симпатии с вашей стороны настолько, что вы посчитали возможным открыть ей эту тайну?

– Отнюдь, – ответила Марта. – Эту милейшую леди, – а, надо сказать, она и в самом деле истинная леди, ибо она происходила из знатной семьи и была замужем за человеком, вращавшимся в самых привилегированных кругах высшего общества, – так вот, ее связывают достаточно тесные узы с сошедшим в могилу семейством мистера Патрика. Более того, по материнской линии она приходится родственницей нашему покойному хозяину. В молодости она была знакома со всеми его дочерьми, и жизнь периодически сталкивала ее с одной из них – с той, что стала супругой достопочтенного мистера Артура.

От этой знатной дамы нам привелось узнать кое-какие подробности относительно их памятных встреч, о которых мне уже было известно от моей доброй госпожи, однако лишнее подтверждение из уст другой особы создало более четкую и целостную картину происшедших событий. Кроме того, наша странная гостья поведала нам о некоторых ярких впечатлениях своего детства и о последних месяцах жизни двух старших дочерей мистера Патрика. Признаться, мне было особенно тяжело и горько слышать об этом, ибо то был период моего отсутствия, да

и девочки мои – хозяйские дочери то бишь, тогда находились в школе, в соседнем графстве; некоторое время спустя девочки вернулись домой. Однако, к величайшему прискорбию, когда я вновь поселилась здесь, мне уже не довелось застать в живых самых старших моих подопечных. Да и остальным детям прежнего хозяина – трем дочерям и единственному сыну – не суждено было долго прожить на этом свете.

– Все это весьма печально, – ответила я. – Однако позвольте спросить: отчего столь знатной и, наверняка, состоятельной особе вздумалось поселиться в этих угрюмых, безлюдных краях, вдали от всей мирской суеты и праздных развлечений «большого света». Что это: каприз ли взбалмошной богачки или же пресловутый зов крови?

– Скорее всего – и то и другое, – сказала Эмма. – Но мне думается, что вы совершенно правы, моя дорогая. Со стороны этой дамы было большим безрассудством пренебречь тем высоким положением, какое она занимала в свете. Однако сама она утверждает, будто крайне серьезная причина толкнула ее на столь опрометчивый поступок. Но она как будто не раскаивается в своем решении поселиться в здешних местах. Денежных средств у нее более чем достаточно, и она может распоряжаться ими как пожелает – это ее право.

– Я полагаю, – вставила Марта, – одной из причин, побудивших нашу знатную гостью к подобным действиям, явилось ее желание поселиться поближе к дому своих подруг. По ее словам, она еще надеялась застать в живых последнюю из усопших сестер – супругу нашего нынешнего хозяина, с которой они находились в особенно близких отношениях.

Однако милейшая леди опоздала. Обстоятельства сыграли с ней злую шутку: скрываясь в Ирландии от своего мужа, она, конечно, никак не могла знать о кончине подруги, ведь они встретились в последний раз всего немногим более чем за полгода до этого трагического события, когда наша хозяйка отправилась в Ирландию с мистером Артуром – в свадебное путешествие. Сами понимаете, сколь мало ассоциаций вызывает такое отрадное событие, как недавнее замужество, со скорой смертью молодой жены. Так что нашей заморской принцессе удалось застать лишь умирающего отца своей милейшей подруги. И все же она решила остаться здесь: купила себе старый дом на окраине города, наняла пару служанок – горничную и кухарку – и стала жить вдали от всех своих близких, скрываясь от семьи: она оставила супруга и маленькую дочь несколько лет назад, – уединившись от всего внешнего мира.

– Если честно, – продолжала Эмма, – я до сих пор не могу надивиться на определенные странности натуры нашей редкой гостьи. За те несколько месяцев, что эта леди прожила здесь, она всячески сторонилась любого общества – даже тех немногочисленных представителей рода людского, что обитают в этих мрачных, угрюмых местах. Все это время она проживала фактически затворницей, стараясь избегать любых возможных знакомств. Однако для нас сия почтенная дама составила исключение и изредка делает честь этому дому своими посещениями. Мы же со своей стороны всегда рады оказать нашей именитой гостье самый теплый прием.

– Это действительно так, – подхватила Марта. – Мы прекрасно понимаем, что наша поддержка стала для бедняжки единственной ниточкой, которая хоть как-то связывает ее с внешним миром. Ведь с того момента, как сия милейшая леди поселилась в здешних краях, и вплоть до вчерашнего дня она, наверное, не видела ни одного человеческого лица, за исключением собственной прислуги, да скромных обитателей этого мрачного жилища, то бишь Эммы и меня. Мистер Патрик был слишком плох, и мы с Эммой были единственными, кого он позволял допускать к себе, а нынешний хозяин невзлюбил нашу знатную гостью с того момента, как до его ушей дошли сведения, что она обосновалась здесь; он тотчас затаил прямо-таки кровную обиду на новую поселянку за то, что та, помимо всего прочего, наотрез отказалась присутствовать на общепринятых традиционных церковных службах. Учитывая строгое пуританское воспитание мистера Артура, его священный сан и к тому же – его нелюбимость, нетрудно представить себе последствия. Хозяин позволил миледи бывать в этом доме на правах давней знакомой его дражайшей супруги, но принимать и развлекать гостью всецело предоставил нам.

– Кроме того, – добавила Эмма, – следует отдать должное мужеству и героизму этой леди. Лично я убеждена, что каковы бы не были причины, подвигнувшие ее к столь необычному решению, не каждая дама ее положения способна выжить в той аскетичной обстановке, в какой теперь оказалась наша почтенная гостья. Лишь вчера, по случаю похорон мистера Патрика, миледи решила-таки показаться на людях.

– Эта знатная госпожа, стало быть, присутствовала на похоронах? – осведомилась я.

– Ну да, конечно! – ответила Эмма. – На протяжении всего обряда миледи все время держалась возле нас.

– Что-то припоминаю, – сказала я. – Вероятно, вы говорите о статной, миловидной особе средних лет, которая стояла вместе с вами ближе всех к гробу и была одета примерно на тот же манер, что и вы?

– Совершенно верно, – ответила Марта.

– Я бы не сказала, что в ее облике и манерах есть какие-либо черты светской дамы, – заметила я.

– Она отнюдь не стремится их проявлять. Как раз напротив: миледи всячески скрывает свое положение. Кроме того, она уже довольно давно не была в обществе. Думается, окажись кто другой на ее месте, так он, верно, непременно бы одичал. Разумеется, находясь в таких условиях, наша почтенная гостья утратила даже малейший намек на светские манеры. Тем лучше: в ней нет ни капли жеманства и спеси, что так свойственны знатым людям.

– Но что могло заставить ее бросить семью, похоронить все надежды на будущее и сделаться отшельницей в этих краях?! – воскликнула я. – Недоумеваю: какие причины способны толкнуть человека на подобное безрассудство? Как можно было бросить семью! Клянусь, я отдала бы жизнь, только бы вернуть своих близких!

– По-видимому, здесь таится нечто очень важное, – ответила Марта. – Не знаю точно, что именно там произошло, но одно совершенно ясно: эта почтенная дама глубоко несчастна. В самом же ее поступке есть много общего с тем невообразимым безумством, какое совершил по молодости ее отец. Однако есть основание полагать, что в случае самой миледи дело обстоит куда серьезнее. Похоже, здесь не обошлось без смертельных исходов.

– Вы полагаете, – спросила я, – что кровное родство с вашим покойным хозяином подвигло сию почтенную даму присутствовать на его похоронах? Но ведь, насколько я могу судить с ваших слов о ее натуре, едва ли она была способна привязаться к нему по-настоящему, тем более что, по вашему утверждению, они даже не были знакомы лично.

– Думаю, – ответила Марта, – отчасти побуждением к этому ее решению явилось желание отдать дань уважения достопочтенному отцу своих подруг; отчасти же, и скорее всего, здесь доминировало стремление и даже, я бы сказала, безотчетная потребность побывать на месте захоронения, почитай, всех членов этого большого славного семейства. Да, дорогая Джейн Люси: наши добрые хозяева – все, кроме одной из дочерей мистера Патрика – той, что была самой младшей, – мирно легли под благодатной сенью единого могучего свода местной церкви святого Михаила.

– А где покоится прах младшей из сестер? – спросила я.

– В Скарборо, – ответила Марта. – Это небольшой курортный городок на морском побережье. О, Господи, дорогая Джейн Люси, вы снова побледнели! Вам нехорошо?

– В *Скарборо*?! – с тревогой переспросила я.

– Ну да, – ответила Марта, – именно там. А что, собственно, вас беспокоит?

Разумеется, мои милейшие собеседницы никак не могли знать причины моей страшной тревоги, вызванной их последним сообщением: ведь во время своей недавней добровольной исповеди я не сочла необходимым упоминать какие-либо географические названия, а между тем именно этот злосчастный городок – Скарборо – стал колыбелью моей бесконечной печали и неизбывной тоски. Там-то, на ненавистном морском курорте, и пролегла та роковая стихий-

ная преграда, что столь жестоко и неотвратимо отделила меня от моих дорогих близких. Я пояснила ситуацию добрым старушкам.

– Боже правый! – воскликнула Марта. – Еще одно не подлежащее сомнениям совпадение! Да, дорогая Джейн Люси! Как видно, отнюдь не случайно судьба забросила вас именно в этот странный, осмелюсь даже сказать – пророческий дом.

– Я хотела своей смерти! – неожиданно даже для самой себя вскричала я, охваченная неистовым волнением, вызванным очередным мощнейшим наплывом чувств. – Клянусь, я всей душой отчаянно жаждала ее! Отчего я не умерла?! Зачем мне эта пустая, совершенно опостылевшая жизнь?!

– Успокойтесь, дражайшая Джейн Люси, сделайте милость! – заботливо проговорила Эмма. – Хвала Небесам, вы все же не погибли! Значит, так было угодно Господу. А всем нам следует со смиренной благодарностью принимать Его святейшую волю.

– Это и было жизненным кредо всех наших хозяев, – добавила Марта, – поддерживающим их внешние и внутренние силы и помогающим с истинным достоинством переносить все ужасные напасти Судьбы, выпавшие на их долю... Вы, милая Джейн Люси, будете жить! Обязательно!

– Как вы беретесь это утверждать?! – воскликнула я в изумлении.

– Видите ли, дорогая Джейн Люси, – ответила Марта, – порою случается так, что Провидение преподносит нам самые неожиданные странные сюрпризы. Иногда оно посылает некоторым своим избранныкам своеобразные условные знаки: то могут быть сны, видения или же некие природные явления, символизирующие будущее людей или связанные с ним. Примерно такое было и в вашем случае: вам уже довелось столкнуться с подобными вещами. И, поверьте мне, я ничуть не удивилась, услышав от вас о буйных грозовых ночах и о событиях, которые они предрекали.

– Не вижу решительно никакой связи между всеми этими явлениями и вашей несколько странной уверенностью в том, что мне все же удастся выжить, – заметила я.

– А между тем, – отозвалась Марта, – связь есть и, уверяю вас, самая непосредственная. Знаю, вам пока еще трудно вникнуть в сущностный смысл того, о чем я говорю, ибо вы недостаточно осведомлены в этом плане. Но, я надеюсь, со временем вы все поймете. Признаться, меня действительно ошеломил сам факт, что вам пришлось неоднократно столкнуться с подобными символами, ибо в этом я усмотрела очередное несомненное сходство между вами, милейшая Джейн Люси, и представителями хозяйского семейства, включая и самого усопшего владельца этого дома – мистера Патрика.

– Признаться, я не совсем вас понимаю, – сказала я.

– К сожалению, этого невозможно объяснить в двух словах, дорогая Джейн Люси, – изрекла Марта с таинственным видом. – На данный момент вам придется довольствоваться лишь тем, что вы здесь услышали. И помните: есть все основания полагать, что, коли уж вам суждено было попасть в этот пророческий дом, где до сих пор сбывались все тайные предсказания, да и к тому же, как ни странно, именно в день похорон мистера Патрика, вы не должны погибнуть!

– Конечно же, нет! – вмешалась Эмма. – Вот еще! Мы со своей стороны приложим все усилия, чтобы вас выводить! Не сомневайтесь! Быть может, сам Господь дает мне новый шанс исправить одну непростительную ошибку, какую я, по воле обстоятельств, совершила много лет назад, оставив на произвол судьбы мою бедную госпожу, покойную супругу мистера Патрика, когда хозяин выгнал меня после многолетней примерной службы и перебрался вместе с женой и детьми в этот дом.

Бесконечные загадки, сокрытые в надежных стенах этого мрачного, угрюмого жилища, становились для меня все таинственнее. Особенно меня заинтриговали последние слова Марты. Я недоумевала, какое отношение могут иметь похороны совершенно незнакомого мне

человека – прежнего хозяина моих добрейших благодетельниц – к моей собственной жизни. И, не выдержав мучительного любопытства, одолевавшего меня по данному поводу, я решилась напрямик спросить Марту, что, собственно, она подразумевала под этим своим заявлением.

– О, это очень длинная история, – ответила Марта, – и, как я уже говорила, в двух словах здесь не уложиться. К тому же скоро обед; наш хозяин не потерпит ни малейшей отсрочки – вылитый мистер Патрик, ей-богу! Да и вы, милая Джейн Люси, еще недостаточно оправились, чтобы быть готовой и дальше выслушивать нашу болтовню: сейчас вам совершенно необходимо как следует отдохнуть, и мы с Эммой не станем препятствовать практическому осуществлению этой идеи.

– Вот как?! – сказала я с некоторым напускным лукавством (прием, к которому я иногда прибегаю, чтобы выведать какие-либо интересующие меня сведения – до сих пор он действовал безотказно). – Значит, по-вашему, я не заслужила высокого права быть посвященной в историю жизни вашего прежнего хозяина и его семейства?

– Отнюдь! – возразила Марта. – Вы, несомненно, заслужили полное право на нашу безоговорочную откровенность. И мы будем чрезвычайно рады предоставить ее к вашим услугам. Но не сейчас, а лишь тогда, когда вам действительно станет легче.

– Кроме того, – добавила Эмма, – я думаю, вас непременно нужно познакомить с нашей почтенной гостьей, когда она в следующий раз соизволит навеститься сюда. Эта дама, ежели только вы сумеете очаровать ее так же, как нас, наверняка сможет прибавить что-нибудь существенное к нашим сведениям. Например, более подробный рассказ о себе. Полагаю, вам должна быть весьма интересна эта тема. Ведь, в самом деле, милейшая Джейн Люси, смею вас заверить, что бы вы там ни говорили о видимой разнице в ваших взглядах, принципах и понятиях о нравственности с почтенной леди, вас обеих многое роднит. Как бы то ни было, вы непременно должны согласиться со мной в том, что любые заочные сведения о человеке, почерпнутые нами наспех из посторонних источников – какими бы надежными они не казались на первый взгляд, – никоим образом не могут служить более или менее прочной основой нашего представления. И еще менее того – нашего однозначного суждения о достоинствах и недостатках его натуры. Я твердо убеждена: личное знакомство с нашей гостьей поможет вам яснее и глубже понять чувства и побуждения, двигавшие ею в ее отчаянных поступках, и наверняка со временем миледи много выиграет в ваших глазах в сравнении с вашим теперешним мнением о ней.

– Что ж, – отозвалась я, – коли вы и вправду усматриваете возможность существования достаточно весомого предлога, который хоть в малейшей мере будет способствовать извинению поступка миледи, я буду действительно рада составить о ней наилучшее мнение.

– Вот и славно, – сказала Эмма. – Я гляжу, по натуре вы человек незлобивый, коли и впрямь способны со столь великодушной готовностью отринуть всякое предубеждение во имя истинной справедливости и здравого смысла. В защиту же нашей почтенной гостьи могу лишь добавить, что коварная Судьба, несомненно, сыграла с нею прескверную шутку. Не знаю, как другие, но я лично полагаю, что уже одно это может служить достаточным извинением ее легкомысленной неосмотрительности. Никому не известно, на какие безумства способен отважиться человек, коль скоро за дело берутся Высшие Силы, а также – насколько тяжкими и мучительными оказываются в конечном счете последствия этих безумств для самого конкретного человека, который их совершил. Все это слишком сложно, практически неподвластно пониманию тех людей, кому не довелось испытывать на самом себе всевозможных превратностей Провидения.

– Бесспорно, ко мне подобное утверждение не относится никоим образом, – сказала я с печальным вздохом. – Я определенно не подхожу под категорию тех избранных счастливиц, кому суждено благополучно избежать коварных перипетий злосчастной Судьбы.

– Именно в этом весьма прискорбном обстоятельстве, дорогая Джейн Люси, прежде всего и заключается ваше несомненное сходство с милейшей леди, а также – с несчастным семейством покойного мистера Патрика, – резюмировала Марта. – И дело тут не только в случайном совпадении имен. Всем вам в этой жизни пришлось не сладко, и я уверена, что вы как никто другой сможете понять нашу знатную гостью. Весь вопрос заключается в том, к кому из вас двоих в конце концов Фортуна повернется лицом, а я знаю наверняка, что это непременно произойдет. Одной из вас обязательно выпадет счастливый жребий, но кому именно – вам или миледи – вот загадка. Однако же, мне почему-то представляется, что этой тайной счастливицей окажитесь именно вы, дорогая Джейн Люси! Попомните мое слово!

На этой весьма ободряющей ноте наша длительная и, как мне показалось с самого начала, несколько странноватая беседа успешно завершилась. Добрые женщины, как водится издревле в подобных случаях, приветливо распрощались со мной и, деловито захлопотав, отправились подавать обед своему своевольному хозяину.

...Прошло уже около двух недель с того знаменательного дня, как непреклонные силы Судьбы доставили меня в сей таинственный дом. За это время организм мой вполне окреп, и, хвала Небесам, отныне с лежачим образом жизни решительно покончено.

Почтенная леди так до сих пор и не соизволила явиться в эту благословенную обитель, стало быть, нашему очному знакомству с ней пока что не суждено было состояться. Впрочем, вполне возможно, нам еще доведется свидеться с нею когда-либо в неопределенном будущем. Время покажет.

Мои добрейшие благодетельницы, разумеется, сдержали свое обещание, в чем я ничуть и не сомневалась. Теперь мне стали известны все подробные сведения, касательные столь неотступно захватившей меня истории сошедшего в могилу поколения единого славного рода совсем еще недавних обитателей этого мрачного, угрюмого жилища.

Я была поистине потрясена, узнав, в чей, собственно, дом мне довелось попасть. Три из пяти дочерей таинственного Патрика оказались весьма популярными личностями – писательницами, чьи имена гремят по всей Англии и за ее пределами и как раз теперь благополучно пребывают в самом зените славы (мне стали понятны слова Марты о том, что некоторые внешние факты из их жизни стали достоянием общественности).

И вот, волею Судьбы, мне выпала поистине уникальная возможность стать практически непосредственной свидетельницей правдивой истории их жизни; при этом я могу гордиться тем, что узнала ее не из каких-то дешевых литературных источников, а из собственных уст тех скромных и, казалось бы, неприметных женщин, которым посчастливилось общаться с ее героями.

Милейшие, чуткие дамы отнеслись к своим нехитрым обязанностям рассказчиц со всей надлежащей добросовестностью. Для наиболее полного и весомого подкрепления сообщенных в устной форме сведений любезная Марта сооблаговолитла предоставить моему вниманию свои регулярные дневниковые записи, которые она делала в редкие часы досуга, фиксируя на бумаге в малейших деталях все яркие происшествия, случавшиеся в семье ее хозяев. Кроме того, мои заботливые благодетельницы постарались удовлетворить мое возбужденное любопытство, тайком от нового владельца моей нынешней обители показав мне дневники и найденные в доме письма всех знаменитых дочерей и единственного сына покойного хозяина. В том числе и те бесценные послания, которые, в соответствии с распоряжением почтенного главы семейства, по мельчайшим крупичкам были собраны у друзей и знакомых семьи. Означенные документы явились непосредственным и совершенно точным подтверждением слов добрых женщин. Эти свидетельства неопровержимы.

Из дневниковых записей старшей дочери умершего господина и супруги нового владельца этого мрачного жилища узнала я, кстати, и страшную тайну той знатной дамы, что соизволила обосноваться в этих суровых краях. Тайна, о которой даже Эмма и Марта могли лишь подозревать, случайно открылась мне во всех своих ужасающих подробностях. Теперь мне стали понятны непостижимые дотоле странности поведения этой несчастной многострадальной женщины, и я охотно извиняю ей ее проступки.

Помимо увлекательного пересказа предсмертной исповеди достопочтенного мистера Патрика мне стали известны также все тайные сведения, сообщенные Марте его дочерьми; ведь эта милая, приветливая служанка присутствовала возле смертного одра практически всех своих покойных хозяек (за исключением двух самых старших дочерей покойного мистера Патрика и младшей, умершей в Скарборо).

История этого семейства с самого начала мнилась мне чем-то загадочным и непостижимым, а с некоторых пор (точнее – с того момента, как я узнала ее досконально) она представляется мне поистине мистической.

Я и по сей день нисколько не сомневаюсь в том, что полученные мною сведения, хотя бы они и были весьма богатыми, все же ни на йоту не приблизили меня к разгадке невообразимых таинств этой семьи. Однако, узнав внешние факты означенной невероятной эпопеи, я совершенно неожиданно для себя самой сразу же ощутила в себе странную перемену: будто бы внезапный резкий толчок откуда-то изнутри в единый миг потряс, перевернул, пробудил к новой деятельной жизни мое дотоле дремавшее в унылом забытии сознание. Все мои издавна сложившиеся и устоявшиеся обыденные понятия, представления о жизни, словно легким небрежным махом, мгновенно стерлись из моей памяти и растворились в небытии.

Во мне возникла отчаянная естественная потребность узнать саму себя заново, и во имя этой, быть может, эгоистичной, однако же попросту насущной цели мне теперь совершенно необходимо зафиксировать на бумаге те сведения, какие я получила, чтобы иметь возможность провести их как бы сквозь призму своего сознания. Я убеждена, что только этот неоднократно проверенный целыми поколениями людей, надежный способ в состоянии помочь мне вникнуть в сущностный смысл всего того, что мне довелось услышать. Тем самым я уповаю вернуть свое привычное состояние: ясность ума и относительное спокойствие духа. Если в этом своем предприятии я потерплю поражение, мне уже ничто не поможет.

Для того чтобы вернее достичь этой своей цели, я прибегаю к наипростейшей форме художественного повествования. Несмотря ни на что, я все же надеюсь, что избранный мною способ окажется действенным даже в столь необычном случае, как мой. Со своей стороны я, разумеется, сделаю все, что от меня зависит, чтобы это было так. Напоследок могу сказать только одно: да поможет мне Господь!

Глава I. Гавортский пасторат

1820.

– Какая красота! Что скажешь, Мария? Не правда ли, прелестное место! – с нескрываемым восхищением воскликнул Патрик Бронте, скромный пастор, недавно получивший свой собственный приход и прибывший со своим семейством на новое место жительства.

Селение под названием Гаворт, открывшееся взорам путников во всей своей первозданной красе, гордо возвышалось на обрывистом холме и, казалось, презренно взидало со своего почетного пьедестала на весь окружающий мир. Вершину Гаворта венчала ветхая церковь, судя по старинной отделке, представлявшая собой сооружение XV века. Здесь-то и предстояло теперь нести свою службу преподобному Патрику Бронте.

По всей округе селения громоздилась бесконечная гряда кряжистых холмов, удивительно похожих друг на друга. На их могучих хребтах темнели едва уловимые взорам путников пятна торфяников.

– Здесь как-то слишком пустынно и дико! – с видимым сожалением возразила жена пастора. Ее изрядно утомляли бесконечные переезды с места на место. Со времени своей свадьбы супругам Бронте пришлось уже несколько раз сменить жилье в поисках стабильного заработка служителя церкви.

– Ты права, Мария, – воодушевленно произнес достопочтенный Патрик Бронте. – Пустынно и дико! Именно так! А еще – просторно и нелюдимо! Это и есть самая настоящая свобода, о которой мы с тобой так мечтали!

Селение Гаворт располагалось в четырех милях от города Кейлей – крупного промышленного центра, славившегося своими шерстяными и суконными фабриками. Впрочем, сие производство занимало почти все население этой части графства Йоркшир, составляя его основную гордость.

В пути дети Патрика и Марии Бронте то и дело высовывались из окон экипажа и с любопытством взирали на огромные ряды тянувшихся вдоль дороги фабричных зданий, увенчанных широкими пыхтящими трубами, из которых обильно валили и поднимались высоко в небо густые клубы сизого дыма.

По мере того как экипаж приближался к Гаворту, взорам путешественников представлялись новые картины: шумное оживление города постепенно сменялось безлюдным унынием деревни: изобилие каменных построек, щедро насыщавших Кейлей, с каждым мгновением редело, веселая, кипучая деятельность фабричных предприятий оставляла лишь тень воспоминания. Снег в этих местах уже стаял; вниз по дороге бежали весенние струйки воды. Кое-где виднелись голые кусты. Их число, Впрочем, уменьшалось с такой же стремительной быстротой, как и количество каменных сооружений.

Мистер Бронте еще раз окинул взором суровые и безлюдные просторы Гаворта, ощутив прилив ликующего восторга, и с гордостью указал супруге, детям и их молодым служанкам Нэнси и Саре Гаррс (это были родные сестры, нанятые Патриком еще в Торнтоне – городке, который семья Бронте покидала теперь) на место их будущего пристанища.

Унылый, мрачный вид пастората – небольшого двухэтажного здания, выстроенного из серого камня, крытого черепицей – производил поистине удручающее впечатление. Миссис Бронте медленно и неуверенно двинулась вперед по небольшой одинокой тропинке; взгляд ее тревожно бродил вокруг, стараясь найти нечто, хоть немного близкое и утешительное для ее сердца, но эти усилия оказались тщетными: на глаза попадались лишь голые деревья и кусты, скудно насаженные вдоль высокой каменной ограды.

С опаской она стала приближаться к тому месту, предчувствуя недоброе. Патрик недовольно окликнул супругу. Она не отозвалась; тогда мистер Бронте вместе с детьми и служанкой последовал за ней. Мария метнула тревожный взгляд на возвышающееся взгорье и тут же поспешно отвела глаза. Все ее тело забило в судороге, зубы нервно застучали. Жуткая, зловещая картина представилась ее взору: впереди рябило множество громоздившихся в гору надгробий. Мрачные, угрюмые могилы, поросшие мхом, щедро насыщали весь склон. От них тянуло затхлой сыростью.

– Это местное кладбище, Мария, – пояснил Патрик Бронте с равнодушным видом. – Чему тут удивляться? Вполне естественно, что оно расположено недалеко от церкви.

– И прямо напротив нашего дома! – в отчаянии воскликнула его супруга. – Если кому-нибудь захочется посмотреть в окно, дабы рассеять грусть и скуку – его ожидает лишь безотрадное созерцание сего печального пейзажа с суровыми надгробиями.

Патрик постарался как можно скорее увести жену и детей подальше от кладбища, вещая бодрым голосом, как просторно и уютно они устроятся в этих пустынных безлюдных местах. Он с гордостью указывал им на вечнозеленый вереск, поясняя, что этот декоративный кустар-

ник растет здесь в изобилии. Однако лица его супруги и детей отнюдь не выражали восхищения.

– Ну, вот! – воскликнул мистер Бронте раздраженно. – Никто меня не понимает. Ни единое живое существо на всем белом свете. Потому-то я никому и не доверяю. Никому, кроме Бога и Природы. Они дают мне жизненные силы. Лишь им я безропотно подчиняюсь. Они – мои безраздельные владыки.

Будучи служителем англиканской церкви и свято веруя в Бога, достопочтенный Патрик Бронте в то же время был наделен яркими мистическими наклонностями, проявлением которых он, вероятно, был обязан своим ирландским корням. Да и сама внешность мистера Бронте безошибочно выдавала в нем подлинного сына плодородной Ирландии. Это был высокий и статный рыжеволосый мужчина в строгом черном сюртуке поверх белоснежной фланелевой рубашки. Шея его была плотно закрыта белым (в тон рубашке) шарфом, который Патрик, страдающий от хронического бронхита и потому оберегающий горло, носил всю свою сознательную жизнь. Круглое лицо с резко выделяющимися скулами и выступающим вперед подбородком, носило отпечаток мрачной суровости. Губы почти все время были упрямо сжаты. Яркорыжие волосы, в которых прослеживались уже первые признаки седины, придавали всему его облику особое своеобразие и неповторимость.

С юных лет Патрик служил сначала подмастерьем у кузнеца, затем какое-то время проработал в качестве ткача, а с шестнадцати лет стал преподавать в сельской школе. Благодаря своей неусыпной тяге к знаниям, а также – поддержке влиятельных ирландских священников ему удалось то, чего не смог добиться никто из его семьи: в возрасте двадцати пяти лет он покинул родную Ирландию и поступил в Колледж святого Джона в Кембридже. Он проявил большой энтузиазм в освоении учебного материала в кратчайшие сроки и получил престижную стипендию, достаточную для того, чтобы он смог продолжить обучение в Колледже, хотя и вынужден был жить довольно скромно. Незаурядные способности молодого студента были отмечены специальными призами от Колледжа: сочинениями Гомера и Горация, которыми Патрик был награжден в период своего обучения.

По окончании Колледжа Патрик получил степень бакалавра гуманитарных наук и принял сан священника англиканской церкви. Диплом об окончании Колледжа содержал опечатку в написании фамилии Патрика, изменив ее первоначальное ирландское произношение «Бранти» на французское «Бронте». Новый вариант, вероятно, пришелся Патрику по вкусу, и с тех пор он стал неизменно подписываться и пользоваться этой фамилией⁴.

На заре своей трудовой деятельности мистеру Бронте пришлось сменить несколько мест работы в церквях различных округов провинциальной Англии. Помимо своей основной службы священника, Патрик Бронте пробовал свои силы в литературе: ко времени своей женитьбы Патрик уже являлся автором ряда поэм, опубликованных в двух поэтических сборниках, а чуть позднее выпустил два сборника поветей в прозе собственного сочинения. Будучи хорошо осведомленным в религиозных и политических вопросах, он продолжал публиковать брошюры, проповеди и письма в местных газетах, желая сделать как можно больше добра для своих прихожан.

Нежно любя свою жену, Патрик в первую годовщину их брака преподнес ей ко дню рождения трогательный подарок в виде написанной им по этому случаю поэмы, посвященной его дорогой Марии.

Жена Патрика, уроженка южной Англии, не отличалась особой красотой, но была наделена редким для женщины ее лет природным обаянием. Мария была женщиной невысокого роста, простой, благочестивой, начитанной и остроумной. Стройная фигура, приятное, миловидное лицо, длинные каштановые волосы, живые пронизательные глаза, ровные жемчужные зубы, прикрытые мягкими, нежными губами. Эти несравненные чары некогда взяли в плен упрямого, нелюдимого пастора и не отпускали его из своих могучих силков по сей день.

Мария, как и Патрик, происходила из многодетной семьи, но, в отличие от мужа, который был сыном мелкого ирландского фермера, имела образованных родственников, принимавших участие в местной политической жизни, а также располагавших связями в торговой сфере.

Семья Марии исповедовала методизм, а ее дядя, преподобный Джон Феннелл, в чьем доме она познакомилась со своим будущим мужем Патриком, был методистским проповедником, который позднее вернулся в лоно англиканской церкви.

Сама Мария после замужества также исповедовала религию англиканской церкви. Мария, также, как и ее супруг, пыталась пробовать свои силы в литературе. Ее попытки, однако, ограничились единственным сочинением, озаглавленным «Преимущества бедности в религиозных делах», которому так и не было суждено появиться в печати.

Сейчас, прогуливаясь по окрестностям своего нового местожительства, миссис Бронте была чудо, как хороша. Ее стройная фигура выгодно подчеркивалась платьем из тонкой материи с завышенной линией талии – характерный атрибут величественного стиля ампир, постепенно сменявшегося новыми веяниями моды; роскошные каштановые волосы, убранные на затылке, были обвиты шелковой лентой с изящным бантом надо лбом, а на виски спускались два коротких локона.

Внезапно налетел вихрь свежего, прохладного ветра, и от его сильного, волнующего дыхания проснулась дремавшая дотоле малютка Эмили Джейн – одна из дочерей почтенных супругов Бронте. Она удивленно вытаращила глазенки и стала с каким-то неистовым нетерпением озираться вокруг.

Нэнси, крепко державшая девочку на руках, не на шутку обеспокоилась. Эмили начала вдруг отчаянно вырываться. Служанка решила, что не удержит крошку, и она упадет.

– Девочка просто испугалась ветра, – предположила миссис Бронте. – Дай ее мне, Нэнси. Я постараюсь ее успокоить.

Но Эмили уже изо всех сил барахталась на руках у служанки. Нэнси опустила ее на землю буквально в двух шагах от густо стелящегося по ее поверхности бархатистого верескового ковра. Малышка тут же подбежала к дивному растению и, ухватившись за него обеими руками, замерла в блаженном оцепенении. В глазах ее отражался дикий, необузданный восторг. На губах играла удовлетворенная улыбка.

Патрик Бронте мгновенно разразился торжествующим смехом.

– Пожалуй, я поспешил со своими выводами, – объявил он после некоторого раздумья. – Один-единственный человек во всем мире все же меня понимает!

Нэнси вновь взяла на руки Эмили Джейн, и все семейство покорно направилось в пасторат.

Глава 2. Повседневная жизнь семьи пастора в Гаворте

Убранство дома слишком живо напоминало прибывшим путникам об их прежнем жилище. Пол, выстланный гладким камнем, оказался довольно скользким. После недолгого отдыха в небольшой уютной гостиной хозяин чинно поднялся и, спешно отдав Нэнси и Саре кое-какие распоряжения относительно приведения дома в образцовый порядок, приготовления обеда и распаковки вещей, вместе со своей семьей поднялся вверх по лестнице. На втором этаже оказалось несколько небольших комнат, обставленных довольно мило и со вкусом. Патрик принялся с гордостью расхваливать их достоинства. Речь его была настолько пронизана самодовольным торжеством и порывистой живостью, что невольно создавалось впечатление, будто он читал проповедь. Оказавшись в одной из комнат – самой маленькой, где не было даже камина, миссис Бронте выглянула в окно и тут же в ужасе отпрянула назад: отсюда обозревалось местное кладбище во всей своей мрачной суровости.

– Не пугайся, Мария, Бога ради, – сказал Патрик. – Коли тебе не нравится эта очаровательная комнатенка, я, разумеется, не настаиваю, чтобы ты непременно оставалась здесь.

Полагаю, этот маленький и несколько таинственный уголок лучше всего подойдет для детей. Они превосходно тут устроятся и очень скоро освоятся. Думаю, наша старшая дочь достаточно прилежна и серьезна, и я совершенно спокойно могу поручить ей все заботы о младших. Не правда ли, Мария? – обратился он к бледной худенькой девочке, носящей то же имя, что и ее мать.

– Да, отец, – ответила та, смущенно потупившись.

– Вот и отлично! – заключил хозяин, всем своим видом выражая полное удовлетворение.

– Теперь это – ваша комната. Запомните: она будет называться...

– *The children's room*?⁵ – предположила вторая дочь почтенных хозяев Элизабет.

– Нет, дитя мое, – отозвался Патрик. – Так было раньше. Это наименование звучит слишком просто и обыденно. К тому же оно не будет соответствовать вашей деятельности. Вы ведь быстро повзрослеете. Очень скоро вы оставите свои примитивные игры, и будете заниматься куда более серьезными и полезными вещами. А потому наречем это место, как подобает – солидно и респектабельно: *The children's study*⁶.

Помолчав немного, он добавил:

– Возможно, это покажется вам несколько неожиданным, но очень скоро вы привыкнете.

– Может, все-таки не стоит поселять наших детей в такую холодную, сырую, тесную комнату с унылым видом на надгробья? – вмешалась миссис Бронте, успевшая немного прийти в себя от потрясения.

– Пустое! – решительно прервал ее Патрик. – Детям понравится здесь, ручаюсь, Мария. Это место не являет особо резкого контраста в сравнении с тем, что им доводилось видеть раньше.

Быть может, миссис Бронте в тот момент почувствовала негодование и протест, однако не стала более вступать в бессмысленные пререкания со своим супругом. Патрик, вопреки всей его природной суровости и неприступной отчужденности, обладал поистине уникальным даром убеждения. Обыкновенно речь его отличалась предельной простотой, неприхотливостью, отсутствием ярких красочных оборотов, придающих говору заметную долю изящества и пластики, за исключением лишь тех редких случаев, когда мистер Бронте пребывал в состоянии взволнованной экспрессии, вызванном страшным гневом или же, напротив, необузданным восторгом. Однако строгие короткие фразы, высказываемые им в весьма сдержанной манере, но с некой внутренней настойчивостью, граничащей порой с безрассудным упрямством, не проявляемым внешне, но чувствовавшимся в каждом его слове и движении, оказывали моментальное магическое воздействие на всех членов его семьи. Включая и гордую супругу, вопреки ее внешней мягкости и покорности отнюдь не отличающуюся податливым нравом. В непоколебимом упорстве на пути к достижению цели и в деловой хватке Патрик Бронте, пожалуй, мог бы поспорить с самим Гаем Юлием Цезарем.

Поначалу жизнь в новом доме текла довольно гладко и спокойно. Внезапная смена обстановки, непривычные предметы в повседневном обиходе вызывали у детей супругов Бронте живейший интерес. Хозяин же, почувствовав внезапный прилив энергии и окрыленный столь долгожданной свободой и независимостью, с небывалым рвением и усердием приступил к исполнению своих приходских обязанностей, получив наконец возможность, применив свои дарования и способности по назначению, показать на деле, чего он стоит.

С прихожанами преподобный Патрик Бронте держался официально, не проявляя ни малейших признаков дружеского расположения, что, впрочем, не подразумевало и наличия каких бы то ни было враждебных чувств у пастора к кому-либо из посетителей его прихода, заставляя, однако, ограничиваться в общении строгими рамками общепринятой формы вежливости. Подобные отношения не раздражали прихожан, а, напротив, определенно радовали, освобождая их от весьма обременительной необходимости выказывания поддельной теплоты новому пастору, вызвавшему поначалу всеобщее недоверие, плавно переросшее затем в

крепкое и неизменное уважение приходской паствы к достопочтенному Патрику Бронте, что вполне устраивало обе стороны.

Домашними делами мистер Бронте управлял со всей присущей ему щепетильной рассудительностью. Под его надежным бдительным присмотром все верхние комнаты, а также столовая, гостиная и небольшое помещение, располагавшееся справа от входной двери и сразу же облюбованное хозяином в качестве его личного кабинета, в каких-нибудь два-три дня были идеально вычищены, прибраны и превосходно обставлены новой мебелью по его вкусу. В плане экономии средств Патрику Бронте полагалось быть особенно предусмотрительным. Скромного заработка священника (мистеру Бронте назначили годовое жалованье в размере ста семидесяти фунтов) едва хватало, чтобы содержать его многодетную семью в относительном достатке в соответствии с положением респектабельных слоев населения, да платить жалованье их молодым служанкам Нэнси и Саре, оставившим свой родной город только ради того, чтобы не расставаться со своими дорогими хозяевами.

И Патрик, по мере своих сил, вполне достойно справлялся со всеми своими обязанностями: как приходскими, так и домашними.

...Как-то раз, когда пастор, по обыкновению, возвращался домой после проповеди, рассчитывая хорошенько отдохнуть от своих праведных трудов, в дверях его встретила Нэнси. Вид у нее был крайне взволнованный и встревоженный.

– Наконец-то вы пришли, мистер Патрик! – воскликнула служанка, едва хозяин переступил порог. – Бедная миссис Мария! Она сильно занемогла, сэр! Похоже, ей совсем плохо! Еще с утра хозяйка упорно отказывалась от еды, ссылаясь на тошноту и головную боль. Я наказала вашей старшей дочери присматривать за сестрами и братом, сама же все это время не отходила от моей госпожи. Видели бы вы, что тут началось! Бедняжка впала в бредовое состояние и беспрестанно выкрикивала ваше имя! Думаю, вам следует поскорее пригласить к ней лекаря!

Потрясенный печальным известием, Патрик Бронте, последовав совету служанки, тотчас послал за доктором. К своему глубокому огорчению, он выяснил, что их семейный врач – его близкий друг Томас Эндрю – находился в отъезде. Мистер Бронте обратился к незнакомому врачу из соседней деревни; тот вскоре прибыл в прескверном расположении духа и, дав больной снотворное, объявил, что у него еще масса визитов, и он не может более ни минуты задерживаться в этом доме. После долгих уговоров хозяина сей подозрительный господин наконец согласился посетить миссис Бронте еще раз и как следует осмотреть ее, потребовав при этом солидный гонорар за свои услуги.

При повторном визите доктор держался еще более холодно и отчужденно. На лице его появилось удовлетворенное выражение лишь после того, как хозяин вручил ему толстую пачку денежных купюр. Тогда лекарь с готовностью вызвался понаблюдать больную в течение недели, и все это время неизменно демонстрировал притворную заботу о своей пациентке и весьма любезно держался с ее супругом.

– Она недомогала еще со времени нашего отъезда из Торнтона, доктор, – печально произнес преподобный Патрик Бронте. – Но мы надеялись, что все обойдется. Может быть, еще можно что-то исправить? Как вы полагаете, она поправится?

– К величайшему прискорбию, болезнь вашей жены неизлечима, мистер Бронте, – ответил лекарь. – Остается только сожалеть о печальной участи этой несчастной женщины.

Заметив необычайную бледность хозяина, доктор вдруг изъявил желание осмотреть и его и, выяснив в результате наличие серьезных проблем с пищеварением у мистера Бронте, прописал ему придерживаться строжайшей диеты. За это он получил дополнительную плату от бережливого, но неизменно принципиального пастора и, оставшись весьма довольным богатыми плодами своих трудов, поспешно откланялся.

Патрик Бронте был поражен до глубины души и крайне подавлен безысходностью сложившейся ситуации. Мысль, что его бесценная Мария обречена, никак не укладывалась в его сознании. Почувствовав, что бессмысленная борьба рассудка с душевными муками становится невыносимой, мистер Бронте снял с полки свое старое охотничье ружье, устремился на улицу и, отыскав потаенный уголок, получил наконец возможность выпустить на волю свои испорченные душевные муки. Следуя не совсем обычной для человеческой природы склонности, уступающей в данном случае скорее некоему живому инстинкту, мистер Бронте интенсивно и громко выстреливал в воздух, и, найдя в сем странном занятии верный способ снять раздражение, с этих пор стал частенько прибегать к избранному средству.

Со времени болезни миссис Бронте в стенах скромного пасторского дома поселилась печаль – тихая, но глубокая, и дух угнетающей безысходности затаился в сердцах всех его обитателей. Жена хозяина нуждалась в полном покое и постоянном присмотре. Патрику Бронте пришлось строго запретить своим детям заходить в комнату матери. Одна пожилая женщина, постоянно посещающая приход преподобного Патрика Бронте, куда вследствие своей фанатичной религиозности неизменно пребывала из соседнего городка Бэндли, прослышав о том, что супруга пастора нездорова, с готовностью согласилась на время переехать в дом мистера Бронте, выразив искреннюю надежду быть полезной его семье. И она была непреклонной в верности своим обещаниям: дни напролет просиживала возле кровати миссис Бронте, ухаживала за ней, исполняя малейшие капризы хозяйки.

Как ни опечален был Патрик Бронте болезнью своей супруги, все же природная предусмотрительность и осторожность не оставила его даже в столь тяжелое для всей семьи время. Следуя совету местного лекаря относительно соблюдения особой диеты, подразумевающей отказ от каких бы то ни было мясных блюд и вообще резко ограничивающей потребление всякой пищи, хозяин вскоре усвоил привычку обедать в своем кабинете и уже никогда не изменял ей.

В остальном суровые, мрачные будни текли своим чередом. Преподобный Патрик Бронте продолжал без усталости трудиться в своем приходе. Он самым скрупулезным образом исполнял свои повседневные обязанности, составлявшие подготовку и чтение проповедей, ведение приходских служб, а также регулярные посещения больных и умирающих.

Детей своих мистер Бронте поручил заботам служанок. Хозяин велел им постоянно сопровождать своих пятерых дочерей и сына на обязательные прогулки, обеспечивать всем необходимым, отдав особое распоряжение сведущим в грамоте Нэнси и Саре обучать чтению и письму старших детей, заявив о своем намерении лично контролировать, насколько они будут продвигаться в занятиях. С присущей ему непреклонностью хозяин неукоснительно исполнял свои обещания и, присоединяясь к обыкновенным семейным завтракам, с непринужденной легкостью беседовал со своими старшими дочерьми на самые разные темы, непрестанно зондируя глубину их знаний.

И мистер Бронте был вполне удовлетворен успехами детей, их постоянной тягой ко всему новому. Его дочь Мария за минимальный срок успела настолько продвинуться в развитии, что, к немалому удивлению и огромной радости ее отца, в свои шесть с половиной лет могла читать по-английски не хуже, нежели иные капризные и жеманные десятилетние девицы, начисто лишенные усидчивости и терпения и получившие свои скудные знания по элементарным дисциплинам только благодаря толстому кошельку богатых родителей. Патрик Бронте, при его весьма скромном заработке, никак не мог позволить себе такую роскошь, как содержание гувернантки, и потому на начальном этапе обучения своих детей решил отдать бразды правления в руки служанок. Теперь же, с огромным удовольствием отметив, что его дети уже достаточно поднаторели в своих навыках, мистер Бронте считал разумным предоставить возможность им самим пополнить багаж знаний, одновременно продолжая обыкновенные занятия со слу-

жанками, что в комплексе, по его мнению, должно непременно способствовать стремительному расширению их кругозора.

На старшую дочь Марию он возложил почетную обязанность читать еженедельно приобретаемые газеты и объяснять их содержание младшим детям, что та и стала делать с неизменным усердием и терпением. Мария была прилежной и серьезной девочкой, жалела младших сестер и брата и как могла старалась их развлечь и оказать посильную помощь – словом, по возможности заменяла малюткам мать.

Кроме того, Патрик Бронте предоставил в распоряжение детей все домашние книги, за исключением особо ценных изданий, хранимых в его кабинете.

Большую часть домашней библиотеки составляли издания Вальтера Скотта⁷, Уильяма Вордсворта и Роберта Саути⁸. Настольными книгами детей пастора были, разумеется, Библия и Катехизис.

Молодые служанки, по мере надобности, снабжали своих хозяев новыми продуктами и занимались приготовлением еды.

Миссис Бронте, до той поры, как болезнь свалила ее с ног, сама составляла ежедневные меню и давала Нэнси и Саре все необходимые указания. Но в первый же день, как хозяйка слегла, служанки оказались в весьма затруднительном положении, недоумевая, что следует приготовить на обед. Привыкнув к непреклонной диете хозяина, они быстро сделали для него все необходимое и, по обыкновению, отнесли в его кабинет. Управиться же с обедом для остальных членов семейства представлялось им задачей гораздо более сложной и ответственной. На первое блюдо решено было приготовить картофельный суп на мясном бульоне. В качестве второго наиболее подходящим кушаньем сочли говядину с отварным картофелем. В отношении выбора третьего – напитка – особых проблем не возникло: утолить жажду надлежало традиционным фруктовым компотом.

Безупречно приготовив избранные яства, разложив и разлив их затем в соответствующую посуду, добавив для пущего вкуса всевозможных пряностей и торжественно украсив блюда свежей зеленью, служанки в обычное время подали обед к столу.

Престарелая особа, ухаживающая за миссис Бронте, спустилась, как всегда, взять еды для хозяйки, а вскоре и детей позвали к обеду. Малютки были в восторге, дивясь особенно приятному вкусу нынешней трапезы. Они даже принялись подшучивать над манерами друг друга, ибо сие особенно жадное потребление еды сопровождалось мерным чавканьем и причмокиванием, чего раньше за столь смиренными и серьезными детьми хозяев не наблюдалось.

Мистер Бронте сидел в своем кабинете, вкушая весьма скудную специфическую трапезу в гордом одиночестве, как вдруг почувствовал стремительно наполнивший все уголки жилища неожиданный, резкий запах мяса и пряных приправ. В тот же миг в его глазах, минуту назад выражавших умиротворение, вспыхнули одновременно страшный гнев и неистовая ярость. В порыве негодования он мгновенно встал и быстро зашагал к двери кабинета с твердым намерением разузнать, кто посмел без его ведома подать столь роскошный обед. Однако хозяин все же сдержал это горячее желание и заставил себя вернуться на свое место, поскольку не мог представить более позорной слабости, нежели позволить себе устроить сцену в присутствии детей.

Переждав некоторое время пока, по его расчетам, закончится обед, Патрик Бронте тотчас же вышел из кабинета и, найдя своих служанок, принялся распекать их за дерзкие вольности и непокорность. Те, совершенно не понимая, чем, собственно, недоволен их хозяин, были немало удивлены и озадачены.

– О чем вы говорите, мистер Патрик? Мы всегда готовы исправно служить вам! – раздавались покорные голоса.

– Неужели?! – яростно воскликнул Патрик Бронте. – Как же в таком случае прикажете понимать то невообразимое своеволие, какое вы сегодня столь ловко продемонстрировали?

– Но чем же мы вам не угодили, сэр? Мы стараемся исполнять все, что вы прикажете!
– наперебой возражали служанки.

– О, разумеется! – произнес мистер Бронте с видимым сарказмом. – И даже сверх того! Как, например, с нынешним обедом! Не кажется ли вам, что вы явно перестарались?

– Что вы, мистер Патрик! Напротив! Мы несказанно довольны своим выбором блюд!

– Да, сэр! Мы никогда еще не видели, чтобы ваши дети ели с таким неутолимимым аппетитом! Наблюдая за ними можно было подумать, что их, по меньшей мере, неделю держали на хлебе и воде!

– И кто же вас просил устраивать для моего семейства такую трапезу? Насколько я помню, я не давал подобных указаний! – сердито проговорил хозяин.

– Ради Бога, не гневайтесь, мистер Бронте. У ваших бедных крошек всегда такой печальный вид! Своей нездоровой бледностью малютки в невыгодном свете отличаются от детей других семейств, в которых нам доводилось служить!

– И в этом вы усмотрели достаточный повод, чтобы непременно попотчевать их вкусным обедом, не так ли? Что вы и сделали с огромным удовольствием, не утруждая себя незначительной формальностью испросить на то моего дозволения, – заключил Патрик Бронте, исподлобья глядя на служанок, покорно склонивших перед ним головы в молчаливой растерянности.

– Прошу прощения, сэр, – осмелилась наконец возразить хозяйину одна из виновниц, – но мы не сделали ровным счетом ничего, что могло бы хоть в малейшей мере огорчить или обидеть вас. Ведь мы и в мыслях не держали, что вы восстанете против идеи побаловать ваших деток! Бедняжки, должно быть, за всю свою жизнь ни разу не пробовали хорошего мяса!

– Им это и не к чему! Напротив! Я желал бы, чтобы впредь вы вели себя более предусмотрительно, не допуская подобных вольностей! Мои дети с малых лет должны готовиться к суровым жизненным невзгодам, которые не обходят стороной ни одного человеческого существа. А потому необходимо создать все условия, способствующие выработке у них твердой воли, терпения, усидчивости, трезвого ума в соответствии с реальным положением вещей. Если они научатся сейчас справляться со своими желаниями и слабостями, им будет несравненно легче побороть в себе всякий соблазн и усмирить любые пустые мечты впоследствии. Этих доводов, по моему разумению, более чем достаточно, чтобы заключить, что в воспитании детей непременно должна быть строжайшая дисциплина, подразумевающая скромную одежду, неприхотливую пищу, да и вообще отказ от любых праздных развлечений. Такова моя позиция, и я настаиваю на ней. Запомните: мясные блюда для моих детей – непозволительная роскошь!

С этими словами хозяин направился в свой кабинет, где просидел весь день, размышляя, не слишком ли он суров по отношению к собственным отпрыскам? Может быть, стоит немного ослабить вожжи беспощадного режима и дать возможность малюткам познать обычные детские забавы, воспоминания о которых способны хоть немного скрасить их существование в дальнейшем? Возможно, эта капля светлой радости явится для них самым верным утешением в море тяжелой печали. Однако после длительного раздумья, тщательнейшим образом взвесив все «за» и «против», Патрик Бронте пришел к выводу, что он с самого начала избрал наиболее правильную тактику, как нельзя вернее отвечающую его представлениям о будущем детей. «Пожалуй, это для них – самое лучшее, – решил он. – Пусть привыкают к жизненным трудностям сейчас, пока еще маленькие, чтобы в дальнейшем они смогли проявить достойное мужество и волю в противостоянии возможным превратностям судьбы».

Молодые служанки покорно исполнили волю хозяина, и с этого времени традиционным обеденным блюдом в мрачном и угрюмом пасторском доме стал обыкновенный отварной картофель, что вызывало неприятное чувство даже у престарелой сиделки миссис Бронте. Однако, сознавая свое бесправное положение в этом доме, женщина не решалась высказывать свое мнение напрямик. Дети же настолько привыкли ко всему обыденному, что, казалось, совершенно не замечали однообразия в еде. Один слишком шикарный для них обед, воспринятый ими,

несомненно, как дар свыше, не успел оказать того разрушительного воздействия на их сознание, какого так опасался Патрик Бронте, и развратить их неиспорченные натуры. Посему, резкий переход к привычной семейной пище оказался для малюток вполне естественным и не вызвал у них чувства дискомфорта.

Состояние здоровья миссис Бронте с каждым днем резко ухудшалось. Она уже не могла принимать пищу самостоятельно, и заботливая сиделка кормила ее с ложечки. Порою хозяйка мгновенно впадала в забытие и, в продолжение длительного отрезка времени, не подавала ни малейших признаков жизни или же начинала бредить, периодически повторяя одну и ту же навязчивую фразу: «*Господи! Бедные мои дети!*»⁹ Когда же сознание Марии Бронте прояснялось, она тщетно силилась вспомнить свои бредовые видения.

Мистер Бронте, поняв, что его бедной жене уже ничто не в состоянии помочь, пришел в ярость. Завязав узлом каминный коврик и с силой швырнув его в огонь, пастор в течение всего дня просидел возле камина, задрав ноги на полочки для подогрева пищи и, задыхаясь от удушливого дыма, то и дело подбрасывал в лихо потрескивающее пламя уголь, пока упомянутый коврик не сгорел дотла. Во избежание плачевных последствий сего безрассудного поведения хозяина, служанкам пришлось быстро собрать своих маленьких подопечных и выйти с ними из дома.

...Однажды сырым и промозглым сентябрьским утром (то было 15 сентября 1821 года) детей раньше обычного подняли с постели, спешно одели и, нарушив заведенный порядок, проигнорировав утреннюю молитву и традиционный семейный завтрак, отправили якобы на их обычную прогулку в сопровождении Сары. Подобная поспешность тем более была не понятна бедным малюткам, что не далее как этой ночью отгремела сильнейшая гроза и вся пустошь, стелившаяся вокруг пастората и простирающаяся далеко-далеко к горизонту, сделалась непроходимой.

Еще с прошлого вечера миссис Бронте не приходила в сознание. Всю ночь хозяин провел без сна, дежуря у постели своей супруги, сменив накануне уставшую, измученную сиделку, в неистовом напряжении ожидая, пока хозяйка наконец очнется. Утром в комнату миссис Бронте пришла Нэнси. Она молча пристроилась возле хозяев, задумчиво глядя в необозримое пространство, затем тихо осведомилась:

– Вам что-нибудь нужно, мистер Патрик?

Хозяин не ответил, его мысли сейчас были заняты другим. Нэнси робко повторила вопрос. Патрик Бронте, ни на секунду не отрывая глаз от своей дражайшей половины, совершенно отсутствующим безразличным тоном машинально произнес:

– Нет, ничего. Спасибо, Нэнси.

Служанка, сочувственно посмотрев на хозяина, печально сообщила:

– Я попросила Сару вывести всех ваших детей из дома, сэр, чтобы они не слышали криков и стенаний миссис Бронте, когда она придет в себя. Думаю, они пробудут на улице достаточно долго, так что не волнуйтесь за них.

– Да-да. Ты правильно поступила, Нэнси. Детям совсем ни к чему быть сейчас в доме, – ответил хозяин и в отчаянии добавил: – О, Господи: что же это с нею творится! В продолжение минувших суток – ни малейшего признака жизни! Достаточно взглянуть на нее, чтобы в полной мере понять всю угрожающую безысходность, ощутить это зловещее состояние всеми фибрами души!

– Полно, хозяин! К чему навлекать на себя столь мрачные мысли? Вам надлежит хорошенько отдохнуть: вы слишком устали и удручены болезнью своей супруги, а потому весьма склонны воспринимать происходящее вокруг в искаженном свете. Идите в свою комнату,

мистер Патрик, поспите немного. Я останусь возле миссис Бронте и извещу вас сразу, как только что-нибудь изменится.

– Что ты! Как я могу уйти, пока Мария не очнется? Я ни за что не успокоюсь, коль скоро не увижу это собственными глазами! Ты думаешь, я в состоянии спокойно заснуть, не будучи в полной уверенности, что моя супруга, по крайней мере, жива, и в надежде, что хотя бы в ближайшее время ее не будут терзать мучительные боли?

Патрик Бронте внезапно осекся и на мгновение застыл в оцепенении неистового ужаса, отчетливо запечатлевшегося во всех его чертах.

– Господи! Когда же придет конец этим невыносимым пыткам! – горячо воскликнул хозяин.

В психологии человека есть одно весьма странное свойство, с особой силой обнаруживающееся в самых критических ситуациях. Когда в дом твердой и верной рукой постучит горе, и трагический исход становится очевиден, как правило, тревожное ожидание грядущего несчастья оказывается гораздо тяжелее и мучительнее, нежели даже само событие, с коим оно неразрывно связано.

Некоторое время спустя миссис Бронте слегка пошевелилась и открыла глаза.

– Слава Богу, ты наконец-то пришла в себя, Мария! – воскликнул Патрик Бронте, облегченно вздохнув, и тихонько прибавил, обращаясь уже к служанке: – Я уж было начал думать, что этого никогда не произойдет!

Хозяйка снова закрыла глаза, погрузившись в мерную дремоту.

– Вот видите, сэр, – заговорила обрадованная Нэнси, – миссис Марии теперь гораздо лучше! Обратите внимание на ее лицо: на нем отразилась светлая, умиротворенная улыбка. Похоже, ваша супруга сладко, спокойно заснула. Вероятно, сон ее будет крепким и целительным, и вы, хозяин, с легким сердцем и чистой совестью можете наконец пойти немного отдохнуть. Ведь вы всю ночь не сомкнули глаз!

Патрик Бронте, не имея уже сил что-либо ответить, с видимым трудом поднялся со стула и, на ощупь, поскольку глаза его закрывались сами собой, пробравшись в свою комнату, не дойдя до постели, устроился в уютном кресле и мгновенно заснул.

Однако хозяину не суждено было наслаждаться долгим, неудержимо манящим покоем: жуткие крики, доносившиеся из соседней комнаты, внезапно разбудили его, резко встряхнув сознание.

Миссис Бронте, проснувшись, мгновенно впала в агонию. Она неистово металась на кровати, беспомощно озираясь вокруг, будто искала кого-то глазами. В потоке бессвязных слов, сопровождавших бред хозяйки, Нэнси удалось распознать имя ее супруга, повторяемое со все большей настойчивостью, перемежавшееся временами с неизменной, словно бы наизусть заученной фразой: *«Господи! Бедные мои дети!»*

Отчаянные стоны миссис Бронте переходили в дикие вопли, нагоняя на хозяина, все еще остававшегося в своей комнате, неизъяснимый ужас.

Чтобы хоть в какой-то мере избавиться от столь тяжких мучений, мистер Бронте спустился к себе в кабинет и, убедившись, что вопли и стенания настигали его слух и здесь, доставляя ему при этом поистине невыносимые муки, быстро подошел к ящику с инструментом и извлек оттуда рабочую пилу. Следуя внутреннему порыву, заставившему его проявить очередное безрассудство, хозяин в своей необузданной ярости стал вдруг остервенело подпиливать ножки всех стульев и кресел, находившихся в его кабинете, стремясь заглушить крики своей супруги. Подобный способ помог ему однажды во время ее затянувшихся родов снять накопившееся моральное напряжение, и он, находясь во власти устрашающей безысходности, поспешил прибегнуть к нему и теперь.

Миссис Бронте продолжала громко кричать, упорно призывая к себе своего мужа. Порою сознание ее ненадолго просветлялось, после чего она вновь неизбежно впадала в беспамятство.

Когда хозяйка в очередной раз на короткое время пришла в себя, то, услышав страшный лязг пилы, жутко испугалась.

– Нэнси! Что это значит!? Патрик, видно, снова взялся за свои чудачества!

– Не знаю, госпожа.

– А почему его сейчас нет здесь, в этой комнате?! Я очень хочу его видеть.

– Хозяин дежурил всю ночь у вашей постели, миссис Мария. Он не отходил от вас ни на шаг, пока вы не пришли в сознание.

– Я была без сознания? Долго ли, Нэнси?

– Да, госпожа. Почитай, целые сутки. Мистер Патрик был сам не свой.

– И поэтому он так старательно избегает меня теперь?

– Хозяин очень устал. Он отправился спать в свою комнату, как только вы пришли в себя.

– Уважительная причина! – ответила миссис Бронте с невозмутимым видом, так что у Нэнси не сложилось определенного впечатления, говорила ли она искренне или же с сарказмом, после чего хозяйка снова оказалась во власти тяжелейшей предсмертной лихорадки.

На сей раз бред ее носил несколько иной оттенок, нежели было прежде. В нем явно ощущалась доля здравомыслия, и, тем не менее, Нэнси не могла слушать слова хозяйки без внутреннего содрогания.

– Скажи мне, Нэнси, что такое Бог? И есть ли Он вообще?

– Да что ж вы такое говорите, миссис Бронте, – испугалась Нэнси.

– Господь все милостив и всемогущ, – продолжала жена пастора, словно бы не услышав реплики служанки. – Он ни за что не допустил бы, чтобы шестеро малолетних детей остались без матери. Ведь так оно и будет – я чувствую, что скоро мне суждено покинуть этот мир. – Нет! Бога нет! Ты слышишь, Нэнси? Его не существует. Есть только Дьявол с его коварными происками.

Преподобный Патрик Бронте, услышав эти отчаянные выкрики, продравшиеся сквозь лязг пилы, пришел в негодование. Он прекратил свое занятие и стал внимательно прислушиваться к бессвязным, но далеко не бессмысленным репликам своей супруги.

Миссис Бронте упорно продолжала:

– Если бы Господь и вправду существовал в своей небесной обители, Он не оставил бы меня теперь, в последние минуты моей жизни. Он непременно скрасил бы их, прислав ко мне моего дорогого Патрика. Но оба они, словно сговорились между собой и упорно стоят на своем, даже не пытаясь развеять мои сомнения. Господь Бог оставил меня, а Патрик, верно, будет вполне доволен, когда... мое бездыханное тело мирно ляжет под сводом церкви. Вот и все. Прощай, Нэнси! И все же... Если бы Патрик любил меня хоть в половину так же преданно и беззаветно, как я люблю его, он непременно пришел бы ко мне! Без сомнения!

Тут дверь комнаты резко распахнулась, и Мария увидела своего милейшего супруга – возбужденного и взлохмаченного. Патрик поспешно направился к своей жене, чтобы в последний раз обнять ее.

– Ты здесь, со мной, – проговорила она, хрипя от удушья. – Ты не оставил меня, мой дорогой супруг. Прощу тебя, не оставь и их. Наши бедные дети будут расти без матери.

– У них есть отец, – ответил преподобный Патрик Бронте. – Наши дети никогда не будут обездолены. Никогда! Клянусь: я сделаю для них все, что в моих силах!

Мария горячо прочла Господу благодарственную молитву и умерла счастливой, с ангельской улыбкой на устах.

Глава 3. Тетушка

Страшное несчастье, постигшее семейство Бронте, повлекло за собой бесконечную вереницу печальных обстоятельств, сделавших его положение поистине угрожающим. Дети хозяйки внезапно заразились скарлатиной, протекавшей в крайне тяжелой форме, и жизнь их находилась в опасности.

Молодые служанки, почувствовав себя свободнее без пристального надзора своей хозяйки, стали беспорядочно и стремительно расходовать семейный бюджет. Средства к существованию таяли мгновенно. Требовалось непременно предпринять соответствующие меры, чтобы исправить положение.

Патрик Бронте продолжал усердно трудиться в своем приходе, и работа оказывала целебное воздействие на его внутреннее состояние, что благотворно отразилось и на внешнем облике пастора: лицо его, отличавшееся последнее время крайней бледностью, теперь посвежело и порозовело, глаза, зачастую печально устремленные в пространство, заметно ожили. Прихожане безмолвно, с величайшим благоговением внимали преподобному Патрику Бронте, читавшему сейчас свою обычную проповедь. Взгляд его с нескрываемым интересом бродил вдоль скамей помещения, бегло окидывая ряды посетителей, подавляющее большинство которых были хорошо знакомы пастору, ибо являлись его постоянными прихожанами.

Но вот в одном из потаенных уголков преподобный Патрик Бронте заметил едва различимый при скудном освещении силуэт женской фигуры, что показалось ему весьма странным и подозрительным, так как обыкновенно это место пустовало. Мистер Бронте стал внимательно присматриваться к новой прихожанке. Та усердно молилась, опустив голову, и лица ее не было видно. Когда же она наконец подняла глаза на пастора, тот мгновенно осекся, почувствовав, что язык его точно прилип к гортани. Выдержав некоторую паузу, преподобный Патрик Бронте продолжил проповедь, но теперь он стал говорить как-то очень быстро и машинально, совершенно не вдумываясь в смысл собственных слов.

Церковный колокол мерными, сочными ударами возвестил полдень. Богослужение закончилось; прихожане стали постепенно расходиться. Поспешно собравшись, пастор энергично направился к выходу, где его уже ждала новая посетительница, и остановился прямо напротив нее. Да, он не ошибся в своем изначальном предположении: перед ним действительно была его любезная свояченица, ни больше ни меньше. С минуты оба они стояли неподвижно, в совершенном безмолвии устремив друг на друга оценивающие взгляды. Наконец преподобный Патрик Бронте, несколько справившись со своей неуклюжей неловкостью, тихо, но твердо произнес:

– Мисс Элизабет Брэнгуэлл. Не так ли?!

– Разумеется. Вы что же, еще нашли повод сомневаться в этом, мистер Бронте? Неужели я так сильно изменилась? – Элизабет Брэнгуэлл с напускным кокетством вправила под огромный старомодный чепец выбившийся наружу светло-каштановый локон.

Патрик Бронте снова внимательно оглядел ее, правда, на этот раз не открыто, в упор, а украдкой. Бледная, щупленькая, уже не молодая женщина, лет за сорок, очень маленького роста. Лицо ее едва ли можно было назвать красивым: сильно запавшие щеки, нездоровый цвет кожи; несколько оживляли его выражение лишь маленькие, глубоко посаженные цепкие, пронизательные глаза. Однако, как показалось мистеру Бронте, мисс Брэнгуэлл действительно почти не изменилась с того времени, как он видел ее последний раз, хотя с той поры минуло уже около десяти лет. Более того, нечто неуловимое, что просвечивалось в ее облике и манерах в былые годы – некие признаки оригинальности мышления и способности отстоять избранную ею позицию – запечатлелось теперь во всех ее чертах достаточно отчетливо.

Впрочем, Патрику Бронте, разглядевшему вблизи скромную, неприхотливую одежду собеседницы, представлявшуюся с виду обычной, но используемую ею неизменно, в соответствии с ее понятиями об этических нормах общества (на самом же деле стремительно идущими с ними вразрез), живо припомнились своеобразные странности, присущие мисс Брэнгуэлл. И он весьма охотно заключил, что подобные причуды вполне в ее духе.

Оригинальное облачение Элизабет Брэнгуэлл в данный момент чрезвычайно искусно создавало образ полумонахини, полусумасшедшей. Черное шелковое платье, подчеркивающее безупречную строгость (хотя в арсенале нарядов мисс Брэнгуэлл имелось достаточное количе-

ство верхней одежды самых различных цветов, и данный выбор был сделан отнюдь не из желания отдать должное простоте и скромности, а в непосредственном сообразовании с подобающей ситуацией: нельзя же было появиться в цветных шелках в святом месте). Просторный плащ, старомодный чепец такого внушительного размера, что из него можно было выкроить, по крайней мере, штук шесть чепцов современного фасона. И, в довершение ко всему – длинные и широкие *pattens*¹⁰, которые, как подозревал мистер Бронте, сходили с ног их владелицы, пожалуй, только в тех случаях, когда она ложилась в постель. Да и то, по всей видимости, лишь во избежание риска испачкать постельное белье.

Патрик Бронте настолько увлекся воспоминаниями о прошлом, серьезнейшим образом занявшись сравнением былого облика мисс Брэнзуэлл с теперешним, что, казалось, совершенно позабыл о том, что следует поддерживать беседу.

– Я смотрю, вы не находите ответа, сэр. Верно, я и в самом деле изменилась, и причем, подозреваю, не в лучшую сторону. Что ж, прошу прощения за неуместный вопрос – он привел вас в замешательство.

– Ничуть, – ответил Патрик Бронте, внезапно очнувшись от раздумий. – Уважаемая мисс Брэнзуэлл, – продолжал пастор, приняв нарочито торжественный тон, – счастлив вам сообщить, что время, как оно ни беспощадно к бранным оболочкам, то бишь к тому, что именуется внешностью, весьма благосклонно обошлось с вами. «Во всяком случае – гораздо лучше, чем можно было ожидать», – подумал он при этом, а вслух добавил:

– Однако, что заставило вас посетить эти забытые всеми места? Я был убежден, что единственной достойной обителью для столь благородной и утонченной особы, как мисс Элизабет Брэнзуэлл, может служить лишь роскошный Пензанс Корнуэллского графства. Поверьте мне, я нисколько не удивлен, что этот чистый, уютный, до блеска вышколенный город является вашей родиной – он подходит вам гораздо больше, нежели любой другой во всей округе. Разумеется, я никак не предполагал увидеть вас здесь.

– Силы небесные! – воскликнула возбужденная Элизабет Брэнзуэлл. – Ужели я слышу слова лести, слетевшие с ваших уст, мистер Бронте! Впрочем, узнаю ваш природный сарказм. Что ж, можете смеяться надо мной, сэр: по мне – уж лучше ирония, чем невозмутимое равнодушие.

Лицо мисс Брэнзуэлл внезапно помрачнело. Она тихо продолжала:

– Видно, к вам возвращается жизненный тонус, сэр! Можете мне не верить, но я искренне за вас рада. Не сомневаюсь: вы мужественно перенесли то ужасное горе, которое постигло всех нас, и достойно справляетесь с нынешним положением. Моя сестра Мария сейчас, верно, гордится вами, в упоении взирая с Небес на землю.

– Благодарю вас! Но что-то не припомню, чтобы вы жаловали меня особым вниманием во время вашего визита в дом своего дядюшке в Родоне, куда меня пригласили в то время поработать учителем в школе Вудхаус Гроув. В ту пору я даже не был удостоен великой чести пользоваться вашим расположением, мисс Брэнзуэлл. Разве теперь что-нибудь изменилось? Вроде бы я все тот же «несносный, жалкий ирландец», что и прежде, не так ли?

– Я была неправа и готова признать свои ошибки. Нет, я не стану просить у вас прощения: ведь пустые слова ничего не стоят. Но, во имя светлой памяти любимой Марии, я собираюсь исполнить сестринский долг перед нею, и эту обязанность я почитаю своей священной миссией. Вашему опустевшему дому, несомненно, нужны заботливые женские руки, а вашим детям – полноценное воспитание в здоровых, благоприятных условиях. Ни на минуту не сомневаюсь, что вы не в восторге от подобной сумасбродной идеи, какой вы, верно, представляете мое решение поселиться в вашем доме, потому я и не известила о своем приезде. Постарайтесь меня понять, мистер Бронте, я не могла поступить иначе: весть о кончине бедняжки Марии потрясла меня до глубины души!¹¹

Патрик Бронте, не выдержав явного натиска со стороны непрошенной гостьи, порывисто воскликнул:

– Но я написал в Пензанс около года назад! И не получил в ответ ни слова соболезнования! Брэннуэллы всегда меня недолюбливали; лишь Мария была исключением. Нетерпимость – основное свойство натуры ваших родственников, мисс. Оно яростно бурлит ключом, вскипая у них в крови, и щедро разливается по всему организму, порождая целый букет восхитительных достоинств вашей фамилии: негодование, озлобленность, презрение, ненависть, неизменно передающиеся из поколения в поколение.

– Вы несправедливы, мистер Бронте! Послушать вас, так выходит, что мы все – звери лютые! А между тем давно пора забыть о взаимных обидах и смирить оскорбленные чувства во имя благих целей. Ведь мы с вами теперь как никогда нуждаемся в поддержке друг друга: нас объединяет общее горе, с которым несравненно легче справиться, сплотившись, нежели порознь!

Мистер Бронте не выразил согласия с разумными доводами мисс Брэннуэлл и отнюдь не выказал ей расположения гостеприимного хозяина. И все же, вежливо прервав не особенно приятный ему разговор, преподобный Патрик Бронте пригласил свояченицу последовать за ним в пасторат.

Ко времени прибытия мисс Брэннуэлл в Гаворт положение семейства Бронте уже практически стабилизировалось. Дети хозяина пошли на поправку и постепенно возвращались к своему обычному образу жизни. Возобновились регулярные занятия английской грамматикой и правописанием. С какой-то особой неутомимой жадностью и восторженным упоением поглощалась имевшаяся в доме литература. В самые короткие сроки дети восстановили утраченный за время болезни уровень своего образования и с удвоенным рвением усваивали новые знания, так что внутренняя пустота, глубоко обосновавшаяся в их угнетенном сознании в результате вынужденного бездействия, стремительно заполнялась. Их чуткие, стосковавшиеся по новой пище умы получили наконец долгожданную возможность утолить мучивший их голод.

Все это, безусловно, радовало достопочтенного Патрика Бронте, и он вынужден был признать, что судьба вновь благоволит к его семье. Однако со времени смерти миссис Бронте в хозяине произошла довольно резкая перемена, отразившаяся как на его внешнем облике, так и на манерах поведения.

Поначалу мистер Бронте и сам не вполне осознавал своего нового состояния, проявившегося в медлительной вялости движений и ясно просматривавшегося порой в устремленном в бесконечное пространство рассеянном взгляде. Свойственная ему нелюдимость и своеобразная отрешенность от всего земного постепенно заслоняла собой все иные помыслы и устремления. Когда же все эти качества стали очевидными для хозяина, он, разумеется, тщательно старался не обнаруживать их признаков, по крайней мере, внешне; лишь ему одному было известно, каких невероятных усилий стоило скрывать свои истинные чувства под маской невозмутимого спокойствия, ставшей теперь его единственным спасительным средством.

Но мистер Бронте все же не сумел полностью скрыть последствий овладевшей им хандры. Несомненно, он делал все, что мог, чтобы не выдавать их, и было бы несправедливым упрекнуть его в несдержанности, неспособности владеть собой.

Гораздо хуже оказалось другое: пламя отчаяния, стремительно вздымавшееся в самой глубине души хозяина, настойчиво отбрасывало множество мелких искорок, произвольно прорывавшихся наружу и распространявшихся вокруг. И его дети, разумеется, остро чувствовали всю горькую тяжесть той атмосферы мрачного ненастья, которая безраздельно владела теперь их скромной обителью. Бодрящая, живительная влага, целительную силу и свежесть которой малюткам в полной мере довелось ощутить в период их выздоровления, была отрав-

лена изрядной примесью жгучего яда того страшного горя, какое постигло все семейство. Безмятежные детские радости маленьких Бронте теперь уступили место тихому печальному раздумью, ставшему основным их союзником.

Большую часть времени сестры и брат проводили, затворившись в своей комнате, где предавались совместным воспоминаниям и размышлениям, находясь в постоянной изоляции от любого общества, за исключением лишь домашней прислуги и отца. С последним, впрочем, они виделись строго по графику, когда по утрам в определенное время приходили в его кабинет, где велось регулярное, неукоснительное наблюдение за продвижением их обучения. Дружеских отношений с местными сверстниками они не заводили, да и не нуждались в общении с ними, вполне довольствуясь сердечным теплом семейного круга.

В продолжение всего пути, пролежавшего от церкви к жилищу пастора, мистер Бронте с мисс Брэнзуэлл не обменялись ни словом. Твердо зная, что каждый из них, в любом случае, останется при своем мнении, давние родственники, словно сговорившись между собой, намеренно старались избежать всяческих разговоров.

Тяжелая дверь пастората громко скрипнула, впуская пришельцев вовнутрь, и тут же захлопнулась за ними. Хозяин приказал одной из молодых служанок принять вещи мисс Брэнзуэлл, а другую послал за детьми, после чего любезно провел свояченицу в гостиную.

Элизабет Брэнзуэлл не смогла скрыть своего глубокого огорчения и разочарования, увидев каменный пол пасторского дома. Даже в *pattens*, которые мисс Брэнзуэлл наотрез отказалась сменить на более просторную и уютную домашнюю обувь, она с тревогой почувствовала промозглый холод, исходивший от него; разыгравшееся в ней недовольство несколько улеглось лишь после того, как она заметила яркие огненные языки, весело подергивающиеся в топившемся камине, расположенном в углу гостиной. В порядке исключения приезжей подали горячий чай с сэндвичами, что помогло ей немного согреться и прийти в себя после долгого, утомительного пути.

Тем временем назначенная служанка успела привести детей в надлежащий вид, поспешно сменив их обычную домашнюю одежду на ту, что считалась нарядной и приберегалась для особо торжественных случаев. Затем она, не мешкая, проводила их в гостиную, где им надлежало быть представленными прибывшей родственнице.

Знакомство состоялось. Мисс Брэнзуэлл с нескрываемым интересом разглядывала племянников, коим предстояло сделаться ее подопечными.

– Ваша тетушка изъявила желание на некоторое время поселиться в нашем доме, – сухо изрек Патрик Бронте. – Похоже, она всерьез решила потратить свое драгоценное время и вложить свои природные таланты в столь неблагодарное дело, как ваше воспитание. Что ж, это ее право, – добавил он серьезно, – она проделала огромный путь только для того, чтобы осуществить это свое намерение. Так что настоятельно прошу вас отнестись к своей тете с должным уважением и слушаться ее во всем! Чего глядите так кисло? Подойдите и поздоровайтесь, как следует, с тетей Элизабет!

Дети подчинились приказанию отца с явной неохотой, ибо выказывание поддельных чувств совершенно чуждому им человеку отнюдь не входило в их привычки. Весьма скупое на изъявление всяческих нежностей приветствие детей вынудило мисс Брэнзуэлл держаться с ними с соответственной чопорной сухостью. В целом вся церемония выглядела настолько официально, что походила, скорее, на представление детей какой-нибудь высокопоставленной коронованной особе, нежели на общение тетушки с племянниками. Подходя по очереди, девочки покорно склоняли свои головы и делали грациозный реверанс, на что получали ответный кивок и одобрительное поглаживание по затылку. Лишь двое из детей хозяина удостоились более теплого обхождения. Первым из этих счастливых стал его любимчик Патрик Брэнзуэлл,

который, захотев выделиться среди других и, быть может, тем самым вернее завоевать симпатию тетушки, поначалу традиционно склонив голову, внезапно бросился горячо целовать мисс Брэнзуэлл.

– Славный мальчик! – невольно вырвалось из уст растроганной Элизабет Брэнзуэлл, отнюдь не отличающейся особой щедростью на расточение хотя бы малейших любезностей. – Как же тебя зовут?

– Патрик Брэнзуэлл.

– Подумать только! – оживилась мисс Брэнзуэлл. Она обернулась к своему зятю, и ее лицо мгновенно приняло почти торжественное выражение. Собравшись с мыслями, она продолжала, обращаясь уже к хозяину: – Мистер Патрик! Не правда ли, наша дорогая Мария, упокой, Господи, ее душу, была все же довольно-таки своеобразным человеком. В ней ощущалось нечто странное, чего я никогда не могла, да, по правде говоря, и не особенно стремилась постичь.

Мисс Брэнзуэлл, погружившись в воспоминания, казалось, размышляла вслух:

– Моя сестра нередко приводила меня в изумление причудливыми особенностями своего характера, открывающимися с возрастающей непостижимостью всем ее поведением. Но, как бы то ни было, одно свойство ее натуры оказалось постоянным и неизменно укреплялось, подобно духу истинного праведника. Я говорю о ее непоколебимой воле. Мария всегда отличалась завидным упорством и в то же время всегда была справедлива. И, знаете, мистер Патрик, сегодня я имела возможность убедиться в этом...

Какое прелестное имя носит ваш сын! Патрик Брэнзуэлл! Здесь ощущается неистощимая воля Марии во всей благородной полноте ее проявления. В самом деле: имя моего племянника олицетворяет неразрывную связь людей, которых знала и любила Мария так же, как и она была любима ими. Просто удивительно! Как будто бы Мария предусмотрела все заранее! Ведь, нарекая малыша Патриком Брэнзуэллом, она как бы стремилась таким образом примирить два семейства, одновременно угодив всем, кто ей близок: не оставив в обиде мужа, моя сестра не преминула отдать должное нашей фамилии. Да! Полагаю, во всем обширном роду Брэнзуэллов в том, что касается изобретательности и остроумия, Мария неизменно остается вне конкуренции. Не так ли, мистер Патрик?

Хозяин молча кивнул.

На мгновение, забыв свою обыкновенную чопорную манеру держаться, мисс Брэнзуэлл порывисто обняла порядком растерявшегося племянника и запечатлела на его лбу поцелуй – самый нежный, какой только можно вообразить. Столь же теплая ласка была подарена маленькой Энн, поднесенной служанкой в завершении церемонии. Ангельский вид невинного крохотного создания оказал странное воздействие на внутреннее состояние умиленной тетушки. Оставшись старой девой, Элизабет Брэнзуэлл, разумеется, была лишена счастья материнства и, увидев малютку, мгновенно испытала к ней чувство, гораздо более сильное, нежели то, что могло возникнуть по отношению к племяннице.

Таким образом, все дети хозяина принесли дань уважения своей новоявленной тетушке, и этот незамысловатый ритуал, проходивший под бдительным надзором достопочтенного Патрика Бронте, не предпринимавшего, однако, никаких попыток вмешаться в его процесс, был благополучно завершен. Детей отослали обратно в *The children's study*. Хозяин же, отнюдь не намеренный занимать свою гостью, отдал распоряжение прислуге проводить мисс Брэнзуэлл в отдельную комнату и с угрюмым видом направился в свой кабинет. Все же, дойдя до конца гостиной, Патрик Бронте внезапно обернулся, гордо вскинул голову и, отослав служанку, намеревавшуюся выполнить его указание в отношении устройства свояченицы, серьезно произнес:

– Итак, мисс Брэнзуэлл, полагаю, вы получили достаточное впечатление об истинной сущности той цели, к которой вы так стремились, чтобы составить в своем представлении вполне определенную картину вашей дальнейшей жизни в этом доме. Во всяком случае, я надеюсь,

что пелена заблуждения, окутывавшая ваш рассудок, рассеялась, и вы благополучно избавились от каких бы то ни было иллюзий на этот счет!

– Не понимаю, к чему вы клоните, сэр? – встревожилась Элизабет Брэнзуэлл. – Вы намекаете, что я не должна оставаться в этом доме?

– Отнюдь, – возразил пастор. – Я не стану выставлять на улицу человека, который добровольно вызвался мне помочь. Вы ведь для этого сюда приехали, не так ли, мисс Брэнзуэлл?! Я только хотел сказать, что, принимая столь ответственное решение, вы едва ли хотя бы отдаленно предполагали, на какое унылое, безотрадное существование себя обрекаете.

– Вы глубоко заблуждаетесь, мистер Бронте. Я много думала о последствиях своего поступка, прежде чем отважиться на него.

– По всей вероятности, ваши размышления так и не помогли вам выйти на путь истины. Боюсь, вы недооценили всей серьезности сложившейся ситуации и, соответственно, не рассчитали своих сил. Подобные ошибки, как правило, обходятся людям слишком дорого, и мой долг – предупредить вас. Все, что вы сегодня видели в пределах Гаворта, а также в стенах пастората, – это и есть горькая правда нашей обыденной жизни, лишенной всяких прикрас. И если вы до сих пор тешите себя надеждой найти здесь нечто хоть сколько-нибудь привлекательное – вас ждет жестокое разочарование.

– Вы так говорите со мной, сэр, будто бы перед вами – легкомысленная девчонка! – с нескрываемой обидой ответила мисс Брэнзуэлл. – А между тем даже в те далекие годы, когда вы посещали нас в Родоне, я не была таковой! Разумеется, я полностью осознаю всю ответственность предпринимаемого мной шага!

– Неужели! – воскликнул Патрик Бронте. – Вы и в самом деле готовы расстаться со всем безупречным лоском Пензанса, отказаться от разнообразных развлечений и увеселений, к коим так привержены жители вашего города? Вы действительно намерены лишить себя привычных удобств только для того, чтобы бесцельно прожигать свою жизнь на диком севере, в доме некоего родственника, которого вы с трудом терпите?

– А с чего бы вам беспокоиться о моем благополучии, мистер Бронте? Какое вам до этого дело? Полагаю, все ваши устремления сводятся лишь к мысли о том, как бы поскорее избавиться от столь неприятного для вас общества. Вы, должно быть, считаете меня тяжелой обузой, обрушившейся на ваши плечи. Что ж, возможно, вы и правы. Коли желаете прогнать меня – так и поступайте. Только не нужно делать вид, будто бы вас заботит мое будущее! – парировала Элизабет Брэнзуэлл.

Патрик Бронте, осознав, что разговор вот-вот выйдет за рамки приличий, поспешил взять ситуацию под контроль. Его лицо мгновенно приобрело почти дружелюбное выражение, а обыкновенно резкий тон заметно смягчился.

– Боже сохрани! Я ведь уже говорил: у меня нет намерения вас выгонять! Если та жизнь, какую вы избрали для себя – предел ваших мечтаний, – я не стану чинить вам препятствий. Делайте, как знаете. Только не сетуйте потом, что я вас не предупреждал!

– Не беспокойтесь, сударь. Я не амбициозна и не в моих привычках возводить хрустальные замки или же отчаянно выискивать какую-то иную роскошную обитель, куда можно уютно пристроить розовые мечты о земном счастье и небесном блаженстве!

Хозяин молча кивнул, после чего, снова призвав служанку, поспешно покинул гостиную.

Внезапное появление тетушки Брэнзуэлл и ее дальнейшее пребывание в пасторском доме не могло изменить устоявшихся семейных порядков. Мисс Брэнзуэлл, определенно, не относилась к тем существам, что на каждом шагу утверждают новые законы, способные перевернуть вселенную. И все же ей без особых усилий удалось добиться уважения своих племянников и тем самым укрепить свои позиции на правах нового члена семьи.

Жизнь детей стала гораздо интереснее и разнообразнее благодаря новым возможностям, открытым перед ними щедрой, уверенной рукою тетушки. Под руководством мисс Брэнзуэлл девочки увлеченно осваивали искусство рукоделия, а также занимались домашним хозяйством, приобретая умения, столь ценные в жизни и являющиеся просто необходимыми качествами благовоспитанной барышни. Всеобщий баловень Брэнзуэлл и малютка Энн по-прежнему оставались главными любимцами тетушки.

Время стремительно и бесповоротно летело прочь, унося с собой самую прелестную пору, отмеченную наивысшим всплеском детской безмятежности, и уверенно обозначая новые этапы человеческого сознания. Зима, весна, лето, осень с естественной методичностью сменяли друг друга, и эта дикая вереница различных причудливых природных образов стремглав проносилась в своем безрассудном вихре, составляя удивительную, поистине пленительную картину, какую можно уподобить совершенной гармонии всевозможных видений и своеобразных ритмов, живую силу которых могло различить лишь самое чуткое ухо. Непринужденное пение птиц, поочередно нарастающий и убывающий шелест листвы деревьев, создаваемый то легким дыханием, то неистовым воем веющих со всех сторон ветров, мерное журчание ручейка, весело струящегося через долину. Все это сплелось в единый бесконечный поток, могучие волны которого стремительно опоясывают все земное и небесное пространство.

Традиционные прогулки детей теперь перестали быть для них столь скучными и однообразными, какими казались прежде. Правда, длительное пребывание на морозном воздухе поздней осенью или зимой особого удовольствия им не доставляло, так как постоянная борьба с холодом изматывала силы, и крошки возвращались домой слишком утомленные и изрядно продрогшие. Зато весной и летом, в сказочную пору дивного, восторженного пробуждения природы, когда в палисаднике, пристроенном под окнами пастората, распускались яркие цветы, первозданная прелесть которых несказанно радовала взор, а нежный, тонкий аромат пленял обоняние, когда редкие кусты смородины покрывало свежее зеленое облачение, девочки охотно проводили время на вересковых просторах, особенно в ясные, погожие дни.

Согретые приветливыми лучами солнца, они нередко пробирались к своим излюбленным смородиновым кустам, в тени которых можно было беспрепятственно пристроиться со своим рукоделием. Это незамысловатое занятие помогало сестрам отвлечь свои мысли от постоянного чтения и к тому же предоставляло отличную возможность провести часы, предназначенные для ежедневных прогулок с максимальной пользой для себя. Наполняя свое времяпровождение приятным делом, они внесли в свое унылое существование некоторое разнообразие и избавились, таким образом, от смертельной скуки, являвшейся ранее неизменной спутницей их прогулок.

В доме дети тоже не сидели сложа руки. Они активно включались в стремительный водоворот трудового процесса, так что очень скоро уборка комнат и приготовление пудингов стали для всех девочек, включая самых маленьких, столь же привычными, как регулярные занятия чтением и письмом. Несомненно, подобные благоприятные перемены явились результатом влияния тетушки Брэнзуэлл.

Сама мисс Брэнзуэлл почти никогда не покидала своей комнаты и лишь изредка появлялась в общей гостиной. Одна мысль о том, чтобы выйти на улицу, повергала ее в крайний ужас, ибо паническая боязнь простуды безраздельно владела ее сознанием.

Такое странное поведение тетушки не оставляло равнодушным живое любопытство детей, предоставляя им богатейшую пищу для размышлений. Не выдержав столь мучительной пытки неведения, дети решились наконец обратиться к отцу в смутной надежде утолить разыгравшийся интерес к причудам тетушки Брэнзуэлл. Однако, к своему великому разочарованию и огорчению, они не получили от него ожидаемого объяснения. Патрик Бронте с видимой неохотой очнулся от своего обыкновенного задумчивого оцепенения и сухо заметил:

– Надо думать, вашей тетушке не слишком нравится здешний климат, – хозяин устремил пристальный взгляд куда-то вдаль; по лицу его скользнула едва заметная саркастическая улыбка, и он с презрением добавил: – Оно и понятно: нежные, ухоженные тепличные растения, волею Судьбы занесенные в дикие, северные края, обычно чахнут под воздействием непривычного для них лютого холода.

В продолжение длительного срока дети постоянно размышляли над услышанным. Абстрактные образные сравнения были для них непонятны и отнюдь не проясняли в их представлении правдивой картины. С удвоенным нетерпением ожидали они очередного утра, когда в назначенный час явятся в комнату тети за новой порцией заданий.

Наконец время настало. Девочки, как обычно, разместились возле тетушки Брэнгуэлл со своим шитьем. Разумеется, на сей раз их внимание едва ли могло быть сосредоточено на работе. Неизменное прилежание юных барышень будто бы мгновенно растворилось в воздухе и, к немалому огорчению тетушки, результаты не замедлили сказаться. Крайне встревоженная мисс Брэнгуэлл заботливо осведомилась относительно здоровья своих племянниц и получила в ответ единогласное горячее уверение в том, что с ними все в порядке.

– Раз так, то вы должны быть прилежнее, – строго сказала она. – Умение шить и вышивать – один из важнейших необходимых навыков в жизни женщины, и развитием его надлежит заниматься с малолетства. В нашем роду все женщины были искусными мастерицами вышивания. Каждая молодая представительница семьи Брэнгуэллов, обучившись этому ремеслу, проходила своеобразный тест, изготавливая специальный образец вышивки, который являлся наглядным показателем того, что девушка достигла достаточного уровня мастерства.

Она показала племянницам небольшой светло-коричневый прямоугольник ткани, где были вышиты черными нитками ряды различных фигур, цифр, букв алфавита и других символов. Внизу виднелась подпись, также вышитая вручную и гласившая: *Maria Branwell ended her Sampler April the 15, 1791*¹².

– Это сделала мама, не так ли, тетушка? – удивилась Шарлотта. Она протянула маленькие ручонки к заветному полотну, и мисс Брэнгуэлл протянула ей вышивку, чтобы девочка смогла рассмотреть ее поближе, однако по-прежнему не выпускала лоскуток из своих рук.

– Да, – тихо ответила тетушка. – Этот образец выполнен вашей матерью в возрасте восьми лет. Обратите внимание, насколько красиво и аккуратно у нее все получилось. Я прошу вас помнить о вашей матери и следовать ее примеру, девочки. Каждая из вас должна к надлежащему времени вышить подобный образец. Это будет данью уважения вашей матери и всей семье Брэнгуэлл.

Она снова взглянула на племянниц, и в ее взоре появилась озабоченность:

– Может быть, вы чем-то расстроены? – предположила мисс Брэнгуэлл.

– Нет, тетя, – раздалась робкие возгласы.

– В таком случае, что же с вами происходит? Я склонна предполагать, что любое дело может доставить истинное удовольствие лишь тем людям, кто способен взяться за него с максимальной добросовестностью. Чем серьезнее будет ваше отношение к работе, тем более щедро она способна вознаградить, уверяю вас.

– А вы сами находите радость в любом деле, тетя? – осмелилась вмешаться Мария, невольно откладывая в сторону лоскут изувеченной материи и затаив дыхание в ожидании ответа.

– Конечно! – изрекла мисс Брэнгуэлл с некоторой долей торжественности. Затем, немного подумав, добавила уже более ровным, серьезным тоном: – Во всяком случае, надеюсь, что это так.

– Вы могли бы рассказать что-нибудь о своей жизни, тетя? – спросила Мария напрямик.

– А что моя жизнь? Надо сказать, она ничем не отличается от той, что ведет подавляющее большинство людей!

– Но ведь не каждый человек сидит в доме целыми днями! – возразила Элизабет, поражаясь собственной смелости. – Неужели у вас ни разу не возникало желания выйти на улицу, тетушка!

– Что ты, детка! Бог с тобой! – порывисто воскликнула мисс Брэнзуэлл, широко раскрыв глаза. – Бывало в моем родном Пензансе, – а, надо сказать, я слыла одной из самых обаятельных женщин Корнуэллского графства... Что, не верите? – тетушка лукаво подмигнула племянникам. – Мисс Элизабет Брэнзуэлл в свое время славилась красотой и утонченностью настоящей светской дамы... Только не думайте, что я похваляюсь своим блестящим прошлым, ибо это удел лишь тех несчастных, у кого не осталось никаких целей и надежд на будущее...

Так вот, в Пензансе я частенько даже не хотела возвращаться домой – до того мне нравилось, нарядившись в какую-нибудь изящную, со вкусом подобранную одежду, весело и непринужденно пройтись по улицам этого удивительного, сказочно-прекрасного небольшого городка – в одиночку или в компании близких друзей. Нравилось беззаботно любоваться пестрыми коврами южных цветов, застилающих множество миниатюрных ухоженных клумб, с необузданным восторгом внимая восхитительным переливам звонких птичьих голосов. Ах, как все это было прелестно! А какие в тех местах добрые и отзывчивые люди! Как охотно мы проводили время в приветливых компаниях, постоянно собирающихся в различных домах Пензанса! Я, помнится, с особым невыразимым удовольствием брала понюшку из изящно отделанной золотой табакерки и пускалась в самые обыкновенные сплетни... Увы, всех этих милых, безобидных удовольствий теперь уж не вернуть.

– Вы несчастливы здесь, в Йоркшире, правда, тетя? – предположила задумчивая, пронизывающая Шарлотта.

– Несчастлива? – повторила ошеломленная тетушка. – А с чего это мне быть несчастной? Сдается мне, каждый человек, обитающий на этой земле, счастлив по-своему. И это никак не зависит от места его пребывания... Хотя, конечно, мне лично в непосредственном соотношении с моими увлечениями и склонностями, составляющими привычный для меня образ жизни, больше подходит Пензанс.

Мисс Брэнзуэлл невольно вспомнила время, когда она имела возможность выходить в свет, посещать балы и радоваться дарам и благам беззаботной пензансской молодости. Несмотря на распад семьи Брэнзуэллов, произошедший в 1811 году, она по-прежнему имела частный доход в размере пятидесяти фунтов в год, так что вполне могла вести вполне комфортную жизнь независимой незамужней дамы, не стесненной в средствах и даже не обделенной некоторой роскошью. Теперь, однако, с этим покончено. Отныне средства мисс Брэнзуэлл найдут иное применение. Хотя она, быть может, и лишилась теперь привычной роскоши и комфорта, но обрела нечто несравненно более важное – то, на что уже перестала надеяться. Она обрела семью. Пусть она и лишена счастья замужества и материнства – и все же она нашла здесь самых родных и близких людей, которые у нее остались.

– Почему же вы тогда приехали в Гаворт и зачем живете в нашем доме, милая тетушка, если вам здесь не нравится? – спросила немало озадаченная Элизабет.

– Потому что... – мисс Брэнзуэлл ненадолго замолчала, затем, поразмыслив, с видимым огорчением, произнесла: – Вы еще слишком малы, чтобы понять это. Ну, теперь – марш за уборку: скоро обед! Что-то мы слишком заговорились!

Дети подчинились с большой неохотой. Они предпочли бы посидеть еще со своей тетушкой, чтобы хоть как-то скрасить ее одиночество и развеять печаль.

Глава 4. Коуэн-Бридж

Между тем подрастающих детей пастора все меньше устраивало их обыкновенное времяпрепровождение. Разумеется, преподобный Патрик Бронте, со всей присущей ему бдительной непреклонностью, продолжал следить за продвижением обучения своих юных отпрысков. Занятия планировались очень умно, так как, несмотря на все своеобразные причуды хозяина,

он был наделен блестящим стратегическим даром; кроме того, как нельзя кстати пришлось воспитательное влияние мисс Брэнсуэлл. Повседневное интеллектуальное напряжение, неизбежно получаемое путем стремительного и жадного штудирования самой разнообразной литературы – художественных и научных книг, а также различных газет и журналов, – сменялось веселой и шумной хозяйственной возней. Каждый обычный день в жизни детей мистера Бронте теперь был плотно насыщен полезными и интересными делами разнообразного характера, так что особо скучать им не приходилось.

Однако, вопреки всем благоприятным для полноценного развития условиям, обеспеченным юным Бронте, благодаря твердо установленному строгому распорядку они не находили достаточного удовольствия в предоставляемых им возможностях применения сил и раскрытия способностей. Слишком уж поспешно и стремительно толкали их в пучину взрослой жизни. А между тем при всей проявляемой ими внешне покладистости и безропотном смирении, при их живой отзывчивости и готовности к любому делу и, наконец, при выходящем за пределы возрастных границ уровне их развития – как остро порой недоставало им обыкновенных детских радостей!

Мистер Бронте, невзирая на его безграничную любовь к своим детям, старался держаться с ними степенно, с оттенком надменной суровости. Мисс Брэнсуэлл же, при всей ее непоколебимой решимости в добросовестном исполнении долга перед умершей сестрой и при том, что между нею и маленькими племянниками постепенно сложились теплые взаимоотношения, не могла воскресить в их сердцах чувства, подобного тому, какое они питали к родной матери. Да она и не стремилась отвоевать себе место хозяйки дома.

Таким образом, являясь объектом постоянного неусыпного надзора отца и тетушки, юные Бронте остро чувствовали себя обделенными вниманием и заботой, хотя и старались, насколько то было в их силах, не выдавать этих ощущений. Они скрывали свои чувства отнюдь не из страха перед наказанием, но из опасения подобным опрометчивым поступком оскорбить и огорчить близких людей. Сама природа детей мистера Бронте претила им открыто выказывать какое бы то ни было недовольство, а уж о том, чтобы им по-настоящему взбунтоваться, и речи быть не могло. Стало быть, срочно требовалось нечто иное, что давало бы сестрам и брату подходящую возможность применения своей нарастившей энергии.

Вот тут-то в помощь юным Бронте и подоспело столь желанное спасение. Оно явилось им в пленительно завораживающих, с головы до ног окутывающих волшебной прозрачной дымкой некой магической власти, безудержных порывах светлого Воображения. Воображение уносило их далеко-далеко за пределы томительно однообразных повседневных забот обыденной мирской суеты, расцвечивая их жизнь новыми яркими красками, наполняя их существование мягким и приветливым бальзамом сказочного упоения. Своеобразную неповторимость восхитительного удовольствия скромных и послушных детей пастора довершало ликующее осознание того примечательного обстоятельства, что те пленительные чары, какие оно обильно источало, были ведомы им одним, мгновенно вознося их к бесконечным дивным вершинам небесного блаженства.

Сестры и брат с нетерпением ожидали вечернего часа, когда, покончив со всеми домашними делами, они получали наконец долгожданную возможность вволю насладиться богатыми плодами Воображения. С каким самозабвенным живым увлечением предавались они всемогущей власти его неизменных всемогущих чар!

Особую радость доставляло детям разыгрывание небольших пьес собственного сочинения в домашних условиях. Действующими лицами сих импровизационных драматических опусов зачастую выступали легендарные политические фигуры, во главе которых неизменно стоял герцог Веллингтон¹³.

Порой разгоряченное Воображение настолько захватывало сестер и брата, стремительно увлекая покорных пленников в свои волшебные владения, что выражения всеобъемлющего

восторга становились слишком громогласными и достигали чутких ушей преподобного Патрика Бронте. Последний в таких случаях спешил внести в эти незатейливые камерные представления свою неизменную весомую лепту, оказываясь их активным участником. Обычно достопочтенный отец семейства выступал в качестве «верховного судьи», разрешающего любой поднявшийся жаркий спор «согласно его собственному усмотрению».

Как-то раз, обнаружив в доме маску, хозяин под видом игры вознамерился осуществить свой тайный замысел, главный смысл которого состоял в том, чтобы успешно «разговорить» детей. Он по очереди задавал им каверзные вопросы, заблаговременно уверив их, что, скрываясь под маской, каждый из них может отвечать предельно откровенно, освободившись от излишнего стеснения.

– К чему стремится ребенок твоих лет? – обратился мистер Бронте к младшей дочери Энн, которой не исполнилось еще и четырех лет.

– Вырасти и познать жизнь, – последовал твердый, уверенный ответ.

Патрик Бронте удовлетворенно улыбнулся и охотно продолжил учиненный допрос с пристрастием. Следующей жертвой отцовской забавы явилась пятилетняя Эмили Джейн:

– Что мне делать с Брэнуэллом, когда он позволяет себе озорничать?

– Вразумить его, а если он не послушается голоса разума, то высечь его, – прозвучал мудрый, суровый совет прелестной юной особы.

Теперь настал законный черед того самого молодого господина, коему только что предписывалось весьма строгое, но справедливое наказание.

– Каким образом можно постичь разницу между умственными способностями мужчины и женщины?

– Соотнося их способности с разным строением их тела, – невозмутимо изрек шестилетний озорник.

– Какая книга лучшая в мире? – спросил мистер Бронте семилетнюю Шарлотту.

– Библия, – сказала она.

– А еще? – не отступался хозяин.

– Книга Природы, – был ответ.

Следом за Шарлоттой на лобное место пожаловала восьмилетняя Элизабет:

– В чем состоит лучшее образование для женщины? – любопытствовал неугомонный пастор.

– В умении вести хозяйство, – просто ответила девочка.

Наконец, вполне удовлетворенный результатами проведенного допроса, мистер Бронте обратился к последней участнице своей чудаковатой игры – девятилетней Марии:

– Как с наибольшей пользой употребить время?

– Приуготовляясь к вечному блаженству, – задумчиво произнесла девочка.

На этом тайное судилище благополучно завершилось¹⁴. Этот случай еще сильнее укрепил мистера Бронте в его предположениях относительно неординарности мышления его детей. Однако радость сделанного открытия не лишила хозяина способности здраво рассуждать, не застлала ему глаза пеленой обманчивого ощущения сладостного триумфа. И преподобный Патрик Бронте принял мудрое решение устроить детей в школу, где, как он полагал, их таланты смогут раскрыться вполне.

Мистер Бронте безотлагательно взялся за осуществление своего замысла и вскоре нашел недорогую школу, совсем недавно открывшуюся в приходе Тунсталь графства Ланкашир, находящегося по соседству с Йоркширом. Сам же приход располагался между двумя видными городами – Лидсом и Кендалем – в местечке под названием Коуэн-Бридж.

Школа, избранная достопочтенным Патриком Бронте, представляла собой скромное, неприхотливо обустроенное полублаготворительное учебное заведение, предназначенное для детей малоимущих священнослужителей, и носила название *The Clergy Daughters` School*¹⁵. Она

находилось в полноправном ведении преподобного Уильяма Кэруса Уилсона, устроителя этого частного пансиона.

Собрав по подписке необходимую сумму (около семидесяти фунтов), мистер Уилсон решил организовать собственное предприятие, и для достижения этой цели он приобрел соответствующее помещение, где ранее размещалась фабрика катушек, и, обустроив надлежащим образом это старое здание, приспособил его для школы. В учебное заведение мистера Уилсона принимали только девочек; плата за обучение, ежегодно вносимая родственниками поступивших воспитанниц, составляла четырнадцать фунтов, что покрывало лишь расходы на одежду и питание; образование в коуэн-бриджской школе предоставлялось за счет благотворительных средств.

На оговоренных выше условиях Патрик Бронте вполне мог позволить себе полноценное содержание в учреждении мистера Уилсона всех своих дочерей, за исключением Энн, не достигшей к тому времени возраста, приличествующего образцовой воспитаннице. Но для начала мистер Бронте решил отослать в школу двух старших дочерей.

В июле 1824 года Мария и Элизабет отправились в Коуэн-Бридж, в Школу дочерей духовенства. И началась для них пора лишений и невзгод суровых школьных будней. Жесткий график учебных занятий, требовавший непосильного напряжения от смиренных воспитанниц, острый недостаток пищи, безжалостная жестокость служивших здесь наставниц, не спускавших своим ученицам ни малейшего промаха, – все это было лишь частью тех страшных мучений, что приходилось беспрестанно претерпевать смиренным «дочерям милосердия».

Однако молодые барышни Мария и Элизабет Бронте оказались отнюдь не из тех изнеженных, капризных особ, чьи всевозможные прихоти мгновенно исполняются и любые, пусть даже пустячные мимолетные желания предупреждаются заблаговременно, как по волшебству. Пройденная ими с раннего детства отменная закалка, взросшая на суровой почве непреклонности установленных порядков, безраздельно царивших в их семье, воспитала в детях преподобного Патрика Бронте все те лучшие душевные качества, что призваны во служение высшей христианской добродетели: спартанскую выносливость, отчеканенную завидным терпением, и истинное смирение.

Эти постоянные спутники помогли Марии и Элизабет относительно спокойно и мужественно глядеть в глаза суровым невздам Коуэн-Бриджа, с безропотной покорностью переносить любые испытания, уготованные им коварной Судьбой. Во всяком случае, они прикладывали все душевные силы, чтобы не поддаться гнетущему унынию и честно снести все тяготы и лишения.

Пасторские дочери находили отрадное утешение в традиционных молитвах и ежедневно возносили Господу горячую благодарность за те нечаянные радости, что отпущены им на земле. В самом деле, они искренне верили, что мучительные телесные терзания несут в себе спасительный венец чистейшей Божественной Благодати, укрепляя их дух и наставляя их на единственный возможный путь счастливого избавления, следуя которому избранные смиренные праведники обретают наконец заслуженную ими по праву высшую награду на Небесах.

И все же время от времени у девочек возникали странные чувства. Какая-то неизъяснимая тоска, поддерживаемая безотчетной тревогой. Это состояние регулярно охватывало Марию и Элизабет Бронте, омрачая им и без того унылое, безотрадное существование в мрачных стенах Школы дочерей духовенства.

В первый месяц пребывания в коуэн-бриджской школе, озаренный теплыми приветливыми лучами летнего солнца, сестры, казалось, не замечали тихой печали, порою находившей на них. Они оставались всегда спокойными и сосредоточенными, стараясь по мере возможности не проявлять внешних ее признаков, но это навязчивое состояние с каждым днем все силь-

нее овладевало бедными дочерьми преподобного Патрика Бронте и все вернее и неотступнее подчиняло их себе.

Вероятно, то было предвосхищением унылой тоски грядущих осенних ночей, которым надлежало явиться взамен нежному, беззаботному теплу ясного летнего дня. Очень скоро назойливая меланхолия совсем оседлала невинные души старших барышень Бронте.

Порой, в минуты редкого уединения, какие выпадали главным образом на время установленных в школьном руководстве обязательных прогулок, незаметно отделившись от группы играющих девочек, Мария и Элизабет каждый раз углублялись в какой-нибудь укромный уголок облетевшего и поблекшего сада (устроенного при здании школы и неизменно служившего основным местом отдыха воспитанниц). Там, под кронами одиноко стоявших возле узких тропинок деревьев, сестры предавались унылым размышлениям о постигшей их странной перемене – о том, что же все-таки явилось главной причиной подавленного состояния духа.

В самом этом досадном обстоятельстве на первый взгляд не ощущалось ничего особенного, ничего, что могло бы послужить предметом малейшего удивления и беспокойства. Периодическую подавленность состояния Марии и Элизабет Бронте порождала всего лишь безграничная тоска по тихому одинокому пасторскому дому, затерянному в самой глуши диких пустынных долин родного Гаворта, а также – отчаянное томление по его обитателям.

Как остро недоставало теперь юным Бронте той спокойной, безмятежной обстановки, какую всегда обеспечивал им небольшой, но тесно сплоченный семейный круг! Не сразу девочки осознали это. Но однажды им все же довелось постичь неизведанный дотоле тайный смысл овладевшей ими меланхолии.

...Это случилось унылым августовским вечером – одним из тех, какими весьма богата природа туманного Альбиона. Время, предназначенное для досуга, миновало. Воспитанницы Школы дочерей духовенства, как обычно, расположились на скамьях, окружавших длинные сосновые столы, мирно погружившись в подготовку очередной порции заданий, неизменно доставляемых им педантичными наставницами, следившими за добросовестностью их выполнения с бдительностью Цербера.

Мария и Элизабет Бронте, наряду с прочими девочками, углубились в свои занятия и, с присущим им усердием, заучивали отдельные стихи из Священного Писания. Их голоса гармонично вливались в единый поток возгласов, регулярно доносившихся с ученических скамей и создававших мерный гул, обыкновенно царивший в классе в это время суток.

Всецело поглощенные занятиями девочки, конечно, не могли уловить не слишком отчетливых звуков легких приближающихся шагов, доносившихся из коридора, и различить приглушенный скрип отворившейся двери. Наставницы имели обыкновение входить быстро и бесшумно. К тому же время, отведенное на приготовление уроков, еще не истекло, а следовательно, о прекращении занятий не могло быть и речи.

Поэтому внезапное появление в классе одной из представительниц столь бдительной и вместе с тем совершенно непредсказуемой породы осталось практически незамеченным. И уж конечно никто не обратил внимания на маленькую, бледнолицую девочку лет восьми, которую привела с собой наставница, вероятно, отдавшая распоряжение своей новой подопечной присесть, потому что та покорно уюстилась на ближайшую скамью.

Девочка имела крайне усталый вид, что могло свидетельствовать о недавно перенесенном ею далеком и нелегком путешествии. Тем не менее взгляд ее не был рассеянным и отсутствующим. Она с жадным интересом наблюдала за всем, что происходит вокруг, и с особым любопытством рассматривала длинные ряды воспитанниц, силуэты которых издали казались узорной каймой, обрамляющей ученические столы; ее беспокойный взор быстро окинул всю девичью стайку, а затем стал подолгу останавливаться на каждом отдельном силуэте, словно

стараясь зафиксировать каждое из этих неясных очертаний, чтобы в конце концов найти среди них нечто знакомое, близкое, родное – хотя бы малейший жест, неуловимое движение...

Вскоре резкий голос наставницы громко возвестил об окончании занятий. Ученицы тотчас отложили книги, тайно упиваясь радостью досрочного освобождения.

Лишь некоторое время спустя факт появления в классе новой воспитанницы был наконец обнаружен. Разумеется, само это обстоятельство никого не удивило. Да и кто мог усмотреть повод для возникновения малейшего интереса в событии ничуть не примечательном, совершенно обычном в условиях учебного заведения, подобного коуэн-бриджской школе? Бесконечный поток претенденток, желающих получить достойное образование, не иссякал и, по мере возможностей, новые воспитанницы продолжали поступать в радушно распахнутые объятия Милосердия.

Новую девочку подвели к одному из продолговатых сосновых столов и уже собирались усадить на скамью вместе с прочими воспитанницами, когда ее пристальный взгляд мгновенно выделил среди окружающей ее бесконечной вереницы бледных изможденных девиц тех двоих, чьи глаза, светящиеся неподдельной радостью и искренней теплотой, были так же неотрывно устремлены на нее. То были, конечно же, ее дорогие сестры – Мария и Элизабет Бронте.

Сердцем узнали Мария и Элизабет в новой воспитаннице свою любимую сестру Шарлотту. Мгновенно всколыхнувшиеся воспоминания резко нахлынули на них безудержной волною, стремительно захлестнувшей их сознание. В единый миг пронеслись пред их внутренним взором все хранимые памятью события канувшего в вечность прошлого. Неожиданное восторженное пробуждение внутренних сил, ко всеобщему изумлению, повлекло за собой чудодейственное преобразование их внешнего облика. Отпечаток смертельной тоски, постоянно лежащий на их лицах, выгравированный безраздельной тревогой, теперь, казалось, рассеялся бесследно, внезапно сменившись выражением самого светлого безмятежного покоя.

Однако к безграничной радости Марии и Элизабет примешивалось острое огорчение, которое терзало их, должно быть, не менее беспощадно и мучительно, нежели та ужасная кара, что постигла Тантала в подземном царстве. Да, они узнали свою сестру и могут вполне наслаждаться уже тем, что им дано смотреть на нее, пусть даже издали, но подойти к ней, обнять ее или хотя бы обменяться с ней парой слов они, увы, не смеют.

Шарлотта же, еще не приученная к порядкам Школы дочерей духовенства, в свою очередь, двинулась было им навстречу. Но две пары проворных рук старших воспитанниц – рослых и тощих барышень – тотчас удержали ее, успешно предупредив, таким образом, дальнейшие незаконные беспорядки.

– Пустите меня! – послышался отчаянный возглас. – Как вы не понимаете! Две девочки, что стоят впереди, возле дальней скамьи, те, что сейчас так пристально и жалобно смотрят в нашу сторону, – мои родные сестры! Мы не виделись больше двух месяцев! Могу же я хоть немного поговорить с ними!

– Тише! Стой смирно и не двигайся. Сейчас неудачное время, придется подождать до завтра, – строго заметила одна из барышень.

– Ну, полно, не робей! – ободряюще шепнула другая. – Теперь ты тоже будешь жить и учиться здесь, так что тебе придется привыкнуть к нашим порядкам. Твои сестры никуда не денутся – еще успеете вдоволь наговориться: здесь отведено специальное время для досуга, когда нам предоставляется большая свобода действий, чем в иные часы. Кроме того, – прибавила она торопливо и осторожно, чтобы не привлекать внимания наставницы, – в вашем распорядке будут еще и ежедневные прогулки. Мистер Уилсон, распорядитель нашей школы, полагает, что этого времени нам вполне довольно для общения и, разумеется, все учителя с ним согласны.

К счастью, эта небольшая неурядица завершилась весьма благополучно для случаев нарушения дисциплины подобного рода. Эпизод был столь непродолжительным (в целом все

происшествие заняло не более минуты), бесшумным и немногословным, что среди прочей окружающей оживленной суеты не привлек особого внимания. Чуть больше беспокойства, несдержанности, смятения, малейшая неосторожность и проволочка – и все могло бы обернуться куда серьезнее. Не подоспей вовремя старшие воспитанницы, шанс маленькой Шарлотты избежать строгого выговора, а быть может, и позорного наказания розгами оказался бы практически ничтожным. Как это ни печально, но девочки для попечителя и учителей этой школы не были живыми существами со своими мыслями и чувствами. – Нет! – Они были чем-то вроде тех жестяных бирок с надписями, которые прикрепляли им к манжетам платьев либо привязывали ко лбам. Только на *этих* бирках вместо «Неряха», «Невежда» и тому подобного значилось следующее:

«Элизабет Бронте. <...> Работает очень плохо. Ничего не знает из грамматики, географии, истории или Accomplishments <...>»¹⁶.

«Шарлотта Бронте. Поступила 10 августа 1824. Пишет неразборчиво. Немного считает, шьёт аккуратно. Не знает ничего о грамматике, географии, истории или этикете. В целом умней своего возраста, но ничего не знает систематически <...>»¹⁷.

...Остаток дня прошел спокойно; никакие чрезвычайные происшествия не вторгались в мирный процесс временного течения.

Подали ужин – жалкую пресную приправу, способную лишь самую малость сдобрить унылые, исполненные мучительно гнетущего однообразия и щедро насыщенные изнуряющими обязанностями коуэн-бриджские будни. Затем последовала традиционная вечерняя молитва, увенчанная, как обычно, массовым отходом ко сну, – весьма достойное завершение дня.

Пленительные, всеильные чары тихой летней ночи очень скоро опутали Шарлотту, изрядно утомленную тяготами недавнего переезда, надежными цепями крепкого, глубокого сна. Часы, оставшиеся до рассвета, промелькнули для нее незаметно в благословенном упоении мирного забытья. Что же касается ее старших сестер, то они, вероятно, всю ночь не сомкнули глаз, всей душой изнывая от нетерпения в напряженном ожидании появления за окном мягкого проблеска занимающейся зари – первой вестницы пробуждающегося дня, который наконец-то должен был принести им вожделенную сладостную радость общения с младшей сестрой.

Хотя отчаянные упования сестер на этот счет и не были обмануты, время до их исполнения тянулось нестерпимо долго. Утренняя молитва, традиционная церемония завтрака и следующие затем невыносимо скучные и нудные классные занятия, казавшиеся воспитанницам бесконечными, – все это плыло мерно и неторопливо, точно в медленном гипнотическом сне.

Наконец настало время прогулки. Обыкновенно привычная команда: «В сад!» – ежедневно слетавшая с уст старшей наставницы, – не вызывала у Марии и Элизабет Бронте особого энтузиазма. Эта наиболее верная возможность отвлечься от занятий, уединиться и, представляясь самим себе, в очередной раз погрузиться в унылые повседневные размышления, была несказанно омрачена мучительно гнетущей тоской, которая чувствовалась тем острее, чем оживленнее становилось вокруг. Теперь же этот традиционный призыв мгновенно зажег в сердцах смиренных, безропотных сестер живую светлую радость. Это благотворное состояние всецело завладело ими, стремительно поглотив все насущные мысли, в столь волнующий вожделенный миг долгожданной встречи.

А какое чудесное преображение испытала на себе маленькая Шарлотта под колдовским действием внезапно нахлынувших чувств. Внешне довольно невзрачная и нескладная девчушка будто бы пробудилась от продолжительных грез к новой полнокровной жизни. Ее вялые, угловатые движения мгновенно обрели легкое изящество и отточенную грациозность. Серьезное, задумчивое, носящее отпечаток обреченной тревоги выражение лица тотчас сменилось неподдельным весельем. По губам, обыкновенно хранящим строгую неподвижность, пробежала мягкая, лукавая улыбка. Большие лучистые светло-карие глаза, которые, пожалуй, были

единственной действительно красивой чертой во всем ее внешнем облике, еще минуту назад, казалось бы, взиравшие на мир с печальной отрешенностью, теперь ожили, озаренные мгновенно вспыхнувшей искрой радостного огня.

Сами того не замечая, сестры порядком отбились от основной группы девочек и очутились в глубине сада. Они мирно бродили по широким аллеям вдоль множества маленьких поблекших и заброшенных цветочных клумб, с неожиданным наслаждением черпая щедрые потоки безудержной радости из благодатного сосуда неразрывных кровных уз.

В этот час стремительные волны сладчайшего восторга настолько захлестнули сестер, что они, казалось, готовы были делиться избытком нахлынувших чувств со всем окружающим миром. Миновав широкую пустынную аллею, счастливая тройца вышла к уединенной крытой веранде, служившей воспитанницам Школы дочерей духовенства единственным относительно надежным убежищем от промозглого холода.

В приличном отдалении от общей массы, сгруппировавшейся посреди веранды, любопытный взгляд Шарлотты мгновенно выделил одинокую фигурку худенькой девочки, которая была приблизительно того же возраста, что и Мария. Девочка сидела очень тихо, понуро склонив голову. Порою она рассеянно озиралась вокруг; при этом в ее глазах отчетливо улавливалось какое-то непостижимое отсутствующее выражение, выдающее совершенное безразличие ко всему на свете. Шарлотта торопливо приблизилась к объекту своего внимания, испытывая неизъяснимое желание заговорить с этой девочкой, чей унылый вид производил поистине угнетающее впечатление, твердо решив всеми возможными способами выведать причины столь явной апатии.

Окрыленная своей необузданной радостью, маленькая Шарлотта ощутила острое желание во что бы то ни стало поделиться ею с этой бедной воспитанницей, которая, вероятно, нуждается в сочувствии и поддержке. Быть может, девочке требуется срочная помощь, которую она, Шарлотта, в силах оказать или хотя бы предложить. «Если же девочка откажется принять содействие со стороны – в любом случае искреннее дружеское участие должно взбодрить ее», – решила про себя Шарлотта. Мария и Элизабет, которые, по-видимому, ни о чем не догадывались, не утратив своего веселого расположения духа, поспешно последовали за сестрой.

Девочка, сидевшая в отдаленном углу веранды, внезапно услышав приближающиеся шаги, вышла наконец из состояния застывшего оцепенения и тотчас поспешила удалиться, гордо вскинув хорошенькую головку.

Сестры проводили ее недоуменным взглядом, а затем тихо примостились на длинную сосновую скамью, тянущуюся вдоль веранды, и в течение долгого времени все еще продолжали хранить безмолвие.

Погода в этот день стояла ненастная. Туманная мгла совершенно заволочла окрестности Коуэн-Бриджа и распространяла вокруг морозную сырость. Солнце нынче не золотило приветливых кровель, щедро разбросанных по всей округе городских зданий, своим холодным светом, сокрывшись в безбрежном небесном своде и затерявшись в бесконечной гряде низко нависших хмурых туч.

Однако вплоть до настоящего момента непогода нисколько не волновала дочерей гавортского священника. Девочки пребывали в непоколебимой уверенности, что вся окружающая природа ликует вместе с ними, что ее единое могучее дыхание теснит их грудь дивным восторгом и что ее великое нетленное сердце бьется в своем стремительном бесконечном пульсе в тон их маленьким чутким сердцам.

Теперь же сестры как нельзя более отчетливо увидели реальную действительность окружающего мира – всю как она есть на самом деле, отнюдь не в том идеальном свете, в каком она грезилась им считанные минуты назад. Таинственный Фантом Природы мгновенно скинул свое пленительное призрачное одеяние, оставив, пожалуй, лишь малую часть – случайный

мимолетный след былой роскоши, что пролег на дальней части луга чередой редко насаженных вдоль высокой деревянной ограды действительно прелестных вересковых кустарников.

С гнетущей, мучительной тоской взирали три сестры на голые просторы сада, тонувшие в туманной мгле, но с еще большей тоской ощущали они, как неведомая пустота ширится, неотвратно разрастаясь, внутри них самих, мгновенно вытеснив еще так недавно переполнявшую их светлую радость.

– Кто эта девочка? – обратилась Шарлотта к сестрам, нарушив наконец затянувшееся молчание.

– О! – оживилась Элизабет. – Это одна из самых странных воспитанниц нашего пансиона. Ее имя – Кэтрин¹⁸ Моорлэнд¹⁹.

– Ты права, Лиззи, – поддержала сестру Шарлотта. – Эта Кэтрин Моорлэнд и в самом деле показалась мне, по меньшей мере, странной... весьма странной особой! – Шарлотта сделала нарочитый акцент на слове «весьма». – Она приостановилась, по-видимому, о чем-то задумавшись, и машинально повторила: – Кэтрин Моорлэнд... Кто она такая? Откуда родом? И как очутилась здесь?

– Вероятно, она здесь по той же причине, что и все мы, – простодушно ответила Мария.

– Ну, это как посмотреть, – возразила Элизабет. – Конечно, цель пребывания в Коуэн-Бридже, так же, как и условия, на которых мы вынуждены здесь находиться, – совершенно одинаковы для всех воспитанниц; ни одна из нас не вправе рассчитывать на какую-нибудь поблажку, и Кэтрин Моорлэнд в этом смысле – не исключение. Однако, я полагаю, Кэтрин – случай особый и, надо сказать, достойный самого детального обсуждения. Нет, честное слово! Здесь определенно есть, о чем потолковать.

– О чем ты, дорогая? – спросила Шарлотта.

– Ну что ж, отдернем завесу тайны... Наша милая Кэтрин, похоже, может похвастаться весьма знатным происхождением, хоть она и считается дочерью приходского священника, так же как и мы с вами и как все прочие воспитанницы нашей школы. Однако смею вас заверить, за видимой границей этого фасада скрывается нечто крайне важное, нечто значительное. Это достаточно сложно постигнуть... Мне и самой не верилось в подлинную правдивость этой странной, таинственной истории о благородном происхождении Кэтрин Моорлэнд. Особенно в тот момент, когда я впервые ее услышала, став невольным свидетелем откровенного разговора между двумя старшими пансионерками – теми, что входят в узкий круг избранных воспитанниц, с кем Кэтрин как будто поддерживает видимость дружеских отношений. Позднее мне представилась еще одна возможность услышать невероятную историю о родословной Кэтрин Моорлэнд – и на сей раз источник информации был куда более надежным: сама Кэтрин как-то потихоньку поведала мне свою великую тайну, взяв с меня честное слово не выдавать ее никому, кроме моих близких.

Тот день, когда мне суждено было стать поверенной великой тайны Кэтрин Моорлэнд, выдался особенно тоскливым, – задумчиво продолжала Элизабет. – Во всяком случае, таким он запомнился мне. Я пребывала в своем привычном подавленном состоянии духа. Страшная тоска грызла мое угнетенное сознание; ее неизбывная безысходность давила на меня мертвым грузом... Не могу объяснить, откуда она взялась, но я готова поклясться на Библии, что пережила тогда самые жуткие мгновения своего земного бытия... Меня одолевали неведомые странные предчувствия, и они были поистине ужасными. Моему внутреннему взору предстало едва осязаемое призрачное видение. Я могу поделиться впечатлениями, вызванными во мне теми незабываемыми ощущениями, какие мне довелось испытать тогда, только с вами, сестрицы, по большому секрету... Я отвлекусь ненадолго от истории Кэтрин Моорлэнд – прошу прощения.

...Итак, возвращаюсь к своему странному видению. Я долго силилась постичь его скрытый смысл, но, похоже, так и не смогла этого сделать. Теперь же, оглянувшись назад, я, к сво-

ему немалому удивлению, обнаружила, что действительно помню, притом достаточно отчетливо, что чувства, обуздавшие меня в тот момент, – как оказалось, видение продолжалось всего мгновение, хотя я готова была поручиться, что минула целая вечность, – так вот, эти буйные чувства, а также порождаемые ими мрачные мысли, судорожно скользили исключительно вокруг одного предмета – нашего с вами туманного будущего.

Даже не знаю, что на меня нашло тогда, а главное – отчего это случилось, но тотчас по свершении сего таинственного происшествия мне внезапно явилась дерзкая мысль, что сам Господь послал мне условный знак. В самом деле, все было настолько странным, что я не могла подыскать этому иного, более логичного объяснения, и моя первоначальная догадка укреплялась во мне с каждым днем все сильнее, до тех пор, пока не превратилась в непоколебимое убеждение. Определенно, то было знамение свыше, не иначе.

Сказав это, Элизабет внезапно побледнела, глаза ее закатились. Казалось, она была близка к тому, чтобы лишиться сознания. Сестры заботливо взяли ее под руки с двух сторон, чтобы предотвратить падение. Через какое-то время взгляд Элизабет прояснился, а лицо обрело прежнюю живость.

– Что с тобой, Лиззи? – спросила Мария, побледневшая, должно быть, не меньше Элизабет. – Тебе было нехорошо?

– Это просто невероятно! – Элизабет судорожно дышала. – Я снова его увидела!

– Увидела *что*? – в один голос повторили ее сестры.

– Видение! То же самое, что и в тот день! Поразительные вещи случаются на свете! – голос Элизабет звучал возбужденно и сбивчиво. – Словно бы небесные силы затеяли со мною некую коварную игру! Все было точь-в-точь, как тогда, в первый раз! Могу поклясться! Но – увы; я опять не помню подробностей. Прошлое вновь всплыло в памяти – столь отчетливо, реально, что мне стало не по себе. Призрачное видение, вызванное к жизни под наплывом воспоминаний, мгновенно втиснулось в мое сознание и, казалось, навсегда запечатлелось в нем и уже не сможет выбраться на волю, будто бы огражденное со всех сторон непроницаемой огненной каймой. Но – нет! Оно лишь мимоходом, невзначай напомнило о себе и тут же бесследно исчезло – точно легкая, прозрачная струйка дыма взвилась в поднебесье...

И все же, как бы то ни было, из всей этой лихо ускользнувшей вереницы всевозможных символов и намеков моего видения ясно одно: над нашим семейством безраздельно довлеют роковые силы. Нечто вроде своеобразного проклятия, зависшего над нашим добрым родом и неотступно сопровождающего каждого его представителя по жизненному пути. Этот закон или принцип – не знаю, какое из этих понятий здесь больше подходит, – уже начал свое разрушительное действие. Так что все, что остается всем нам, – покорное смирение перед Неизбежностью.

– Ну, полно, полно! Бог с тобой, Лиззи! – вмешалась Шарлотта. – Все, что ты нам сейчас сообщила – о небесном знамении, роковых силах и родовом проклятии, – не более чем твои собственные домыслы. Будет лучше, если ты как можно скорее перестанешь думать о смысле своего злополучного видения и отвлечешься на что-нибудь другое... Что же рассказала тебе Кэтрин Моорлэнд в тот знаменательный день? Мы с Марией просто сгораем от любопытства!

– Ах да! – воскликнула Элизабет, внезапно очнувшись от своих невеселых мыслей. – Я, кажется, совсем забыла про Кэтрин... А между тем это несправедливо: нужно отдать ей должное, ведь она была единственным существом, вспомнившим обо мне в то ужасное время... Особенно несносным оказался вечер того злосчастного дня. Мария, которая не была в курсе всех моих тайных мучений, похоже, решила провести час досуга в более подходящей компании, чем моя. Она сидела на коленях возле одного из каминов и, насколько я сумела разобрать в игривых бликах огня, ложившихся на все ближайшее окружение, помогала одной из младших воспитанниц выучить стих из Священного Писания. Помнится, меня взяла страшная досада на мою сестрицу за то, что она оставила меня наедине с мрачными мыслями, которые одоле-

вали меня с нарастающей силой. Я чувствовала себя всеми покинутой и забытой, а потому – бесконечно несчастной.

И вот я сидела за столом в благословенном одиночестве, пребывая в самом скверном расположении духа, и упивалась жалостью к самой себе, пока не заметила силуэт девичьей фигуры, склонившейся ко мне... Я тотчас узнала угловатые контуры этой фигуры: они могли принадлежать только одной из всех воспитанниц коуэн-бриджской школы – Кэтрин Моорлэнд. Так оно и оказалось. Кэтрин мягко обхватила руками мои плечи, осторожно склонила голову к самому моему уху и спросила приглушенным мягким шепотом, с чего это мне вдруг вздумалось проводить драгоценное время досуга в праздном уединении, без всякой видимой пользы, предавшись совершенно никчемному «внутреннему самоуничтожению» – так она изволила окрестить мое бесконечное отчаяние.

Не будь моя печаль столь неизмеримо глубока, меня, должно быть, тронуло бы столь неожиданное, лестное внимание, проявленное к моей персоне, и эта попытка Кэтрин как-то встряхнуть меня, отвлечь от опостылевших гнетущих мыслей, несомненно, увенчалась бы успехом. Но в тот злополучный вечер мое настроение было настолько скверным, что у меня не было ни малейшего желания одаривать кого-либо притворной любезностью. Я постаралась наглядно продемонстрировать Кэтрин Моорлэнд, насколько я склонна нынче к проявлению учтивости: поспешно отвернулась лицом к стене, оставив ее укоризненную реплику без всякого внимания, и продолжала упорное единоборство с собственной скорбью.

Но Кэтрин Моорлэнд оказалась не и тех, кто легко соглашается с поражением. Как бы невзначай она поведала мне о том, что на протяжении довольно длительного периода времени занимало мои мысли: она поделилась со мной сокровенной тайной своего происхождения.

Кэтрин сообщила мне по секрету весьма любопытные сведения о себе, которые, впрочем, как я уже недавно сказала вам, мне довелось узнать ранее из откровенной беседы ее самых близких подруг. Теперь же я вновь услышала эту невероятнейшую историю, только на сей раз – во всех красочных подробностях...

Со слов Кэтрин Моорлэнд я с предельной ясностью осознала ту простую истину, которая еще недавно казалась непостижимой: моя маленькая, с виду невзрачная собеседница в действительности оказалась знатной особой, в чьих жилах течет благородная кровь. Как выяснилось далее, к пуцему моему удивлению, ее происхождение отличает немалое сходство с нашим – разумеется, если не брать в расчет положение, богатство и прочие столь же важные привилегии ее семьи. Оказалось, Кэтрин – вовсе не чистокровная англичанка, какими являются большинство воспитанниц этого пансиона. На самом же деле ее происхождение смешанное – англо-ирландское, равно, как и наше. Только у нее ирландские корни с материнской стороны, тогда как у нас – наоборот – с отцовской.

Мать Кэтрин переехала в Англию незадолго до замужества и умерла вскоре после рождения дочери – второго ребенка в семье. В нашей беседе Кэтрин будто бы невзначай обмолвилась о своем старшем брате. Явная неохота, с какой она упомянула о нем, не оставила сомнений в том, что эта тема ей неприятна. Кэтрин тотчас же пожалела о своем излишнем многословии и более к этому не возвращалась... Так вот, по словам очевидцев, миссис Моорлэнд сгубил суровый климат северной Англии и нелегкая доля жены священника, однако, как полагает Кэтрин, здесь кроются иные причины, о которых она столь же деликатно умолчала. Она еще что-то говорила о родственниках своей матери – тех, что остались в Ирландии: по всей вероятности, они и сейчас живут там. Кажется, в своем провинциальном кругу они слывут вполне достойными и отнюдь не бедными людьми.

Что же касается отца этой девочки, то тут разговор особый. Его история кажется настолько невероятной, что ее легко счесть за досужий вымысел... Верите ли, милые сестрицы, что сей, казалось бы, скромный лидский проповедник в действительности является полноправным представителем одного из самых знатных родовых кланов Англии? Кэтрин сказала, что

ее отец – уроженец Лондона и, что самое главное и во что до сих пор верится с трудом, он происходил из сословия пэров. Юношей его отослали в Оксфорд, где он получил превосходное образование, после чего должен был получить право пользоваться законными привилегиями своей родословной.

Но тут, ко всеобщему изумлению, юноша заявил, что основная и единственная тайная мечта всей его жизни – пойти по стезе наивысшей христианской добродетели – стать приходским священником. Сами понимаете, случай поистине уникальный: в высших слоях общества совершенно недопустимо подобное своеволие, ибо там господствует долг. Разумеется, в семье разразился грандиозный скандал. Отец молодого человека грозился выгнать упрямого сына из дома, лишить его наследства, фамильного имения и прочих восхитительных почестей. Понятное дело, все это были лишь угрозы – не более. Старик нипочем не решился бы воплотить их в жизнь, так как смертельно боялся огласки, что, несомненно, привело бы к позору и неминуемому изгнанию из высшего общества.

Однако не на шутку рассерженный и к тому же подстрекаемый благородной гордыней, молодой человек не стал дожидаться возможных последствий своего непостижимого безрассудства и поспешил совершить новое, еще более дерзкое: он тайком бежал из дому, не захватив с собой ни пенса сверх того небольшого «капитала», что был у него в наличии. С помощью этой суммы он рассчитывал перебраться подальше от Лондона в надежде отыскать такое укрытие, которое гарантировало бы ему относительную безопасность.

Так он оказался в Лидсе, где и надумал обосноваться, скрыв свое настоящее имя, происхождение и положение, которое его семья занимала в обществе, твердо решив посвятить все свои силы любимому делу. На оставшиеся деньги новоявленный пастор приобрел собственный приход и небольшой домик поблизости. Растранив, таким образом, весь свой «капитал» и собственноручно преградив себе доступ к неиссякаемым богатствам семейной сокровищницы, отец Кэтрин вынужден был сам добывать возможные средства к существованию. Позднее он обзавелся семьей, которую должен был обеспечивать, так как ирландские родственники его супруги, видимо, дали понять, что молодоженам отнюдь не следует обращаться к ним за содействием. Конечно, все это довольно грустно, но тем не менее выходит так, что Кэтрин Моорлэнд, будучи представительницей несравненно более высокой породы людей, воспитывалась, в сущности, в тех же условиях, что и мы.

– Что ж, – вздохнула Шарлотта, – в самом деле, вся эта история весьма печальна, если только она действительно правдива. Однако Кэтрин, похоже, не сетует на свою жизнь.

– Может, ты и права, сестрица, – ответила Элизабет. – Кэтрин, сколько я ее знаю, ни разу не жаловалась на постигшие ее семью превратности судьбы. Однако это отнюдь не означает, что она покорно смирилась со своей долей. Кэтрин Моорлэнд – слишком странная особа. Она никогда не станет выставлять напоказ своих истинных чувств.

– Значит, по-твоему, она нарочно прячет досаду и скорбь от окружающих? – вмешалась Мария.

– Если Кэтрин и вправду скрывает свое недовольство, то это происходит вовсе не нарочно. Просто такова ее натура.

– Ну так довольно о Кэтрин Моорлэнд! – нетерпеливо перебила сестру Мария, лицо которой мгновенно озарилось безмятежной улыбкой. – А знаете, мои дорогие, – прибавила она мягко, – сейчас я впервые за долгое время чувствую себя по-настоящему счастливой... то есть, – поправились она, – почти счастливой... Я, кажется, поняла, чего именно нам с Элизабет столь остро не доставало здесь, в Коуэн-Бридже. Теперь, когда я смотрю на тебя, Лиззи, на твою искреннюю, неподдельную радость, я все более убеждаюсь в том, что твои чувства совершенно схожи с теми, что испытываю я. Мы с тобой томимся по Гаворту, по отчужденному дому и его, быть может, излишне угрюмым и печальным, но таким родным обитателям. Томимся отчаянно, всей душой... Не так ли, Лиззи?

– О да! – порывисто подхватила Элизабет и, тяжело вздохнув, продолжала: – Но, к сожалению, как ни стыдно признать, мы смогли постичь это только сейчас.

– И это – благодаря тебе, милая сестрица! – Мария ласково поглядела на Шарлотту. – Твое внезапное появление в этой школе тотчас воскресило в моем, как будто дремавшем дотоле, сознании былые воспоминания.

– Ну что ж, – ответила Шарлотта, – я лущу себя светлой надеждой, что храню про запас весьма действенное средство, призванное поднять вам дух. Во-первых, позвольте вас заверить, что Гаворт никуда не делся – стоит себе на месте и стережет покой своих трудолюбивых мирных жителей. Во-вторых, все представители нашего славного семейства, благодарение Небу, живы и здоровы. Отец почти всегда угрюм и молчалив, но по-прежнему энергичен и деловит. Тетушка, как водится, допекает всех своими мудренными советами. Остальные тоже в порядке. Патрик Брэннуэлл посылает вам пламенный привет. Эмили и малютка Энн страшно скучают по вашему обществу и с нетерпением ожидают дня нашего возвращения. Каким живым интересом загорелись все они, когда услышали, что я направляюсь к вам! Знали бы вы, милые сестрицы, в каком вы теперь у них почете, я уверена, – вашу хандру как рукой сняло бы! Ну, надеюсь, мне удалось развеять вашу печаль?

Мария и Элизабет слушали сестру словно замороженные, ни на мгновение не спуская с нее пытливых взоров, охваченных жадным, восторженным огнем.

– К тому же очень скоро у всех нас появится новая причина порадоваться от души, – продолжала Шарлотта. – Со дня на день наша милая Эмили Джейн будет с нами.

– Как? – сразу оживились обе сестры. – Неужели прелестную малютку Эмили собираются прислать в эту школу?

– Именно так. Все в доме только об этом и говорят, так что, по-моему, есть основание надеяться, что это произойдет очень скоро.

Тут беседу сестер резко прервал глубокий мощный удар колокола. Час досуга истек, все воспитанницы быстро построились и легкой сплоченной стайкой двинулись навстречу ледяным объятиям их угрюмого, отсыревшего временного крова. И как раз вовремя: заслоненные непроглядной пеленой тумана серые свинцовые тучи внезапно пронзила яркая серебристая молния и, едва процессия пансионеров оказалась у порога школы, послышался зловеющий рокот грома и хлынул ливень.

Эмили Джейн Бронте прибыла в Коуэн-Бридж 25 ноября того же 1824 года, оправдав тем самым горячие упования своих сестер на скорую встречу и получив следующую характеристику:

«Эмили Бронте. Поступила 25 ноября 1824. Возраст 5 $\frac{3}{4}$. Читает очень недурно, умеет немного шить<...>»²⁰.

Теперь четверо из шести детей преподобного Патрика Бронте были вместе.

Появление маленькой очаровательной Эмили вызвало бурный интерес у всех воспитанниц Школы дочерей духовенства, и, вскоре по своем прибытии, крошка без особого труда обратила на себя внимание других девочек, практически сразу став всеобщей любимицей. Даже замкнутая, апатичная Кэтрин Моорлэнд проявила нескрываемое расположение к малютке Эмили, отдавая ей явное предпочтение среди прочих пансионеров. Должно быть, немалую роль здесь сыграл тот любопытный факт, который оказал весьма действенный эффект на аморфное сознание Кэтрин, а именно: усопшая мать последней, как оказалось, по случайному совпадению носила имя Эмили Джейн.

Сама же Эмили, по всей вероятности, принимала как должное оказываемые ей заботу и внимание, ибо, пребывая в столь нежном возрасте, об ином отношении к своей особе она и не помышляла. Тогда она была славным отзывчивым ребенком, с радостью меняющим добро на

добро. Натура ее была открыта для беспрепятственного общения с теми, кто, в свою очередь, пользовался расположением самой Эмили, а это мог быть кто угодно, так как в этот период своей жизни девочка была готова дарить естественную безмятежную искренность, как правило, легко вызываемую простодушной детской непосредственностью, всем и каждому.

...Миновала зима – холодная и суровая; наступили столь долгожданные для всех воспитанниц приветливые весенние деньки. Как безудержно радовались девочки их наступлению! Едва ли они тогда предполагали, что для многих из них эта весна окажется последней.

Эпидемия тифа – жестокая, смертоносная – разразилась в Коуэн-Бридже со всей возможной яростью. Фактически в мгновение ока школа превратилась в совершенное подобие больницы.

Однако еще задолго до сего прискорбного события воспитанницы и наставницы стали замечать периодические приступы кашля у Марии Бронте. Приступы эти с каждым днем становились все продолжительнее, и промежутки между ними сокращались с угрожающей быстротой. Некоторое время спустя покашливать стала также и сестра Марии Элизабет. Как вскоре выяснилось, обе девочки были поражены чахоткой. К сожалению, сей прискорбный факт отнюдь не смягчил им условий проживания в пансионе, где царило бесправное равнодушие.

Однажды воспитанницам коуэн-бриджской школы в полной мере довелось убедиться в беспощадной жестокости их суровых наставниц. Произошло это печальным зимним утром.

Не успела величественная заря объять небосвод своим ярким багровым сиянием, как постели учениц спальни были уже пусты. Полусонные, рассеянные девочки наспех натягивали на себя последние атрибуты своей обычной школьной одежды в трепещущем страхе перед позорной карой, какая неизменно ожидала каждую из них в случае малейшего промедления, коль скоро оно могло грозить опозданием к традиционной утренней молитве.

Лишь пораженная жестокой болезнью Мария Бронте все еще оставалась в своей спасительной постели, милостиво дарующей измученной, обессиленной девочке отрадное отдохновение.

Поначалу в общей суматохе поспешных сборов это обстоятельство некоторое время оставалось незамеченным, но, к несчастью для бедной Марии, в конце концов оно не могло не открыться бдительным взорам наставниц.

До определенного момента все как будто шло благополучно. Воспитанницы, как обычно, построились парами, и вся их славная когорта устремилась вниз по лестнице в помещение, отведенное для молитв и библейских чтений. Вот тут-то одной из наставниц и бросилось в глаза отсутствие возле Элизабет Бронте ее неизменной повседневной спутницы.

Разумеется, подобное безответственное пренебрежение общеустановленными правилами школьного распорядка считалось непростительным своеволием, какое, бесспорно, подлежало самому жестокому и позорному наказанию. Никакая случайность не могла служить даже малейшим оправданием столь страшной оплошности.

Впрочем, сие пустячное недоразумение отнюдь не оказало влияния на привычный ход вещей. Время, отведенное для традиционной утренней молитвы, было строго регламентировано, и нарушать его жесткие границы не полагалось даже наставницам. Так что обязательное ежедневное «общение с Богом» прошло для смиренных «дочерей милосердия» в урочный час без всяких помех.

Однако же столь самоотверженное благочестие не помешало означенной наставнице, мисс Анне Эндрюс (совмещающей обязанности учительницы истории и младшей надзирательницы) – безупречно ухоженной особе не первой молодости, чей аскетический облик хранил на себе суровую печать непреклонности и высокомерия, – тотчас по окончании упоенного единения своей души с самим Господом, вскипая от гнева, ворваться в дортуар, чтобы заставить свою несчастную подопечную подняться с кровати и немедленно проследовать в столовую. При

этом на бедняжку был низвергнут поток грубой брани (надо думать, не слишком угодной Тому, к кому считанные мгновения назад возносилась душа яростной ораторши в горячей молитве). Девочка, разумеется, безоговорочно покорилась.

Остальные воспитанницы были уже в столовой. Они стояли возле своих мест вдоль сосновых столов в немом безмолвии, смиренно склонив головы перед высоким статным господином, торжественно стоявшим на возвышении (площадке для преподавателей) вместе со старшей преподавательницей, мисс Энн Эванс. То был не кто иной, как сам преподобный Уильям Кэрус Уилсон, неожиданно для всех прибывший поутру инспектировать школу.

Воспитанницы покорно ждали милостивого распоряжения мистера Уилсона приступить к завтраку. Однако их ожидание было пресечено внезапным вторжением в столовую вполношенной наставницы, едва ли не волоком тащившей с собой за руку бледную исхудалую девочку. Все взоры тотчас обратились к ним.

– Э-э-эт-то что за явление?! – возопил разъяренный мистер Уилсон, обращаясь не то к старшей наставнице, не то к наставнице, ведшей девочку, не то к ним обоим одновременно. – Сударыни! Не объясните ли вы мне, что здесь происходит?

Благоразумная мисс Эванс сделала попытку предупредить надвигающуюся грозу, учтиво ответив:

– Думаю, все в порядке, мистер Уилсон. Этот случай едва ли столь значителен, чтобы заслужить вашего гнева. И, уж конечно, ваша благородная снисходительность не позволит вам сердиться на бедную девочку.

– Сударыня! – резко прервал ее мистер Уилсон. – Я, кажется, не спрашивал вашего мнения по поводу моих благородных качеств – все это известно мне самому. Я выразил желание, и вполне законное, узнать в чем, собственно, дело. Извольте уж дать мне внятный и вразумительный ответ. Эта дерзкая девчонка, надо понимать, наша воспитанница?

– Да, сэр.

– Напомните мне, пожалуйста, ее имя.

– Мария Бронте, сэр.

– Не будете ли вы столь любезны объяснить мне, – обратился достопочтенный господин к аскетичной наставнице, мисс Эндрюс, все еще крепко державшей за руку девочку, – на каком основании Мария Бронте опоздала сегодня к завтраку? Вам ведь известно, что это непристительное нарушение.

– Вы, разумеется, абсолютно правы, мистер Уилсон, – отозвалась аскетичная особа. – Эта прескверная девчонка заслуживает всяческого порицания, уверяю вас. Ведь опоздание к завтраку – это отнюдь не единственный допущенный ею промах! Марии Бронте достало наглости проспать время, отпущенное на утреннюю молитву.

– Какой позор! – возгласил мистер Уилсон. – Подумать только – проспать время молитвы – самое ужасное злодеяние, какое только могла совершить неблагодарная воспитанница этого пансиона! Клянусь, я этого так не оставлю! Нерадивая девчонка будет наказана. Непременно!

– Прошу вас, мистер Уилсон, помилосердствуйте! – вступилась мисс Эванс. – Сжальтесь над бедной крошкой! Как бы не была тяжка провинность Марии, ее поступку есть достаточно весомое оправдание: эта несчастная тяжело больна! Не нужно ее наказывать...

– Довольно! – снова оборвал ее достопочтенный господин. – Позвольте мне самому решать, как следует поступить в подобном случае, а, надобно вам заметить, сударыня, я отнюдь не склонен поощрять в детях столь дерзкое своеволие, демонстрируемое некоторыми из них едва ли не с младенчества. И, уверяю вас, вы горько ошибались, когда пытались мне внушить, будто поступок этой вздорной девчонки так или иначе может быть оправдан. Позвольте вам напомнить, сударыня, что мой священный долг – оберегать репутацию этой школы и следить за неукоснительным соблюдением дисциплины в этих благочестивых стенах. Вы только поду-

майте, как резко падет наш с вами авторитет в глазах других воспитанниц, если мы позволим себе непростительную слабость оставить безнаказанным поступок этой девицы! Подобное злодеяние следует пресечь на корню, а не то, чего доброго, подруги Марии Бронте станут следовать ее примеру, и наше образцовое учебное заведение превратится в рассадник своеволия и безнравственности.

Сделав это заключение, преподобный Уильям Кэрус Уилсон вынужден был ненадолго прервать свою пылкую речь, дабы иметь возможность как следует отдышаться перед решающим словом, при этом он обеими руками уперся в массивный набалдашник внушительной сосновой трости, украшенной причудливой резной монограммой, всем своим видом чрезвычайно напоминая важного, расфуфыренного индюка.

Наконец сей ярый блюститель порядка и благочестия, распрямившись во весь рост и, как подобает в подобных случаях, торжественно приосанившись, вынес свой суровый и безжалостный приговор.

– За столь демонстративное неповиновение, какое выказала нынче Мария Бронте, не подчинившись заведенному порядку, непокорная воспитанница этим утром останется без завтрака. И привяжите к ее лбу бирку с надписью «Неряха»; пусть Мария Бронте пронесет ее весь день в наказание за то, что она дерзнула появиться перед классом в растрепанном виде. Надеюсь, это послужит ей достаточным уроком, а муки голода погубят в ней ее неслыханную дерзость и постыдную лень. Остальные девочки могут приступить к еде; не забудьте, однако, что предварительно должно вознести Господу благодарственную молитву и пропеть духовный стих!

За сим проповедник надменно вскинул голову и обвел строгим хозяйским взором всю группу.

Девочки все еще пребывали в задумчивой нерешительности. Многие из них (и, уж конечно, трое – в первую очередь) даже не услышали последних слов мистера Уилсона, приглашавших воспитанниц приступить к еде. Старшей наставнице пришлось повторить милостивое распоряжение достопочтенного господина, прежде чем ее подопечные проявили хотя бы малейшие признаки реакции. Но и тогда воспитанницы последовали указанию скорее машинально, нежели сознательно. Они медленно уселись на свои места, не спуская пристальных, взволнованных взглядов с Марии Бронте.

Сама же Мария стояла возле своей гневной обличительницы тихо и смиренно, будто совершенно не замечая посылаемых к ней со всех сторон пытливых взоров. Лицо девочки по-прежнему оставалось бледным и серьезным – глядя на ее смиренную отрешенность можно было бы подумать, что вся эта немислимая шумиха, внезапно поднявшаяся вокруг нее, не имела ровным счетом никакого отношения ни к ней самой, ни к ее тайным грезам. Даже в самый ответственный момент, когда суровый судья Марии Бронте назначил ей безжалостное наказание, осужденная, вопреки всеобщему ожиданию, не выразила ни малейшего признака смущения или разочарования, словно ее не могло взволновать ничто на свете и менее всего – ее собственная участь.

Однако же столь безупречное поведение Марии отнюдь не способствовало смягчению гнева ее обидчицы, а, напротив, лишь разожгло его яростное пламя. Смирренная покорность воспитанницы была принята придиричивой наставницей как новая непопозволенная дерзость. Едва мистер Уилсон откланялся и торжественно удалился, упоенный собственной властью и рождаемой ею неслыханной тупостью, как его верная союзница мисс Эндрюс внезапно развернулась и со всего размаху преобильно ударила свою подопечную по щеке.

За первой пощечиной последовали вторая... третья... Будто бы все демоны преисподней в единое мгновение вселились в грозную наставницу. Глаза ее, казалось, непрерывно метали молнии гнева, в то время как ее тяжелая рука щедро сыпала увесистые пощечины.

Воспитанницы и старшая наставница следили за ходом сего странного процесса с ежесекундно нарастающим изумлением. Эта не поддающаяся описанию ситуация повергла старшую наставницу в крайнее замешательство, лишив ее на некоторое время дара речи.

А железная леди распалась все больше и больше. Пощечин ей, по-видимому, стало недостаточно, и она весьма охотно перешла на подзатыльники, между делом поминутно прикрикивая: «Ах ты, неблагодарная девчонка! Как ты посмела опозорить всех нас перед достойным господином! И как только тебе хватило духу...» – и все в таком роде.

Наконец она вроде бы опомнилась, опустила руки, которые, должно быть утомила безжалостная трепка... И тут всем присутствующим выдалась возможность взглянуть на лицо покорной жертвы. Оно уже не казалось смертельно-бледным. От жестоких побоев кровь прилила к щекам Марии, а в ее обычно рассеянном взоре появилась внезапно вспыхнувшая искра жизни. В глазах девочки не было ни единой слезинки. В них светилось нечто непостижимое, нечто, похожее на истинное смирение. Однако выражение это было отнюдь не таким, какое обыкновенно находит духовный наставник в глазах кающейся грешницы – апатично-отрешенным, а таким, с каким в немом благоговении взирал юный бесстрашный Персей на покорившую его горячее сердце эфиопскую красавицу Андромеду. Смирение, исполненное пылкого и благородного восторга.

С невыразимым ужасом глядели на Марию ее изумленные сестры, с каждым мгновением все вернее узнавая в несчастной девочке, являвшей собою в эти тяжкие минуты суровых испытаний образец смелости и решительности, совсем другую Марию Бронте – ту, что произвела их на свет.

В час досуга сестры, как обычно, собрались все вместе, примостившись на корточки возле одного из каминов. Однако на этот раз им не довелось разделить между собой светлую радость беззаботного сестринского уединения, создающего трогательную иллюзию атмосферы семейного очага; Кэтрин Моорлэнд изъявила неожиданное желание примкнуть к их обществу.

– Ну, как ты, Мария? – участливо спросила Шарлотта. – Поверь: что бы тебе ни пришлось испытать нынче или когда-либо, какими бы не были твои чувства, ты никогда не будешь одинока. Коль скоро наше искреннее сочувствие способно облегчить твои страдания хотя бы на йоту, мы обретем самое отрадное утешение для себя самих.

– Я это знаю, – отозвалась Мария мягко и спокойно, – и от души благодарю вас, милые сестрицы. Однако же, смею вас заверить: ваши тревоги напрасны. В том, что произошло со мной сегодня, нет ни малейшего основания для беспокойства, равно как и в самой моей болезни. Все это – сущие пустяки. И, если вы действительно хотите по-настоящему понять и разделить мои чувства... О, если бы вы только смогли проникнуться моими ощущениями, постичь их глубокий смысл... Знайте же: я счастлива. Совершенно счастлива, ибо все мое существо преисполнено непоколебимой веры: душа моя очень скоро войдет в Царствие Господне. Эта вера озаряет последние вехи моего земного пути дивным Божественным Огнем.

– Что ты такое говоришь, Мария! – вскричала Шарлотта. – Прошу тебя: перестань! Мне страшно тебя слушать!

– Да, дорогая сестрица, – сказала Элизабет. – Я убеждена: твоё смирение порождено тайным отчаянием, вызванным болезнью. Но, уповаю, все обернется совсем не так мрачно, как рисует тебе твоё разгоряченное воображение.

– Мрачно?! Да нет же, сестрицы. Вы определенно неправильно поняли и истолковали мои слова и поведение. Повторяю: я счастлива! Безмерно! То, что со мной теперь происходит просто невозможно выразить словами. И, уверяю вас, – этот непостижимый дивный восторг, совершенно обуздавший мое сознание, – отнюдь не плод больного воображения. Я чувствую: то блаженное состояние, что безраздельно владеет мною теперь, исходит свыше. Оно вселяет в меня светлое упование, что Господь увидел с Небес, сколь искренна и безгранична моя любовь и преданность Ему, и посему щедро одарил меня своей бесценной благодатью. И отныне я

стану смиренно молиться, чтобы наш добрейший Создатель ниспослал свой великий дар и вам, мои дорогие сестрицы.

«Вот пример небывалого мужества и подлинного величия души», – с восхищением подумала Шарлотта. – «Я обязательно запомню ее такой... непосредственной и прекрасной... божественно прекрасной. Как было бы восхитительно, если бы весь мир узнал о нашей Марии! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы поведать миру о ней. А также – об ужасной несправедливой жестокости мистера Уилсона и мисс Эндрюс, а еще – об ангельской доброте мисс Эванс. Пока не знаю, что именно я должна сделать, чтобы воплотить в жизнь свои нынешние мысли, но когда-нибудь непременно сделаю это!»

– Как бы то ни было, – вмешалась Кэтрин Моорлэнд, – твое сегодняшнее поведение, Мария, показалось мне безупречным. Ты представилась мне совершенным идеалом, на который, по моему разумению, несомненно, следует равняться. Так что, хочу тебе сказать: отныне все мои устремления будут сведены к тому, чтобы когда-нибудь достичь того же состояния духа, какою достигла ты!

– Что ж, – простодушно ответила Мария, – да поможет тебе Господь осуществить твоё желание! Я с превеликой радостью помолюсь и за тебя, милая Кэтрин!

...Порою случается так, что человеку в единое мгновение дано обрести ту светлую цель, к какой он безотчетно стремился всю свою сознательную жизнь. Быть может, именно в ее внезапном постижении и заключено то неуловимое душевное состояние, которое люди привыкли именовать истинным счастьем, а возможно, здесь сокрыта всего лишь внешняя иллюзия этого последнего состояния (если только оно существует вообще). Однако в тот самый миг, когда с человеком происходит нечто подобное, даже наименее прозрачная иллюзия мнится действительной реальностью.

Думается, лишь немногим избранныкам Судьбы выпадает на долю редчайший шанс почувствовать и осознать свое истинное предназначение в этом бренном мире, обрести совершеннейшую гармонию с самим собой и со своим суетным окружением.

Те же отдельные счастливицы, кому волею Провидения предназначено испытать на себе колдовские чары дивного, упоительного восторга, узреть истинную Божественную Благодать, вполне заслужили право похвалиться тем, что прожили свой век не зря, какой бы короткий срок не был им отведен.

Что до Марии Бронте, то, надо полагать, она составляла то уникальное исключение, к которому последнее утверждение может быть отнесено вдвойне. Ведь эта кроткая девочка, сумевшая постигнуть толику прекрасной Божественной Сущности, успела также каким-то непостижимым образом передать часть своей дивной внутренней силы всем младшим сестрам. Причем одна из них – Элизабет – практически тотчас по завершении разговора с Марией внезапно ощутила свое чудодейственное внутреннее преображение и горячо возблагодарила Господа за столь великую щедрость, ниспосланную ей свыше.

Однако пока духовные помыслы Марии и Элизабет Бронте пребывали в блаженном отрешении от всего внешнего мира, жестокая болезнь, поразившая этих двух девочек столь внезапно, стремительно усиливалась; их физическое состояние ухудшалось с каждым часом. Особенно скверно пришлось бедняжке Марии, которая просто чахла на глазах. Ее резко прогрессирующая болезнь вынудила начальство коуэн-бриджской школы вызвать из Гаворта преподавателя Патрика Бронте. Мистер Бронте очень быстро прибыл и, найдя свою старшую дочь в лихорадочном бреду, незамедлительно увез ее домой. Вскоре после их возвращения достопочтенный гавортский пастор прислал в Коуэн-Бридж служанку и за Элизабет. А еще через некоторое время их младшие сестры Шарлотта и Эмили также покинули школу, изгнанные администрацией, дабы избежать излишних хлопот и риска разоблачения их методов воспита-

ния общественностью. А также – обвинения школьного начальства в неслыханной беспечности и жестокости в отношении к детям.

Глава 5. Тайное знамение

Итак, первый летний день 1825 года ознаменовался для Шарлотты и Эмили Бронте поистине незабываемым событием – долгожданным возвращением от опостылевшей рутины и крепких, устрашающих тисков невыносимого гнета коуэн-бриджской школы в приветливые, неодолимо манящие объятия милого их сердцам мрачного, сурового Гаворта.

Встреча с родными оказалась столь теплой и сердечной, что превзошла даже самые смелые ожидания Шарлотты и Эмили. Привыкшие к холодному, равнодушному обращению наставниц, они, пожалуй, были ошеломлены той неожиданной благожелательностью и вниманием, какие им довелось встретить в приветливых стенах гавортского пастората.

Однако в самих манерах поведения всех родственников Шарлотты и Эмили, бесспорно, чувствовалось нечто странное, нечто, что, вопреки первоначальной буйной радости прибывших домой после долговременной отлучки сестер, почти тотчас заставило их серьезно настроиться. В самом деле, отчего отец вдруг столь крепко и горячо сжал каждую из них в объятиях, чего раньше никогда не делал? И с чего это тетушке, всегда приветливой, но сдержанной в каком бы то ни было изъятии чувств, вздумалось осыпать своих племянниц поцелуями? И их порядком подросший братец Патрик Брэнтуэлл не отпускает по всякому поводу своих обычных остроумных и задиристых шуточек, а смиренно стоит возле своей младшей сестры Энн, и оба они почему-то, едва насладившись радостью долгожданной встречи, печально понурили головы. Словом, настроение обитателей пасторского дома отнюдь не располагало прибывших дочерей его достопочтенного хозяина к тому, чтобы беспрепятственно упиваться вновь обретенной сердечной теплотой семейного круга.

Все эти слишком уж очевидные странности, как и следовало ожидать, имели достаточно вескую причину, открывшуюся Шарлотте и Эмили вскоре по их приезде. Не так давно – а именно 6 мая – семью постигла большая трагедия: скончалась старшая дочь преподобного Патрика Бронте Мария. Кроме того, под серьезной угрозой оставалось также и состояние здоровья второй его дочери: со дня смерти Марии Элизабет, пораженная той же болезнью, стала заметно сдавать. Надежды на возможное выздоровление девочки практически сводились к нулю.

Страшное несчастье, волею Судьбы постигшее семейство Бронте, явилось для вновь прибывших Шарлотты и Эмили истинным потрясением, стремительно заглушившим вспыхнувшую было в их чутких сердцах горячую радость встречи с родными, которые и сами полностью разделяли эти чувства. При создавшемся положении дел кончина Марии, конечно же, не была неожиданностью для ее близких. Однако это последнее обстоятельство ничуть не смягчило им горечь утраты, ничуть не умалило их глубокой печали.

Что до второй дочери пастора Элизабет, то обо всей серьезности ее положения были осведомлены лишь двое – сам преподобный Патрик Бронте и его свояченица мисс Брэнтуэлл. Младшие же члены семейства оставались в неведении до самой кончины девочки, хотя, конечно, некий подспудный страх за жизнь сестры владел всеми детьми пастора уже достаточно давно. После смерти Марии Элизабет полностью завладела вниманием своих родных. Грядущее горе стремительно отеснило прочь все иные помыслы и печали. Подспудное беспокойство за состояние девочки со стороны остальных членов семейства усугублялось еще и тем, что с некоторых пор ее пришлось изолировать от остальных детей мистера Бронте – так же, как это было сделано в свое время с ее старшей сестрой, – во избежание заражения. Очевидная схожесть ситуации обеих сестер все вернее и неотступнее нагнетала атмосферу устрашающей безысходности.

Лишь изредка детям разрешалось навещать их больную сестру, и те недолгие минуты, что выдавались время от времени на их отрадные теплые встречи, приносили некоторое облегчение им всем и даже внушали порою светлую надежду на благополучный исход. Лицо Элизабет, правда, изрядно побледневшее и осунувшееся, особенно за последние дни, всегда казалось ее

родным необыкновенно спокойным и умиротворенным, будто бы сама девочка не замечала своего недуга, словно его и не было вовсе.

– Не волнуйтесь за меня, – сказала она как-то своим сестрам и брату во время их очередного визита, – ибо близится тот благословенный час, когда душа моя освободится от всего тленного. Я верю, что очень скоро окажусь в обители моего добрейшего Создателя подле нашей дражайшей сестры Марии и нашей любимой матушки.

– Прости, милая Лиззи, – отозвалась Шарлотта, – возможно, тебя оскорбит моя несвоевременная назойливость, но все же позволь спросить: ты в самом деле веришь в то что говоришь или же по своей природной доброте стараешься таким образом оградить нас от возможных страданий, смягчить наши переживания, когда сама нуждаешься в утешении и сочувствии? Ответь, Лиззи, – она устремила на сестру умоляюще-вопрошающий взгляд, исполненный скрытой тревоги.

– Уверяю тебя, сестрица: в моих словах отражено именно то, о чем я думаю и во что я свято верую, – ответила Элизабет с непринужденной простотой и мягко улыбнулась – какой прекрасной казалась в тот момент эта улыбка, столь светлая и искренняя, что в ней ощущалось нечто потустороннее, совершенно чуждое всему земному, но, напротив – приближающее к божественности. Как странно походила теперь Элизабет на свою усопшую сестру! – Не печальтесь обо мне, – продолжала она все с тем же безмятежным спокойствием, – мне выпал счастливый жребий. Хвала Небесам, я уже исполнила то предназначение, что было суждено мне на земле: благодаря нашей дорогой сестре Марии мне довелось познать всю могущественную силу истинной христианской Любви. Это величайшая благодать, какую только способен испытать человек!

– Дорогая Лиззи! – воскликнула Шарлотта в изумлении. – Ты говоришь теперь в точности как Мария!

– Правда? Что ж, если так, то это лишнее подтверждение тому, что наши с нею мысли и впрямь совпадают. Во всяком случае, думаю, я не ошибусь, если скажу, что теперь мною владеют примерно те же чувства, что владели Марией в последний период ее жизни. И я неизмеримо счастлива, что в конце концов все же смогла ее понять! Теперь, когда участь моя уже решена, а я знаю, я чувствую, что так оно и есть, мне остается сожалеть лишь об одном...

– О том, что ты постигла чувства Марии слишком поздно, когда тебе уже некому предложить свое сочувствие, – предположила Шарлотта. – Не эта ли мысль тебя огорчает, милая сестрица?

– О нет! – с жаром воскликнула Элизабет. – Хотя мое «прозрение» и не облегчит участи Марии, это верно, я совершенно убеждена, что оно явилось как нельзя более своевременное. Ведь, в сущности, случись это раньше – ничего бы не изменилось. Нет, моя дорогая Шарлотта. Говоря по совести, меня беспокоит совсем другое.

– Что же? – спросила Шарлотта, продолжавшая вести этот несколько странный разговор; остальные сестры и брат все это время сидели фактически неподвижно, всем своим видом выдавая совершеннейшее недоумение, за исключением, быть может, лишь Эмили, которой уже доводилось слышать подобные речи из уст Марии.

– Мне невыразимо жаль, – ответила Элизабет с грустью, – что в эти минуты, быть может, последние, что суждено провести нам вместе, никто из вас не может вполне понять и разделить моих чувств! Однако я уповаю, что рано или поздно это случится с каждым из вас.

– Почему ты так думаешь, Лиззи? – снова спросила Шарлотта.

– Ты не вполне права, милая сестрица, когда утверждаешь, будто я и в самом деле так думаю. Я говорила лишь о том, что хотела бы, чтобы все случилось именно так. Всем вам понадобится воля и мужество для достойной жизни, но я имела возможность убедиться вполне, что лишь чистая Божественная Благодать дает человеку поистине неиссякаемый источник дивной внутренней силы, способной поддержать мужество и волю в должной мере. Господь наш бес-

конечно добр и могущественен. Он неизменно обращает свой светлый лик ко всем, кто ищет у него утешения и защиты, и милостиво посылает свое бесценное благословение всем, кто действительно в нем нуждается.

– Милая Лиззи! – заговорила Шарлотта возбужденно. – Значит ли это, что Господь оградит нас от тех роковых сил, которые преследуют нашу семью?

– Роковые силы? Ах да... мое недавнее видение... совсем забыла о нем... К сожалению, моя дорогая Шарлотта, здесь ничего не поделаешь. Роковые силы – служители самой Судьбы. И, как мы все видим, они давно ведут с нами свою коварную игру: сначала злополучный рок свел в могилу нашу добрейшую матушку, затем та же участь постигла нашу любимую сестрицу Марию, а в скором времени настанет мой черед...

– Не говори так, Элиза, – вмешалась Эмили, – никто не знает, как все обернется.

– Нет, милая Эмили. Я чувствую, что так оно и будет. Ну да Бог с ним. Сейчас речь не об этом. Я говорила о непобедимости роковых сил. Всем нам придется признать справедливость этого утверждения, ничего не поделаешь. Однако повторяю: доброта и милосердие Господа безграничны. Он всегда видит страждущих и всегда помогает им, укрепляя их силы и дух. Все, что требуется человеку, – это истинная, безоговорочная вера. Только при соблюдении этого неперемennого условия Создатель щедро оделяет нас своей всемогущей благодатью.

– Стало быть, Господь отнюдь не стремится избавить человека от бед и напастей, – заметила Шарлотта, – но лишь помогает ему их преодолеть.

– На этот раз, милая сестрица, ты совершенно права, – ответила Элизабет. – И в этом смысле я, кажется, начинаю постигать назначение моего странного видения. Это – своего рода предупреждение, посланное самим Господом. Благодаря Его условному знаку все мы будем заранее готовы к тому, чтобы в надлежащие сроки каждый из нас как можно более достойно встретил свою неизбежную участь.

– Скажи-ка, милая Лиззи, – пролепетала Шарлотта на ухо Элизабет, стараясь, чтобы остальные ее не услышали, – а удалось ли тебе припомнить подробности твоего видения?

– К сожалению, нет, моя дорогая, – ответила Элизабет столь же тихо, но все же вслух, видимо, не считая необходимым что-либо скрывать. – Скорее всего, мне уже никогда не доведется вспомнить детали. Для этого необходимо, чтобы видение явилось мне снова, и даже если предположить, что это случится, гарантии успеха нет никакой. Ты ведь, должно быть, не забыла, милая Шарлотта, тот странный случай на веранде в саду Коуэн-Бриджа – мое внезапное озарение?

– Еще бы, сестрица! – оживилась Шарлотта. – Мне кажется, я никогда этого не забуду!

– Так вот, – продолжала Элизабет, – как ты помнишь, даже в том случае у меня ничего не вышло. Мое озарение, очевидно, прошло впустую, ибо его результаты никак не отразились в моей памяти. Теперь же новое повторение подобного чуда едва ли возможно: наверное, уже очень скоро душа моя предстанет перед самим Создателем. Однако не огорчайтесь, мои дорогие. Самое главное из того, что вам надлежит знать, вам уже известно. И я верю, что Господь найдет новый способ предостеречь вас против злых сил. Он просто изберет для этой цели другого, более подходящего посредника, чем я – только и всего. Не сомневаюсь – так оно и будет! И надеюсь, что у вас также нет никаких сомнений на этот счет! Господь да благословит вас, о, мои дорогие, и да ниспошлет каждому из вас ту беспредельную силу Великой Любви, коей Он столь щедро одарил Марию и меня!

...Элизабет Бронте скончалась 15 июня 1825 года – через пару недель по возвращении ее сестер Шарлотты и Эмили из живописных глубин Ланкашира. Ее похоронили в фамильной усыпальнице при церкви святого Михаила – той, где служил преподобный Патрик Бронте, и под могучим сводом которой уже мирно покоились две благословенные Марии – мать и дочь.

Кончина Элизабет явилась для славного семейства Бронте не менее ощутимым ударом, нежели была, в свой черед, потеря каждой из этих двоих.

Лето 1830 года, ворвавшись в мирный поток жизни скромного пасторского семейства стремительно и незаметно, принесло с собой унылую череду новых тревог и забот, источником которых явилась внезапная свирепая болезнь преподобного Патрика Бронте. Обстоятельство это казалось тем печальнее, что явилось для обитателей пастората фактически совершенной неожиданностью. Поскольку природа обошлась с мистером Бронте весьма щедро, наделив его достаточно крепким организмом, а безупречно строгий образ жизни верно обеспечивал пастору телесное здоровье, этот джентльмен по праву мог похвалиться своей отменной устойчивостью в противостоянии недугам.

До сих пор ничто не представляло реальной угрозы его здоровью, за исключением, пожалуй, лишь досадных проблем с пищеварением да злополучной болезни глаз, которая, к глубочайшему прискорбию хозяина, обнаруживала себя все ярче и опаснее, вопреки тщетным попыткам ее излечения. Небольшие же недомогания случались с ним крайне редко и протекали преимущественно в безобидной, стусеванной форме, а то и вовсе незаметно. И вот теперь коварная простуда, осложненная букетом тяжелых воспалений, в одночасье свалила могучего, непокорного болезням титана.

...В ту ночь (с 21 на 22 июня) обязательная и хлопотливая Табита Эйкرويد (или Табби – как ее называли хозяйские дети; они сразу же восприняли Табби как свою, хотя той шел уже пятьдесят пятый год) – новая служанка, нанятая преподобным Патриком Бронте еще в период обучения его дочерей в коуэн-бриджской школе вместо вышедших замуж, взявших расчет и уехавших Нэнси и Сары Гаррс, – неотступно дежурила возле ложа больного хозяина. То была весьма необычная, странная ночь. И было трудно сказать, в чем, собственно, эта странность проявлялась: в на редкость беспокойном ли сне мистера Бронте или же в самой окружающей атмосфере, как с тревогою ощутила Табби, несущей в себе нечто непостижимо-зловещее. Скорее всего, совокупность и того и другого искусно нагнетала весь ужас смятения.

Наутро в покои достопочтенного Патрика Бронте явилась мисс Брэннуэлл, готовая сменить на посту изрядно утомленную служанку. При этом Элизабет Брэннуэлл была вынуждена пойти против собственной природы, преодолевая панический страх перед простудой, и даже игнорируя существенный риск получить заразу от зятя.

Табби с видимой неохотой покинула хозяина и отправилась на кухню, где ее ожидали повседневные обязанности, а Элизабет Брэннуэлл осталась у одра болезни достопочтенного Патрика Бронте.

Мистер Бронте то и дело стонал и корчился во сне, подтверждая порой эти своеобразные признаки жизни нечленораздельным бормотанием, но вдруг как-то резко смолк, оборвав очередную невнятную реплику на полуслове. При этом он бессознательно закатил глаза и широко открыл рот, судорожно глотая воздух. Не на шутку встревоженная мисс Брэннуэлл тотчас схватилась за его пульс – сердцебиение оказалось очень слабым – совершенно произвольного ритма удары едва прощупывались, промежутки между ними увеличились с наиопаснейшей стремительностью, и столь же стремительно и неотступно истаивало дыхание пастора. Тщетны были отчаянные попытки мисс Брэннуэлл растормошить достопочтенного родственника, привести его в чувства.

Кровь отлила от висков мистера Бронте, и его лицо стало мертвенно бледным, суровый взгляд его застыл в неподвижном положении, дыхание внезапно прервалось, и в то же мгновение Элизабет Брэннуэлл почувствовалось, что сердце зятя остановилось. «О, Боже! – с невыразимой тревогой подумала она. – Неужели это конец? Силы небесные! Возможно ли выдержать такое?»

Исполненный отчаяния, рассеянный взгляд мисс Брэнзуэлл невольно упал на массивные старинные часы, отделанные незатейливой узорной резьбой, висящие над изголовьем кровати почтенного Патрика Бронте, – неутомимые изящные стрелки показывали около половины девятого.

...Было около половины девятого утра. Табби, порядком изнуренная выпавшим на ее долю ночным бдением, как раз вернулась на кухню и принялась за приготовление хрустящих чайных лепешек – излюбленного лакомства ее юных хозяек. Здесь же находилась и Шарлотта, одетая в простенькое холщевое платье. Девочка усердно старалась помочь служанке в ее неприхотливом деле, догадываясь, сколь нелегко пришлось ей минувшей ночью.

Вдруг неожиданно раздался странный размеренный и, в то же время, настойчивый стук в наружную дверь. Табби, не мешкая, отправилась отворять непрошенному гостю.

На пороге показался угрюмый, мрачный незнакомец, имевший вид почтенного старца. Во внешности пришедшего было нечто такое, что с первого же взгляда неприятно поражало и, более того, наводило неизмеримый страх: быть может, чрезмерная до неестественности суровость, лежащая на всем его облике и сковывающая холодной маской надменной неприступности его неприятные, словно высеченные из грубого неотесанного камня черты.

Это впечатление идеально дополняло облачение незнакомца, в котором, собственно, не было ничего странного, однако в сочетании с его весьма незаурядной наружностью оно выглядело как-то слишком дико, и эта неопишуемая дикость ошеломила бы, вероятно, даже самого убежденного скептика и напугала бы самого невозмутимого стойка. Особенно эффектно смотрелась на старце длинная черная мантия, свободно развевающаяся на порывистом ветру и отливающая зловещим блеском в ослепительном отсвете серебристых молний, то и дело полыхавших за его спиной в проеме отворенной двери.

– Здесь ли живет пастор? – прямо с крыльца осведомился пришедший, окинув суровым взглядом присутствующих.

– Да, – ответила Табби, стараясь сохранить самообладание.

– Я желаю видеть его.

– Он очень болен и лежит в постели.

– У меня есть к нему поручение.

– От кого?

– От Господа.

– От *кого?* – переспросила встревоженная Табби.

– От *ГОСПОДА*, – повторил незнакомец и совсем уже устрашающим загробным голосом продолжал: – *Он велел мне сказать, что жених идет, и мы должны готовиться встретить его; что веревки скоро будут порваны и золотая чаша разбита; что кувшин будет разбит у колодца.*

Сказав это, старец внезапно развернулся и ушел, оставив немало озадаченную Табби и совершенно пораженную Шарлотту, которая явилась непосредственной свидетельницей всего этого странного происшествия, в мучительном раздумье.

– Кто этот человек, Табби? – спросила Шарлотта, утерев невольные слезы, вызванные столь неожиданным потрясением. – Знала ли ты его прежде?

– Нет, мисс, – ответила Табби. – Никогда прежде не видала его и никого, похожего на него.

...Патрик Бронте возвращался к жизни медленно и постепенно, словно пробуждаясь от вечного сна. Все вокруг казалось ему каким-то нереальным, подернутым прозрачной легкой дымкой, отдающей дивным розовым отсветом, сквозь который смутно проступали знакомые предметы, узнаваемые теперь хозяином с большим трудом. Ему повсюду виделось беспрестан-

ное живое движение, где каждая деталь внешней обстановки то стремительно расплывалась до невероятных размеров, то, наоборот, интенсивно уменьшалась, как бы растворяясь в полумраке. Окружающая действительность заблестала вдруг совершенно новыми свежими красками, постоянно принимая удивительные причудливые формы.

Вот в нескольких ярдах от изголовья его кровати сидит Элизабет Брэнзуэлл. Руки ее молитвенно сложены на груди, взор вознесен ввысь в немой благодарности к великому Творцу. Теперь это вовсе не та чопорная пожилая женщина, что обитала здесь последние годы, присматривая за его детьми, – нет! В эти минуты она казалась мистеру Бронте молодой, цветущей красавицей, какой она запомнилась ему двадцать лет назад, – в ту далекую пору, когда он вместе со своей дражайшей супругой покинул дом ее почтенного дядюшки в Родоне...

– Как вы себя чувствуете, мистер Бронте? – участливо поинтересовалась Элизабет Брэнзуэлл.

– Благодарю за заботу, – ответил пастор. – По правде говоря, я чувствую себя примерно так же, как если бы я был незадачливым гребцом, отчаянно пытающимся спасти свое убогое, обреченное на гибель суденышко, волею Судьбы оказавшееся в открытом морском пространстве в самый разгар грозного шторма.

– Вот как? Что ж! Искренне надеюсь, что в действительности все выйдет не столь мрачно, как вы изволите утверждать. Может статься, счастливый случай не позволит грянуть беде и вынесет ваше суденышко целым и невредимым из суровых недр безрассудной морской стихии на ровную, безопасную поверхность. По крайней мере, нынче мне довелось убедиться наверняка в том, что с нами порой происходят самые настоящие чудеса. То, что свершилось с вами, мистер Бронте, – самое верное тому подтверждение: вы ведь остались живы, несмотря ни на что, и, я полагаю, это главное. Признаться, был такой момент, когда мне уж подумалось...

– Что милостивый Господь призвал меня в свое вечное и бесконечное Царствие, не так ли, мисс Брэнзуэлл?.. Но этого не случилось, а значит, такова Его воля.

– Несомненно, – ответила Элизабет Брэнзуэлл с нескрываемым воодушевлением. – И я определенно рада, что произошло именно так.

– Мисс Брэнзуэлл, – серьезно проговорил преподобный Патрик Бронте, – неужто вам и в самом деле безразлична моя участь?

– Разумеется, безразлична. Вы, сэр, и мои милые племянники – вот единственная нить, что связывает меня с моей бедной умершей сестрой.

– В таком случае, – сказал ее достойный зять, – моя кончина должна была обрадовать вас куда больше, чем мое выздоровление.

– Должно быть, вы говорите так потому, что таите в сердце надежду обрести свое последнее пристанище возле любимой жены и безвременно усопших дочерей. Вы, верно, полагаете, что для всех вас будет лучше, если это произойдет скорее. Во всяком случае, только так можно объяснить ваши последние слова. Но вы не правы: ваше общество куда необходимее здесь, нежели на том свете. Вы нужны моим дорогим племянникам, – тем, что остались жить. Умерших же лучше не беспокоить – теперь они в надежных руках: о них заботится сам Господь.

– Надеюсь, что так оно и есть, – взволнованно ответил Патрик Бронте. – Однако, – добавил он мрачно, – у меня есть основание настаивать на своем возражении. Теперь я совершенно убежден, что было бы много лучше, если бы Господь все же призвал меня давешней ночью или нынче утром; тот факт, что это произойдет позже, страшно гнетет меня. Вас, верно, удивляет это мое признание, мисс, но, поверьте мне, я вполне отдаю себе отчет в своих словах. И дело тут вовсе не во мне самом, будь это иначе – мне было бы все равно, однако здесь речь идет о судьбе моих детей.

– Сказать правду, я не совсем понимаю вас, сэр.

– Весьма сожалею, мисс Брэнзуэлл, но едва ли я смогу дать вам внятное объяснение: мне и самому трудно разобраться в том, что произошло, – все как-то слишком сильно запутанно...

Минувшей ночью мне приснился странный сон... Мне не раз доводилось слышать о том, что иные сны являют собой тайные небесные знамения. Так вот, мисс Брэнзуэлл, я убежден – то, что мне привиделось нынче ночью, имеет самое непосредственное отношение к судьбе каждого члена моей семьи.

– Означают ли ваши слова, что я также принадлежу к сему почетному списку? – мисс Брэнзуэлл попыталась улыбнуться, но вместо этого ее лицо отразило лишь горькую гримасу.

– Я ведь сказал: это относится ко всем представителям рода **Бронте**. Насколько мне известно, мисс, ваша фамилия **Брэнзуэлл**, и если вы только не решились пойти на великий риск и не обяжете себя разделить нашу участь, то можете быть за себя спокойны – вы в полной безопасности, впрочем, как и все ваши родственники.

– Видно, вы плохо знаете меня, сэр, – с жаром возразила Элизабет Брэнзуэлл, – а потому не беритесь утверждать ничего подобного. Вы нанесли мне незаслуженное оскорбление, которого, случись это при иных обстоятельствах, я бы вам нипочем не простила... Однако забудем об этом... Лучше поведайте мне, мистер Бронте, какие, собственно, тревоги гнетут ваше сердце.

– Главным образом, все мои тревоги связаны с судьбой моих детей. До сих пор я не придавал особого значения своим сновидениям: я исповедую строгую протестантскую религию и полагаюсь лишь на волю Господа. Никто из нас не избежит той участи, какая уготована нам Его безраздельною властью. Но сейчас мне невыразимо тяжело говорить об этом... Мой последний сон никак нельзя объявить обычным. Все его образы были столь яркими и натуральными, будто бы все это происходило на самом деле.

– Вы и сейчас помните ваш сон со всеми соответствующими подробностями?

– О да! В памяти моей совершенно ясно и отчетливо встают все детали моего сновидения. Так и быть, я поведаю вам его сущностный смысл... Но, прежде всего, вы должны поклясться на Библии, что сохраните тайну.

– Если и в самом деле все настолько серьезно, сэр, я готова дать такую клятву.

Элизабет Брэнзуэлл ненадолго отлучилась и вскоре воротилась со Священной книгой в руках. Клятва была принесена чинно, с безукоризненным соблюдением всех соответствующих ритуалов.

– Говоря по совести, мисс Брэнзуэлл, я даже в какой-то мере рад, что вы изъявили желание выслушать меня, я чувствую отчаянную необходимость поделиться с кем-нибудь хотя бы малой толикой своих переживаний. Но окажетесь ли вы, уважаемая мисс Брэнзуэлл, действительно способной разделить со мной те страшные душевные муки, какие неизбежно налагает моя тайна? Достанет ли вам сил и мужества до конца дней остаться верной своей клятве? Если вы не можете поручиться в этом наверняка... Впрочем, вам и самой неизвестно, сколь огромной ответственности вы подвергли себя. Боюсь, вы даже не догадываетесь о том, какие последствия грозят вам из-за вашей неосмотрительности, – произнес пастор с печальным вздохом.

– О чем вы, дорогой зять? – насторожилась Элизабет Брэнзуэлл.

– Над моим несчастным семейством довлеет злой Рок. После тех страшных трагедий, которые уже произошли в этом доме, и которым все мы были свидетелями, мое последнее признание не должно явиться для вас неожиданной новостью.

Поверьте мне, – продолжал пастор, – я даже не в состоянии выразить, сколь мучительно гнетет меня эта непреложная убежденность. О, как много отдал бы я за то, чтобы мои тревоги и опасения не подтвердились! Если бы только такое оказалось возможным – я, наверное, счел бы себя счастливейшим из смертных! Но вся беда в том, что это невозможно.

– Неужели вы склонны придавать столь принципиальное значение обыкновенным снам, мистер Бронте? – спросила Элизабет Брэнзуэлл.

– Отнюдь! – возразил Патрик Бронте с жаром. – Как прирожденный скептик я всегда с большим сомнением и даже, я бы сказал, – с большим подозрением относился ко всему, что

так или иначе связано с миром сновидений. Раньше я никогда не придавал особого значения снам – ни своим собственным, ни чьим бы то ни было еще.

И вот отныне мне суждено пребывать в плену тех непостижимых сил, над которыми раньше я мог лишь вволю посмеяться. Мой сон никак нельзя назвать обычным. Содержание его всецело захватывало своей необычной живостью воздействия. Ощущения были такими острыми, отчетливыми, правдоподобными, будто все это происходило со мной не во сне и возможно даже не наяву, то есть, – поправился он, – не в обыденной действительности, а где-то непостижимо далеко за ее пределами. Моя призрачная греза мнилась мне даже более правдивой и в то же время – еще более жестокой и беспощадной, нежели сама суровая, холодная реальность.

Признаюсь, я был поражен до глубины души. Должно быть, мне до конца жизни не суждено освободиться из-под всемогущей власти этого кошмарного наваждения – каким бы – коротким или длинным – ни оказался заветный срок, отведенный мне на земле... А знаете, мисс Брэнзуэлл, минувшей ночью я, как никогда прежде, был близок к своему закату. Я ощутил на себе крепкие путы смерти, почувствовал ее неотступное смрадное дыхание...

– Довольно, мистер Бронте! – прервала его Элизабет Брэнзуэлл. – Думаю, эту беседу придется отложить до более подходящего случая. Сейчас вам следует отдохнуть.

– Помнится, я тут изволил уподобить себя незадачливому гребцу, погубившему свое судно в роковой пучине, – продолжал преподобный Патрик Бронте, словно не обратив внимания на слова свояченицы. Что же, пусть будет так. Но тем мрачнее моя невыразимая печаль, что сия злополучная напасть постигла меня не сразу и отнюдь не внезапно. Напротив: я чувствовал, что вполне готов встретить грядущее ненастье достойно...

– Ценой своей собственной жизни, – решительно продолжал Патрик Бронте, – я мог бы снять роковое бремя проклятия со своего славного рода. Однако непостижимым Предвечным Силам, вероятно, было угодно, чтобы этого не случилось. Во сне, – а быть может, даже не во сне, а наяву, должно быть, как раз перед тем, как я пришел в сознание, – со мной случилось самое настоящее чудо: я совершенно отчетливо услышал глас Божий. Вы, вероятно, скажете, что это невозможно. Но я имею непреложное основание утверждать обратное. Господь передал тайную информацию моему сознанию, и оно, будучи на грани сна и реальности, без особого труда восприняло ее. Из всего того, что мне довелось увидеть и услышать минувшей ночью, я понял, что сон мой есть не что иное, как своеобразное предупреждение, ниспосланное с Небес а потому, я не вправе его разглашать, – разве только крайние обстоятельства вынудят меня сделать это. Вот почему мне придется уклониться от соблазна поведать вам, мисс Брэнзуэлл, его подробное содержание. Сущность же моего сновидения для меня совершенно очевидна. К сожалению, ничего хорошего оно не предрекает, но лишь призывает всех нас набраться мужества, чтобы быть готовыми к худшему, ибо лишь моя смерть положит конец злополучному проклятию моей, то есть – нашей – семьи... – при этих словах достопочтенный Патрик Бронте в упор посмотрел на свояченицу. – Ну, так что, мисс Брэнзуэлл, – продолжал он серьезно, – достанет ли у вас мужества выдержать все те ужасные испытания, что неминуемо пролягут на вашем жизненном пути? Отвечайте!

– Но, сэр, – проговорила Элизабет Брэнзуэлл возбужденно, – я, право, недоумеваю: возможно ли такое? Слишком уж все это странно... И эта ваша категоричная убежденность в решающей роли вашей кончины, – откуда бы ей взяться? В самом деле, сэр, если даже допустить, что все сказанное вами – правда, так неужели вы не усматриваете иной, более приемлемой возможности избавления от роковой напасти – возможности, исключаящей столь бесценную жертву, как ваша жизнь.

– Вероятно, сударыня, моя кончина и впрямь станет единственным возможным способом избавления для моего рода. И до тех пор, пока она не настанет, злой Рок будет неотступно преследовать всю нашу семью. Наш милосердный защитник, вездесущий Господь, по всей види-

мости, хотел призвать меня этой ночью и тем самым осуществить свое благое назначение по отношению к смиренному роду Бронте. Но злополучные роковые силы решительно вторглись в заповедное русло Господнего промысла. Стало быть, уважаемая мисс Брэнгуэлл, теперь всем нам только и остается, что смиренно ожидать своей неизбежной участи.

– И все же, – не унималась Элизабет Брэнгуэлл, – я питаю искреннюю надежду, что все ваши доводы слабы и беспочвенны, что они не выдержат никакой логичной практической проверки. В самом деле, в ваших настойчивых речах я разумею столь мало здравого смысла, что вполне склонна полагать их обыкновенным в вашем нынешнем состоянии порождением буйной, необузданной фантазии, навеянной живым, ярким впечатлением от беспокойного сна. Уповаю, мистер Бронте, вы не останетесь на меня в обиде, если я повторю, что вам все же так и не удалось убедить меня в правоте ваших слов.

– Что ж. Это ваше право, – ответил почтенный Патрик Бронте и, тяжело вздохнув, добавил, – дай-то Бог, чтобы я и в самом деле ошибался... Как бы я хотел, чтобы все обошлось благополучно! Но, к величайшему сожалению, мисс Брэнгуэлл, ни вы, ни я, ни кто-либо из рода людского – не властны над Судьбою. И все же, как бы то ни было, нельзя забывать одного: бесконечной доброты и милосердия Всевышнего к своим земным созданиям. Мы с вами, любезная свояченица, должны верить искренне и горячо – тогда, уповаю, Господь поможет нам.

– Значит ли это, что ваше преподобие все же находит себе тайную опору в мысли о победном торжестве могущественной власти Господа над неумолимым коварством злополучных роковых сил? И следует ли из этих ваших слов то, что мне так хотелось услышать от вас, мистер Бронте, на протяжении всего нашего разговора – возможность счастливого избавления нашей семьи?

– Видите ли, сударыня, – протянул Патрик Бронте задумчиво и отстраненно, – есть одно обстоятельство... условие, неукоснительное соблюдение которого может воспрепятствовать коварному вмешательству роковых сил.

– Надеюсь, мистер Бронте, это условие пощадит вас? Стало быть, для нас возможен иной выход, дарующий благополучное избавление нашему роду и в то же время – не требующий столь страшной, немислимой жертвы, как ваша жизнь?

– Моя жизнь?! – возбужденно воскликнул Патрик Бронте. – Да, сударыня, вы правы: исполнение оговоренного условия отменяет обязательную жертву моей жизни, но какой ценой?! Требование, предъявляемое Высшими Силами взамен этой жертвы, невыполнимо в принципе. Я совершенно убежден: ни один из моих детей не сможет выдержать такого тяжелого морального испытания. Скажу больше: вероятно, никто из живущих в мире людей не способен на подобный подвиг – для этого нужно отважиться перешагнуть через естественную человеческую природу. Прошу вас, мисс Брэнгуэлл, не делайте бесплодных попыток вывести у меня суть этого жестокого условия, – этим вы все равно ничего не добьетесь, ибо нынче ночью я дал Всевышнему священное обещание держать его в строжайшей тайне от всех своих домочадцев, не говоря уже о посторонних людях. И, если я ненароком нарушу свое слово, тогда злополучное возмездие свершится в одночасье. Как видите, любезная свояченица, я имею вполне веское основание скрывать от вас все подробные детали этого дела. И я сдержу свое обещание: буду молчать, ибо это – мой непреложный долг перед Всевышним.

– А что, сэр, это условие, о котором идет речь, и в самом деле так уж непреложно? – спросила вдруг мисс Брэнгуэлл. – Нельзя ли прибегнуть к какому-нибудь хитроумному средству, чтобы его отменить и при этом прервать давление роковых сил над нашим родом?

– О чем вы, сударыня?! – воскликнул ее немало ошеломленный зять. – Уж не вообразили ли вы себя великой жрицей праведного Суда, способной обмануть роковые силы?! Ну, нет, мэм, ничего не выйдет! – он отчаянно вздохнул. – Всем нам рано или поздно приходится мириться с неизбежным, и мы с вами, любезная мисс Брэнгуэлл, отнюдь не исключение. Впрочем, – добавил мистер Бронте приглушенным голосом, – должен признать, ваш последний

вопрос не так уж безрассуден, как может показаться на первый взгляд. В нем определенно содержится доля здравого смысла.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Вы были правы, мисс Брэнзуэлл, в отношении возможности отмены того сурового условия, коего должны придерживаться все мои близкие: такая возможность и впрямь существует, но, к сожалению, она слишком ненадежна, чтобы слепо и безоговорочно полагаться на нее. К тому же и в этом случае нет никакой гарантии, что дело примет благоприятный для нас поворот. Все может обернуться совсем не так, как нам бы того хотелось.

– Полагаю, – с горькой досадой сказала мисс Брэнзуэлл, – вы не считаете разумным открыть мне и эту тайну так же, как умолчали обо всем прочем? О какой возможности вы говорите, сэр, и чем она опасна?

– Честное слово, сударыня, вы неисправимы. Остерегайтесь давать волю своему любопытству – не то оно вас погубит, попомните мое слово. Впрочем, на сей раз у меня вовсе не было намерения скрывать от вас суть дела, ибо, за незнанием остального, вы не представите реальной угрозы моей семье, которая должна непременно остаться в неведении касательно всех деталей давешнего разговора. Итак, мисс Брэнзуэлл, я отвечу на ваш вопрос, хоть он и излишне дерзок; с этих пор вы станете хранительницей великой тайны, в заповедные пределы которой не будет доступа никому иному отныне и вовек – помните об этом, не то вас постигнет жестокая кара.

Слушайте же! Единственная возможность спасения нашего рода забрезжит на печальном, сумрачном горизонте нашего семейного очага лишь в том случае, если кто-либо из моих потомков догадается – таки о злополучном условии, – том самом, соблюдение которого может так или иначе воспрепятствовать неумолимому вмешательству роковых сил.

– И тогда жестокое родовое проклятие минует наш род? – с надеждой спросила Элизабет Брэнзуэлл.

– Едва ли, мисс Брэнзуэлл, – ответил ее зять, глубоко вздохнув. – Повторяю: Вездесущий Рок так просто не отступится от нас. Но насколько мне дано понять тот тайный знак, что был ниспослан мне свыше нынче ночью, если какой-либо представитель младшего поколения моего рода сможет раскрыть для себя смысл упомянутого условия, то оно тотчас перестанет действовать. Однако же, полагаю, что это обстоятельство отнюдь не упростит ситуации, ибо в таком случае на смену прежнему условию неизбежно явится иное, быть может, менее жестокое, чем первое, и все-таки, вероятно, столь же коварное... нет, я решительно убежден – еще более коварное и опасное. Ведь сущностный смысл его, по всей видимости, погребенный в мрачной усыпальнице небытия, скрыт даже от меня... К сожалению, здесь ничего уже не поделаешь!

– Печальная перспектива! – согласилась мисс Брэнзуэлл. – Однако, любезный сэр, и в этом случае не исключена возможность счастливого стечения обстоятельств, верно?

– Что ж, – произнес Патрик Бронте, окинув свояченицу удовлетворенным взглядом, – мне положительно нравится ваш природный оптимизм, хотя, справедливости ради, должен сказать, что это, пожалуй, едва ли не единственное ваше качество, заслуживающее поощрения; ну да ладно... Быть может, отчасти вы и правы, сударыня: хотелось бы надеяться на лучшее. Но, мне думается – и не без основания, что все это слишком уж невероятно. Судите сами, мисс Брэнзуэлл: предположим, кому-либо из моих детей удастся осознать смысл того рокового условия. Но ведь одного этого слишком мало для его безоговорочной отмены: необходимо поверить в непреложную истинность этого условия, принять его как должное, – что, в сущности, весьма и весьма затруднительно. В противном же случае его разрушительные чары не утратят своей действенной силы, и все останется по-прежнему. Скорее всего, так оно и будет. Однако даже если допустить противоположный вариант, то есть ситуацию, когда условие возможного спасения нашего рода будет осознанно, обдуманно и принято вполне, – то с того самого момента, как это случится, все усилия будут неизбежно направлены к его беспрекословному соблюдению. А

значит – устремятся не в то русло, ведь никому из моих детей и в голову не придет та маленькая хитрость, о которой известно лишь нам с вами, сударыня, – возможность его отмены. Но, как я уже неоднократно предупреждал вас, мы должны молчать. Иначе наша излишняя словоохотливость сыграет с нами прескверную шутку – уничтожит даже малейший шанс на спасение семьи. Так что, сделайте милость, сударыня, исполните свое обещание. Помните: вы поклялись на Библии хранить тайну.

– Ну, разумеется, я сдержу свою клятву, данную Господу! – в сердцах воскликнула Элизабет Брэнзуэлл.

– Надеюсь, сударыня, – ответил ее зять, стараясь сохранить напускную невозмутимость, но вопреки своим невероятным усилиям все больше и больше распаяясь. – В противном случае я взыщу с вас сполна. Не сомневайтесь: я готов на все, чтобы так или иначе обеспечить своей семье должную защиту. И, если уж на то пошло, я не пожалею своей жизни во имя спасения хотя бы одного... да хотя бы одного из моих несчастных детей! – отчаянно прокричал он и, судорожно задыхаясь, продолжал: – Так и будет, я знаю, что так и будет: так должно быть! Я непременно кого-то спасу – мне так и приснилось – именно так, клянусь! – на несколько мгновений мистер Бронте замолчал, переводя дыхание, но, тотчас спохватившись, строго добавил, обращаясь к своей почтенной собеседнице: – А теперь, мисс Брэнзуэлл, будьте столь любезны, оставьте меня!

Элизабет Брэнзуэлл, потрясенная неожиданной исповедью и порядком изнуренная непривычными для нее обязанностями сиделки, покорно подчинилась, удалившись восвояси и призвав к хозяину Табби.

Глава 6. Шарлотта Бронте в школе мисс Вулер

Несколько лет, последовавшие за этим странным происшествием, стали трудным, но важным периодом в жизни обитателей угрюмого жилища гавортского пастора. Достопочтенный Патрик Бронте по-прежнему неусыпно пекся о возможных перспективах благопристойного образования своих взрослеющих детей. Памятуя о тех страшных горестях и несчастьях, какие доставило их семье пребывание девочек в Коуэн-Бридже, мистер Бронте твердо решил на сей раз избрать учебное заведение, отличающееся более гуманными методами воспитания.

Долгих поисков для осуществления этой цели пастору не потребовалось. Вполне подходящая, по его мнению, школа для девочек (Патрика Брэнзуэлла он продолжал обучать сам) имела звучное название Роу Хед и находилась неподалеку, на окраине Мирфилда, всего в двадцати милях от Гаворта.

Новый замысел мистера Бронте был, бесспорно, разумным и практичным, однако на пути к его осуществлению стояло значительное препятствие, касательное существенных материальных затрат. Обнаружив сие досадное обстоятельство, хозяин заметно приуныл. Пришлось обратиться за помощью к свояченице, скопившей к тому времени небольшой собственный капитал; и все же тех средств, какие она могла позволить себе выделить во имя осуществления столь благого дела, как обучение племянниц, едва доставало на устройство в Роу Хед лишь одной из них. Так как Шарлотта стала теперь старшей из оставшихся дочерей пастора – выбор пал на нее. К тому же в пользу такого выбора говорило то обстоятельство, что крестные родители Шарлотты Томас Эткинсон и его жена Фрэнсис Уолкер (которые как раз и рекомендовали преподобному Патрику Бронте роухедскую школу) согласились в случае необходимости оказать помощь в оплате за обучение их крестницы.

...Итак, 17 января 1831 года Шарлотта Бронте прибыла в Роу Хед. Поспешно выбравшись из крытой тележки, уставшая, изрядно озябшая Шарлотта мгновенно почувствовала себя так, словно нечаянно попала в иной, дотоле неведомый ей мир. И уединенная лесистая территория школы с ее покрытыми внушительным слоем январского снега высокими вековыми тисами и дремлющими заповедными рощами, должно быть, совершенно изумительными в лет-

ную пору, когда, постепенно пробуждаясь, они оживают, зацветая живописнейшей первозданной красою, и великолепно отделанные средневековые постройки, там и сям разбросанные по окрестности, – все здесь казалось девушке сказочно прекрасным и в то же время – каким-то непостижимо далеким, отчужденным. Состояние, охватившее ее теперь, при первом знакомстве с этой прелестной, погруженной в унылое зимнее забытие местностью, невольно воскрешало в ее душе те тревожные чувства, какие неистово бушевали в ней в тот знаменательный день, когда ей суждено было впервые перешагнуть злополучный порог того учебного заведения, где ей довелось обучаться прежде.

Само помещение школы находилось в солидном, добротнo отстроеном доме, бОльшую часть которого занимала непосредственно школа с жилыми помещениями для воспитанниц и директрис. Внушительный фасад словно был овеян непостижимым и величественным духом старины. «Все это весьма заманчиво, – подумала Шарлотта с каким-то неизъяснимым отчаянием, приблизившись к зданию школы, – но здесь совсем не так, как в Гаворте... совсем не так...» – она снова окинула печальным взглядом отчужденный фасад роухедской школы, мысленно подставляя взамен гладкие серые контуры угрюмого, но родного здания пастората.

...Вопреки опасениям Шарлотты относительно нового места обучения, ее положение в Роу Хеде, как и предполагал ее отец, оказалось гораздо более выгодным в сравнении с тем, что наблюдалось в коуэн-бриджской школе. На смену жестокой тирании преподобного Уильяма Кэруса Уилсона явилась приветливая доброжелательность Маргарет Вулер, возглавляющей роухедский пансион вместе со своей младшей сестрой Кэтрин. Немало способствовала полноценному развитию дарований воспитанниц Роу Хеда и весьма своеобразная камерная обстановка, царившая в классной аудитории (в учебном заведении, принадлежавшем сестрам Вулер, обыкновенно содержались от семи до десяти воспитанниц), благодаря чему здесь, в противовес Коуэн-Бриджу, создавалась иллюзия домашнего уюта.

Поскольку Шарлотта была совершенно неосведомленной в обычных школьных предметах, таких, как грамматика и география, ее, почти взрослую девушку, хотели посадить в младшие классы. Но, видя, как огорчилась Шарлотта, мисс Вулер согласилась посадить новую ученицу в старшее отделение при условии, что та будет заниматься отдельно в свободное от уроков время, чтобы догнать своих сверстниц.

Таким образом, Шарлотта Бронте получила неплохую возможность пополнить багаж своих знаний, и быть может, как никто другой сознавая необходимость образования, не упустила тот великолепный шанс, который подарила ей Судьба. Из обязательных предметов, изучаемых воспитанницами Роу Хеда, Шарлотта оказывала особое предпочтение литературе, языковым дисциплинам (в пансионе сестер Вулер изучали английский и французский языки) и главным образом – рисованию. Именно в этих областях (впрочем, не игнорируя и другие) мисс Бронте стремилась преуспеть. Результаты обыкновенно не заставляли себя ждать, что неизменно возвращало и укрепляло в девушке сознание собственного достоинства, причудливо сочетающееся в ней с крайней застенчивой робостью.

В роухедской школе Шарлотта обрела двух подруг. То были кроткая, добросердечная Эллен Нассей, с первого же дня прибытия мисс Бронте в Роу Хед проявившая к ней искреннее участие и симпатию, а также импульсивная и достаточно откровенная в высказывании своих суждений Мэри Тейлор.

Элен Нассей была младшей из двенадцати детей производителя тканей Джона Нассея и его супруги Эллен Нассей, в девичестве Уод. Нассей имели статус зажиточного семейства, но после смерти отца Эллен Джона Нассея семья стала испытывать финансовые затруднения. Эллен вынужденно отослали в Роу Хед, хотя изначально семья планировала отправить девочку в более уважаемую и, соответственно, – в более дорогостоящую школу.

Мэри Тейлор происходила из семьи йоркширского фабриканта Джошуа Тейлора и его жены Энн Тейлор, урожденной Тикелл. Семья проживала в графстве Йоркшир в районе Гомер-

сэйл в Дьюсбери, в доме, сделанном из красного кирпича, что отличало жилище Тейлоров от типичных для того времени каменных построек. Этот дом был построен предками Тейлоров в 1660 году и имел соответствующее название Красный Дом.

Впрочем, представители семейства Тейлор придерживались своих собственных взглядов не только в выборе строительного материала для своего жилья, но и во всех остальных вопросах.

Джошуа Тейлор, как и многие его предки и родственники, занимался шерстяным бизнесом и банковским делом. Мистер Тейлор был широко образованным человеком высокой культуры. Он превосходно говорил по-французски, хотя предпочитал изъясняться на родном йоркширском наречии. Джошуа Тейлор придерживался радикальных взглядов в политике, не соглашался с доктринами официальной церкви и не был приверженцем никакого религиозного направления. И, вместе с тем, мистер Тейлор очень любил путешествовать, был в курсе артистических и интеллектуальных тенденций в Великобритании и особенно на континенте.

В своем доме он собрал превосходную коллекцию гравюр и копий своих любимых картин старых мастеров, а также – редких антикварных вещей и книг.

Жена мистера Тейлора (мать Мэри) являла собой образец деспотичной и ограниченной женщины, подавляющей все признаки радости, силы и энергии в окружающих ее людях.

Всего у супругов Тейлор было шестеро детей – из них четверо сыновей и двое дочерей (Мэри была старшей из дочерей мистера и миссис Тейлор).

Однажды Мэри прямо, без обиняков, не постеснялась представить Шарлотте не слишком лестный отзыв о ее внешности.

– Знаешь, по-моему, ты очень некрасива, – заявила мисс Тейлор, ничуть не смутившись.

Это, конечно, было преувеличением, однако же не слишком разительно отклонявшимся от действительности. Маленькая, неказистая Шарлотта понимала, что ее внешность своей кажущейся на первый взгляд простотой и заурядностью, даже более того – неоспоримой неуклюжестью – невыгодно отличает ее на фоне остальных сверстниц. Крайняя худоба, налагающая заметный отпечаток угловатости на нескладную фигурку девушки, болезненное лицо с красноватой кожей и довольно резкими чертами: особенно ярко выделяющимся крупным ртом, в контурах которого, при плотно сжатых губах, угадывались упрямство и воля, а также – прямым и широким несколько нависшим лбом, еще более отчетливо проявляющим эти качества. Словом, весь облик мисс Бронте мог скорее свидетельствовать о живости ума, стойкости характера, нежели о женственности и привлекательности. Движениям юной леди не были свойственны то изящество и грация, какие наделяют манеры барышень истинным благородством, – и это также говорило отнюдь не в ее пользу.

Однако же в целом наружность Шарлотты никак нельзя было назвать отвратительной и уродливой, ибо у девушки имелись некоторые приятные черты; приятность их была достаточной для того, чтобы смягчить общее впечатление. Нежные светло-каштановые волосы, аккуратно уложенные, подобранные сзади в незамысловатую прическу, всегда выглядели опрятно; столь же опрятной была и одежда девушки. Простые, но неизменно милые платья мисс Бронте не только украшали ее внешность, но и наиболее красноречиво обнаруживали ее неоспоримые личные достоинства, ибо были сшиты ею собственноручно. Однако, пожалуй, самой притягательной чертой во всем облике Шарлотты были ее выразительные карие глаза – действительно прекрасные: большие, лучистые, они отражали бесконечную сердечную теплоту и одновременно, острый незаурядный ум.

Чем дальше Шарлотта Бронте оставалась в роухедской школе, чем отчаяннее становилась ее тоска по дому и близким, тем сильнее крепили и узы доброжелательной доверительности, неразрывно связывающие ее теперь с новыми подругами. Быть может, большей частью этот парадокс объяснялся тем, что Эллен Нассей и Мэри Тейлор невольно напоминали юной дочери пастора ее младших сестер. В самом деле, сходство между ними представлялось ей очевидным,

если не сказать поразительным: кроткая, смиренная мисс Нассей своим покладистым, уравновешенным нравом и мягкими деликатными манерами, неизбежно воспроизводила в памяти Шарлотты образ Энн; открытая, прямолинейная мисс Тейлор с ее, весьма своеобразным, единственным в своем роде, складом характера вызывала у мисс Бронте довольно явные ассоциации с некоторыми особенностями богатой всякого рода странностями натуры Эмили.

И хотя в действительности описанные сходства были отнюдь не столь существенными, какими они рисовались воображению Шарлотты, а также – вопреки тому, что она вполне осознавала данное обстоятельство, тем не менее ее с непостижимой силой привлекало общество этих девушек. Она при всякой удобной возможности стремилась скоротать досуг в приятной беседе с ними. Именно эти двое – Эллен и Мэри – как никто другой из воспитанниц роухедского пансиона, восполняли собою вынужденную пустоту, с некоторой поры поселившуюся в ее душе. Только в присутствии мисс Нассей и мисс Тейлор Шарлотта находила тайную радость и вдохновение, и быть может, не столь болезненно ощущала разлуку с сестрами, нежели в любой иной ситуации. В целом сия очаровательная тройца являла собой идеальный баланс нравов, склонностей, интересов и прочих отличительных особенностей характеров и составляла славную, тесно сплоченную когорту.

За полтора года, проведенных в роухедской школе, Шарлотта сумела скопить солидный багаж знаний по всем преподаваемым здесь дисциплинам. Подходил к концу и срок контракта на обучение старшей дочери преподобного Патрика Бронте в частном пансионе сестер Вулер.

В мае 1832 года юная Шарлотта Бронте, охваченная вереницей новых ярких впечатлений и преисполненная самых смелых надежд на будущее, простившись со всеми обитателями роухедской школы – с сестрами Вулер, а также – с дорогими ее сердцу подругами и прочими воспитанницами, – покинула Роу Хед и возвратилась домой.

Глава 7. Опыты юности

Теперь Шарлотта снова оказалась в привычной домашней обстановке, в окружении родных и бесконечно любимых ею людей – ко всеобщему удовольствию.

Впервые увидев сестру после долгой разлуки, Эмили и Энн не могли надивиться тому, сколь разительная перемена произошла в облике Шарлотты со времени ее отъезда в Роу Хед. Ее движения обрели удивительное изящество и непринужденность, каковых раньше за ней не наблюдалось. Результат роухедской шлифовки манер оказался поистине поразительным.

– Bravo, дорогая сестрица! – воскликнула Эмили, не удержавшись от соблазна выразить свой пылкий восторг в шутильной форме. – Еще немного – и ты станешь настоящей светской дамой.

Будущая светская дама склонилась в грациозном реверансе, давая сестрам понять, что сей остроумный комплимент оценен вполне.

Вновь прибывшая странница сейчас же обнаружила, что и у нее появился немалый повод для удивления – весьма приятный: за время ее отсутствия Эмили и Энн заметно повзрослели, похорошели. Природа делала свое незамысловатое дело исправно: из угловатых, неказистых девочек-подростков постепенно формировались милые и привлекательные юные леди. Шарлотта, словно замороженная, любовалась сестрами, не будучи в силах отвести от них восторженного взгляда. «Что бы там ни говорили всякие представители толпы людской – разумные и неразумные, – подумала она, – да только неверно общепринятое мнение, будто *правильная* красота всего милее. Разве мои дражайшие сестрицы – не самое лучшее тому опровержение?»

В самом деле, обе младшие барышни Бронте вовсе не были идеальными красавицами, чья внешность соответствовала бы всем установленным требованиям той поры. Они парадоксальным образом походили и – в то же время – не походили друг на друга. В силу индивидуальных природных особенностей каждой из двух сестер, четырнадцатилетняя Эмили и двенадцатилетняя Энн развивались практически вровень. Несмотря на возрастную разницу между

ними и Шарлоттой, правда, незначительную, однако же в тот период особенно ощутимую, обе они уже тогда превосходили ее ростом.

Это были прелестные стройные создания, черты которых дышали ясным незаурядным умом и были исполнены неоспоримого достоинства, проявлявшегося также в их манерах, которые тем не менее пока что не были безупречными и явно нуждались в отточке. У обеих были длинные шелковистые волосы, уложенные в разные прически. Густая, тяжелая копна пышных глянцевого, черных, как смоль, локонов Эмили ниспадала на плечи множеством мелких, струящихся завитков. Мягкие, более светлого, чем у Эмили, оттенка кудри Энн (с близкого расстояния можно было видеть, что ее волосы имели очень красивый светло-коричневый цвет) были теперь заплетены в тугую косу и опрятно прибраны к затылку с помощью позаимствованного у сестры испанского гребня, хотя обычно она, как и Эмили, предпочитала прическу в виде локонов.

Лица их казались милыми и привлекательными, однако их нездоровая бледность (особенно отчетливо бросающаяся в глаза у Энн, имевшей ясный, почти прозрачный цвет лица) и резко выделявшаяся неправильность черт препятствовали возможности назвать их красивыми. Тем не менее лица эти, так же, впрочем, как и лицо Шарлотты, были отнюдь не лишены своеобразного обаяния, значительная часть которого у младших дочерей гавортского пастора, как и у их старшей сестры, исходила от глаз – живых, блестящих, выразительных. Именно глаза – несколько раскосые, словно у молодых газелей, мягкого светло-коричневого оттенка (благодаря какой-то непостижимой силе издали казавшиеся зеленовато-кариими, а при ближайшем рассмотрении – фиолетово-голубыми) и красивого глубокого разреза, обрамленные длинными черными ресницами, – делали сестер Бронте поразительно похожими друг на друга и составляли неоспоримую гордость каждой из них. Гордость эта неизмеримо усиливалась у них сознанием того факта, что бездонные газели глаза достались всем троим по наследству от их покойной бабушки Элис Мак-Клори, матери достопочтенного Патрика Бронте, которая в свое время слыла первой красавицей ирландской округи.

– Чем же вы занимались в мое отсутствие, милые сестрицы? – спросила Шарлотта, словно бы внезапно пробудившаяся от волшебных чар.

– Да так, ничем особенным. Всякими глупыми пустяками, – попыталась уклониться от ответа Энн.

Вскоре, однако, все разъяснилось. Покуда старшая Бронте училась в роухедской школе, младшие сестры, всецело поглощенные собственным воображением, пребывали в новой вымышленной ими же самими фантастической стране, которую они нарекли Гондалом. Эмили и Энн разбили Гондал на несколько независимых королевств и населили каждое королевство множеством жителей самого различного социального положения и рода занятий.

И вот с того дня, как пылкое, порывистое Воображение девушек вызвало к жизни Гондал и гондалцев, их прелестные создательницы с небывалым дотоле воодушевлением ежедневно и вновь уносились, подгоняемые неистово-разгоряченной Фантазией, к заветному побережью, на север Тихого океана. Здесь, среди величественных суровых скал и диких угрюмых ущелий, под низко нависшим свинцовым небом легендарного Гондала, развертывались временами самые бурные и кипучие первозданные страсти – в духе лихих, захватывающих гомеровских сказаний. Жители воображаемой страны регулярно совершали военные набеги на соседние королевства, отважно сражались с врагами, отчаянно томились в темницах, а также попадались в коварные любовные сети.

Эта новая игра, затеянная Эмили и Энн, оказалась столь заманчивой и увлекательной, что сразу же живо захлестнула буйное воображение прибывшей из Роу Хеда Шарлотты. Девушка мгновенно окунулась в свои воспоминания о том, как еще до своего поступления в роухедскую школу она вместе с сестрами и братом предавалась захватывающим литературным играм. В соавторстве с Патриком Брэнзуэллом Шарлотта создавала отважных героев-англичан,

населяющих колонии Африки – но Африки не обычной, а сотворенной ими самими, отличавшейся особым климатом и ландшафтом, так похожими на милые сердцу вересковые пустоши. Самых же героев олицетворяли деревянные солдатики Брэнзуэлла, которых преподнес в подарок сыну преподобный Патрик Бронте, добывший небольшую коробку этих игрушек в соседствующем с Гавортом Лидсе, куда он ездил на очередную церковную конференцию.

Шарлотта взглянула на маленькие журналы, которые они с сестрами и братом издавали между собой – конечно, понарошку, но вкладывая в это дело всю возможную серьезность. В этих журналах юные Бронте вели хронику событий, происходящих в их воображаемых мирах. Пасторская дочь взяла в руки небольшой листок бумаги, представлявший собой письмо к воображаемому редактору одного из этих журналов и быстро пробежала глазами его содержимое:

«Милостивый государь! Всем хорошо известно, что духи заявили, что если они не будут ежегодно исполнять известных, очень трудных обязанностей какого-то таинственного свойства, то все миры, носящиеся в небесных пространствах, должны будут сгореть, вслед за чем они опять соберутся в один громадный шар, который будет катиться в одиноком величии по обширной пустыне мировых пространств, служа обиталищем лишь четырем высоким князьям духов, пока время не сменится вечностью. Дерзость их в этом отношении может быть приравнена лишь еще к одному из их утверждений, а именно, что они своею чудодейственной силою могут превратить мир в пустыню, чистейшие воды в потоки смертельного яду и самые прозрачные озера в стоячие вонючие болота, испарения которых, полные заразы, убьют все живые существа, за исключением лишь кровожадных лесных зверей и хищных птиц, обитающих среди скал. Но среди всего этого запустения воздвигается дворец старшего духа, сверкающий среди окружающей его пустыни и их военный клич будет страшным воем раздаваться по утрам, в полдень и с наступлением ночи; у них учредится ежегодное пиршество над костями усопших и ежегодно будут они с ликованием торжествовать свою победу. Я полагаю, милостивый государь, что нет нужды распространяться о том, насколько это дурно и жестоко с их стороны, а потому остаюсь... и т. д. июль, 14 1829 г.»²¹.

Духи или джинны в произведениях юных Бронте появились, разумеется, под впечатлением произведений Джеймса Ридли «Тысяча и одна ночь» и «Сказки джинов», столь любимых ими с самого детства. Шарлотта, Брэнзуэлл, Эмили и Энн даже воплотили себя в образах четырех главных могущественных джинов (или Верховных Духов) в своих юношеских произведениях. «Джинн Таллии» был Верховным Духом, представлявшим Шарлотту. «Джинн Брэнни», «джинн Эмми» и «джинн Энни» олицетворяли, соответственно Брэнзуэлла, Эмили и Энн.

Как приятно стало на душе у Шарлотты, когда она почувствовала, что вновь погружается в этот восхитительный мир своих юношеских грез; как отрадны были эти светлые воспоминания!

«Красота природы», «Впечатления во время путешествия по канадским лесам», «Песня изгнанника», «При виде развалин Вавилонской башни», «Стихи, написанные на берегу реки в прекрасный летний вечер» – эти милые ее сердцу поэмы, отзвуки ее юности, а также – многие другие плоды ее воображения, оформленные в стихах и в прозе, излитых на бумагу в то время, когда ей самой было всего лишь тринадцать-четырнадцать лет.

И вот теперь, когда сестры Шарлотты создали свой собственный обособленный мир и увлеченно творили новые захватывающие произведения, старшая пасторская дочь ощутила острую потребность вновь погрузиться в этот чарующий мир – мир своих грез.

Вместе с братом она продолжала разрабатывать характеры героев своих африканских историй, и со временем они создали собственную, независимую от Гондала, вымышленную фантастическую страну, нареченную Ангрией.

В то время как славный Гондал постоянно полнился разнообразными героями, воображаемым миром Англии правил обаятельный и коварный герцог Заморна, яркий и весьма характерный облик которого явился своеобразной данью поэзии Байрона²², усердно и кропотливо изучаемой в ту пору юными Бронте. Именно вокруг Заморны – сего таинственного властителя необузданных, беззаконных страстей – и разворачивались все ангианские события. Решительный, остроумный Патрик Брэннуэлл толково руководил Заморной в военных походах своего славного героя; ответственной же за сердце героя – за его многочисленные любовные приключения, вносящие разнообразие в его счастливую семейную жизнь с законной супругой, – разумеется, была Шарлотта.

Юные Бронте с величайшим наслаждением предавались своим бесхитростным литературным играм. Они создавали фантастические повести, захватывающие рассказы и поэмы. «Зеленый карлик», «Найденыш», «Секрет», «Заклятие», «Лили Харт», «Высший свет Вердополиса» – вот лишь небольшая часть того, что дети преподобного Патрика Бронте создали в этот период. *«Мало кто поверит, – напишет Шарлотта чуть позже в своем дневнике, – что воображаемая радость может доставить столько счастья»²³.*

В целях экономии бумаги, а также – из стремления вернее скрыть плоды своего творчества от глаз взрослых, сестры и брат писали на маленьких кусочках обоев, которые впоследствии сшивали между собой так, чтобы получались миниатюрные книжечки – не больше спичечных коробков. Буквы выходили столь мелкими, что могли помещаться на подобных страницах, складываясь в слова и абзацы, благодаря тому, что пасторские дети использовали хорошенько оточенные грачиные перья, которые они находили на прогулках. Большую часть своих сочинений того времени их юные создатели писали под псевдонимами, в роли которых чаще всего выступали имена их собственных героев. Шарлотта Бронте охотнее всего подписывала свои юношеские повести и рассказы именем своего героя-хрониста, младшего сына легендарного герцога Веллингтона (образ которого она перенесла из реальной жизни в свой вымышленный мир) и брата герцога Заморны «лорд Чарльз Уэллсли».

И все же Шарлотта, куда более щепетильная и практичная, нежели ее сестры, в вопросах, касательных обязательной необходимости образования, была гораздо ближе младших пасторских дочерей к реальной действительности с ее всевозможными перипетиями. Девушке на собственном примере довелось убедиться вполне, сколь бесценными сокровищами наполняется жизненный багаж человека, совершенствующего свои познания. Потому-то старшая мисс Бронте не позволяла себе, следуя примеру своих сестер, всецело окунуться в собственную фантазию, утопая в ее дивных чарах, словно в пышных зарослях дикого вереска. Покуда сама она в этот период была лишена возможности продолжить свое образование, она употребила все усилия, чтобы передать приобретенные ею в Роу Хеде новые знания и навыки своим сестрам и брату.

«Отчет об одном дне, – пишет Шарлотта своей подруге Эллен Нассей 21 июля 1832 года, – может служить отчетом обо всех других. Утром от девяти часов до половины первого я занимаюсь с сестрами и рисую; потом мы гуляем до обеда. После обеда я шью до чая, а после чая пишу, читаю, занимаюсь каким-нибудь изящным рукоделием или рисую; вообще провожу время, как мне заблагорассудится. Так чудесно, хотя и несколько монотонно течет моя жизнь<...>».

Рисование стало одним из любимейших занятий юных Бронте. Сестры и брат предавались этому нехитрому ремеслу со столь пылким увлечением, что то явное предпочтение, какое они ему оказывали, тут же бросилось в глаза самому преподобному главе семейства, который, следуя своей природной практичности, по-видимому, весьма склонен был поощрять их новый интерес.

Очень скоро его детям довелось убедиться в этом вполне. Достопочтенный Патрик Бронте расщедрился настолько, что предоставил сыну и дочерям возможность брать частные уроки, регулярно приглашая к ним из соседствующего с Гавортом Лидса учителя рисования по имени Уильям Робинсон (впрочем, это был не первый опыт юных Бронте в этой области: еще до того, как Шарлотта стала ученицей роухедской школы, пасторские дети брали уроки живописи у Джона Брэдли из Кейлея; его уроки, конечно, обходились мистери Бронте дешевле уроков у Робинсона, но он и не являлся столь одаренным и компетентным в своем деле, как последний). Кроме того, мрачное, уединенное жилище пастора стал посещать преподаватель музыки из Кейлея, которого мистер Бронте нанял для двух своих младших дочерей Эмили и Энн (ибо Шарлотта отнюдь не демонстрировала особого интереса к этому занятию, казавшемуся ей нудным и скучным; она, как и ее брат Патрик Брэнзуэлл, предпочитала рисование).

Регулярные визиты преподавателей музыки и рисования внесли заметное оживление в скучные, унылые будни младшего поколения обитателей пастората. Отныне время мирно текло в полезных и разумных занятиях, которые были взаимно приятными для обеих сторон – как для самих наставников, находящих огромное удовольствие в обучении способных и трудолюбивых молодых людей, так и для их усердных, безропотных воспитанников, искренне радовавшихся очередным положительным результатам своих усилий и постоянно поощряемых лестными похвалами учителей.

Преподаватели и в самом деле отнюдь не скупались на похвалы, ибо их ученики вполне того заслуживали. За достаточно короткие сроки младшие барышни Бронте сделали заметные успехи в освоении тончайших премудростей игры на фортепиано; старшая же сестра значительно усовершенствовала навыки художественного мастерства. Но наибольшей благосклонности и одобрения учителя рисования Уильяма Робинсона добился их брат Патрик Брэнзуэлл.

Пасторский сын с упоением предавался своему новому увлечению. Одна за другой появлялись картины, изображавшие его любимых ангрианских героев – герцога Заморну и Александра Перси, графа Нортенгерленда – персонажа, особенно пленившего Брэнзуэлла, с которым он отождествлял себя (впрочем, эти же герои стали появляться и в художественном творчестве Шарлотты). Брэнзуэлл также сделал зарисовку Карты Гласстаунского Союза, выполненную цветными карандашами. Карта показывала разделение «Стеклянного городка», придуманного юными Бронте и расположенного по их замыслу на восточном побережье Африки, на четыре королевства, вошедшие затем в состав «Вердополитанской Конфедерации»: Веллингтонленд, Пэррисленд, Россленд и Сничисленд, а также отображала столицу Конфедерации – Великий Стеклянный городок.

– Любезный сэр, – сказал однажды мистер Робинсон, обращаясь к отцу семейства, – я чрезвычайно рад сообщить, что дети ваши весьма продвинулись в освоении моего предмета, – настолько, что, полагаю, они едва ли нуждаются теперь в моих наставлениях. Я передал им все тайны этого искусства, которые известны мне самому. Остальное – дело навыка... Знаете, мистер Бронте, мне кажется, из вашего сына мог бы выйти славный художник. Все данные к тому у него налично.

– Вот как? – изрек Патрик Бронте с самодовольным видом. – Что же, весьма признателен вам, сэр, за столь лестный отзыв! Однако, быть может, вы преувеличиваете художественные способности Патрика Брэнзуэлла? Возможно ли, чтобы мой сын настолько преуспел в рисовании, что его работы и в самом деле оправдывали бы вашу похвалу?

– Вне всякого сомнения! – горячо отозвался почтенный учитель. – И я ничуть не погрешу против истины, если добавлю к своим словам заверение, что в том, что касается художественного мастерства, молодой человек уже давно превзошел меня. Все, что ему необходимо для несомненного успеха, – так это регулярный, систематический труд. Но это само по себе отнюдь не мало. Хлеб художника – нелегкий хлеб. Достанет ли вашему сыну усидчивости и упорства, чтобы отважиться ступить на столь серьезную, ответственную и тем не менее – столь прекрасную, поистине благородную стезю, – вот задача.

– Что ж, – спокойно ответил преподобный отец, всем своим обликом выражая истинное достоинство, – да будет на то воля Божья.

Достопочтенный Патрик Бронте не склонен был разделять последнего опасения, высказанного наставником рисования. Испытывая к своему единственному сыну особое расположение, он определенно отдавал ему предпочтение перед всеми своими дочерьми. Обнаружив у Патрика Брэнзуэлла незаурядные способности, проявившиеся еще в раннем возрасте, а также – не подлежащий сомнению живой острый ум, отец мальчика слишком привык полагаться на эти очевидные достоинства своего сына, ни на минуту не допуская мысли, что тот не уцепится за малейшую возможность проявить их в нужный момент. Сам мистер Бронте никогда не позволил бы себе столь позорной оплошности; в своем же единственном сыне хозяин усматривал олицетворение собственной юности. Отец несколько не сомневался в природной практичности сына, который, кстати, невзирая на юный возраст, производил впечатление деловитого, хваткого мальчика, – в противном случае Брэнзуэлл много потерял бы в глазах достопочтенного главы семейства.

Однако же на самом деле молодой человек отнюдь не был наделен теми природными качествами, какие приписывала ему сверхмерная отцовская гордость. Привычный Патрику Брэнзуэлли довольно безалаберный, едва ли не хаотичный образ жизни всячески препятствовал развитию в нем этих качеств. Не в пример своим строгим, принципиальным сестрам, соблюдавшим неукоснительную последовательность даже в малейших мелочах, их своевольный, избалованный всеобщим вниманием братец был начисто лишен привычки к дисциплине.

Еще с детских лет Патрика Брэнзуэлла мистер Бронте весьма охотно предоставлял своему любимцу полную свободу действий, которой тот располагал, как только ему заблагорассудится. Пока несчастные сестры смиренно и безропотно трудились в условиях невыносимой тирании коуэн-бриджской школы, их братец целыми днями пропадал в ближайшем поселке, куда всякий раз отправлялся в долгую прогулку – с раннего утра и до позднего вечера. В поселке он заводил весьма сомнительные знакомства с местными мальчишками, большинство из которых значительно уступали ему по уму и развитию.

С годами Патрик Брэнзуэлл ничуть не думал остепениться. Наделенный живым незаурядным умом и неординарными способностями, он стал главным центром праздных увеселений во всем гавортском околотке; ни одно более или менее значительное событие в жизни городка и его обитателей не обходилось без присутствия Брэнзуэлла.

Быть может, подобной популярности пасторского сына среди местных жителей способствовала его весьма своеобразная внешность. Патрик Брэнзуэлл, как и его сестры, был маленького роста, рыжий, с большим носом, и часто расстроено опускал глаза, закрытые видными очками. Брэнзуэлл укладывал густые волосы в высокую копну, чтобы визуально увеличить свой рост. Лоб у него был большой, неровный, что свидетельствовало о его интеллектуальности и, в то же время, еще больше прятало его маленькие «хорьковые», глубоко посаженные глаза. Он обладал хрупким сложением, и его удрученный взор порою мог внезапно сменяться быстрыми и мгновенными взглядами.

Очень скоро молодой человек прослыл в округе самым интересным и занимательным собеседником, общество которого настойчиво рекомендовалось местными жителями всем

приедем. Содержатель гавортской гостиницы «Черный бык» чуть ли не ежедневно посылал за юношей в пасторат, а когда тот являлся, всегда любезный портье традиционно предлагал ему добрую кружку искристого, пенящегося эля, которую Брэнгуэлл неизменно поглощал с видимым удовольствием. Затем, ободренный изрядной порцией сего «божественного» напитка, он – истинный смиренный сын приходского пастора – весьма охотно развлекал все веселое собрание присутствующих своей живой пламенной речью.

Столь беспечный образ жизни юного Бронте, по-видимому, ничуть не смущал привычного покоя и не нарушал спартанского самообладания его достопочтенного отца, который не усматривал в поведении сына ничего предосудительного. А если он и находил в поступках Брэнгуэлла нечто легкомысленное, то неизменно приписывал это проходящим причудам, свойственным подростковому возрасту. Даже благовоспитанная тетушка – истинная блюстительница строжайшей пуританской морали – проявляла по отношению к своему баловню столь щедрую снисходительность, что милосердно спускала ему подчас самые непозволительные вольности.

Таким образом, до сей поры Патрику Брэнгуэллу была предоставлена практически полная свобода действий, и он позволял себе располагать ею, как ему заблагорассудится.

Между тем, пожалуй, единственным развлечением сестер, не связанным миром их фантазий, в этот период были редкие, но неизменно теплые и отрадные встречи с роухедской подругой Шарлотты Эллен Нассей.

Во время своего первого недолговременного пребывания в гавортском пасторате летом 1833 года кроткая, мягкосердечная мисс Нассей без труда сумела расположить к себе всех его обитателей, не исключая и внешне угрюмой, нелюдимой дикарки Эмили Джейн, обыкновенно яростно восстававшей против всякого постороннего общества.

Манеры мисс Нассей, ее поведение, нрав и прочие особенности натуры, какие та с присущей ей деликатностью и простотой продемонстрировала во время своего короткого визита, покорили даже неприступное сердце своевольной средней дочери гавортского пастора. Эмили Джейн снизошла до высочайшей милости, включив Эллен в свой «белый список». Что до взаимоотношений мисс Нассей с младшей Бронте, то между ними все складывалось как нельзя лучше; обе эти девушки, поразительно походившие друг на друга своим смиренным, неспесивым нравом, нашли общий язык очень скоро.

Патрик Брэнгуэлл, когда ему выдавался редкий случай провести часок-другой на дню под угрюмой кровлей родного дома, также не пренебрегал обретенной возможностью скоротать досуг в компании мисс Нассей. Ободренная неожиданным всеобщим вниманием, Эллен Нассей осталась вполне довольной недолгим пребыванием в доме Бронте и могла похвалиться тем бесспорным достижением, что смогла снискать искреннее расположение и любовь даже самых угрюмых и мрачных его обитателей.

Шарлотта же, в свою очередь, позволила себе роскошь изредка навещать Эллен в доме, принадлежащем семейству Нассей. Мисс Бронте довольно мило и весело проводила время в гостях у своей подруги всякий раз, как ей доводилось там бывать. Ей нравилось решительно все, что тем или иным образом было связано с этим славным семейством: и простое, незамысловатое убранство дома Нассей, скромная, но добротная облицовка которого неизменно воскрешала в ее памяти родимый гавортский пасторат, и сами хозяева – высоко духовные, добросердечные, исключительно порядочные люди.

В то время семья Нассеев жила в доме, носившем звучное название «Райдинг». Это был уютный двухэтажный дом, отстроенный в старинном стиле. Своей добротно отделанной зубчатой крышей и уединенным месторасположением «Райдинг» напоминал классический особняк из входивших в то время в моду «готических романов». Шарлотта узнала, что фасад и большая часть интерьера дома были переделаны двоюродным дедом Эллен Ричардом Уолкером. Позд-

нее, когда финансовое положение семьи уже не позволяло излишней роскоши, Нассей переехали в более скромное, но тоже уютное жилище под названием «Брукройд», расположенное в Берсталле – так же районе западного Йоркшира, где находился их прежний дом «Райдингс».

Мисс Нассей познакомилась подругу со своей матерью, миссис Эллиен Нассей, урожденной Уод (показавшейся Шарлотте достаточно пожилой женщиной, поскольку она родила свою младшую дочь Эллиен, будучи в возрасте около сорока пяти лет), а также – со своими братьями и сестрами. Особенно запомнился Шарлотте брат Эллиен Генри. Это был интересный молодой человек, приблизительно возраста Шарлотты. Своей милой элегантной внешностью и несколько женоподобными манерами Генри Нассей походил на свою кроткую сестру. В то время молодой Нассей учился в Кембриджском университете, где он готовился стать приходским священником.

Шарлотта и Генри понравились друг другу и вскоре сделались хорошими друзьями. Генри вполне оценил острый ум и незаурядные способности мисс Бронте и искренне восхищался ее превосходным, по его мнению, литературным даром, когда та показала своему новому другу и его милейшей сестре свои юношеские стихи, сочинением которых она, впрочем, так же как и все остальные дети преподобного Патрика Бронте, – тайно увлекалась. Шарлотту же привлекло благоразумие Генри, его безупречные гуманные принципы. Но более всего ей импонировало в молодом человеке его очевидное сходство со своей сестрой – ее дражайшей подругой Эллиен. Ей почему-то казалось, что Генри и Эллиен Нассей – это две различные ипостаси единого благородного, поистине пленительного образа, по своей недостижимой чистоте и восхитительному обаянию близкого к божеству.

Глава 8. Пора исканий

Два с половиной года той восхитительной, несравненной свободы, какую только способно даровать безмятежное пребывание под мирным кровом родного жилища, для обитателей заповедного гавортского пастората пронеслись практически незаметно. Этот период счастливого, беззаботного существования истаял в одно мгновение, как сказочный сон, внезапно исчезающий в блаженной истоме ласковых лучей восходящего солнца, знаменующих собой грандиозный переход к новому состоянию всеобщей нашей праматери Природы. Состоянию великолепного зарождения из темных недр глухой, безмолвной ночной тиши яркого светлого дня, когда наивная дикарка Юность мгновенно сбрасывает свои легкие призрачные крылья и обращается умудренной Зрелостью.

Эта чудесная перемена, незаметно свершающаяся в сознании каждого человека, не обошла стороной и представителей младшего поколения могучего рода Бронте. Грубая реальность теперь предстала перед возмужавшими пасторскими детьми во всей неприглядной наготе, понуждая их очнуться от юношеских грез и вступить во взрослую жизнь со всеми ее тяготами и невзгодами.

Настало время, когда каждому из молодых Бронте надлежало избрать свою верную жизненную стезю. Однако положение осложнялось тем прискорбным обстоятельством, что дети преподобного Патрика Бронте пока что не получили должного образования, за исключением лишь Шарлотты, проведенной полтора года в частном пансионе сестер Вулер.

Теперь все самые светлые надежды семьи сосредотачивались на художественном таланте Патрика Брэннуэлла, чему весьма способствовал похвальный отзыв о его очевидных дарованиях от почтенного наставника рисования. Уже в ту пору в голове мистера Бронте зародился и созрел смелый план отправить сына на обучение в самое престижное заведение, какое существовало тогда на территории туманного Альбиона – в лондонскую Королевскую Академию Художеств. Эта страстная мечта отчаянно преследовала пастора, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. «Да, – повторял он снова и снова с постоянно возрастающей уверенностью, – Патрик Брэннуэлл непременно станет великим художником – одним из лучших представителей нашей эпохи! Иначе и быть не может!»

Однако скромных доходов приходского священника определенно не доставало для успешного претворения в жизнь этой заветной мечты. Заботливая тетюшка любезно согласилась во имя столь правого дела выделить энную сумму из своих собственных сбережений. Тем не менее преподобный Патрик Бронте всерьез опасался, что даже щедрая помощь свояченицы может оказаться в итоге не столь значительной; более того, им владело твердое убеждение, что даже их совместных средств едва ли достанет, чтобы насытить недра сокровищницы Королевской Академии. А следовательно, для почтенного семейства Бронте не оставалось ничего иного, как искать возможность дополнительного заработка.

Поскольку Шарлотта была единственной представительницей семейства, получившей приличное образование, взять на себя почин надлежало именно ей. И она, не колеблясь, последовала зову Долга, немедленно дав объявление в одну из местных газет, и вскоре получила пару дельных предложений занять место гувернантки при детях из весьма респектабельных семейств.

Шарлотта все еще была занята неотступными мыслями, беспрестанно вращающимися вокруг единой наболевшей проблемы: на каком из полученных предложений более разумно остановить свой выбор, когда однажды ясным летним утром Табби с торжественным видом вручила ей белоснежный почтовый конверт стандартных размеров:

– Вам письмо. Прибыло с утренней почтой.

– Спасибо, Табби. Можешь идти, – ответила Шарлотта, внимательно воззрившись на конверт, надписанный ровным, изящным женским почерком. «Должно быть, очередное приглашение на место гувернантки», – подумала она с невыразимой тоскою в сердце. Непривычный взору почерк и в самом деле сильно огорчил Шарлотту, ибо она, быть может, даже не желая признаться в том самой себе, в тайне мечтала получить милое душе послание от Эллен или Мэри.

Пасторская дочь принялась равнодушно распечатывать только что доставленный конверт. Благополучно вскрыв письмо и первым делом глянув на последнюю строчку, сообщающую адресату имя отправителя, она тотчас просияла: то было послание от Маргарет Вулер – главы роухедской школы.

Официальная часть письма Маргарет Вулер содержала полупредложение-полупросьбу к старшей мисс Бронте занять место помощницы учительницы в своем пансионе. Мисс Вулер выражала искреннюю готовность назначить своей бывшей подопечной самое щедрое жалование, какое только позволял оговоренный выше пост. Кроме того, глава роухедской школы изъявила желание видеть в качестве воспитанницы пансиона одну из младших сестер Шарлотты. Маргарет Вулер весьма красноречиво убеждала Шарлотту Бронте, что руководительницы пансиона с радостью возьмут на себя обучение, к примеру, средней мисс Бронте – услуга, которая для качественного успеха в дальнейшей трудовой деятельности последней может оказаться неоценимой – в счет части жалования старшей сестры.

Ознакомившись с содержанием послания мисс Вулер, Шарлотта торопливо сложила письмо в конверт и тотчас направилась в кабинет отца. Подобные неожиданные вторжения в священную обитель преподобного Патрика Бронте отнюдь не входили в планы сего достопочтенного господина; разумеется, Шарлотте это было известно достаточно хорошо.

В другое время девушка не посмела бы беспокоить достопочтенного Патрика Бронте, явившись к нему без приглашения. Но сложившаяся ситуация вынудила мисс Бронте действовать быстро и решительно. Далее последовал довольно продолжительный диалог между отцом и дочерью, проходивший за закрытыми дверями, после чего юная барышня незаметно выскользнула из кабинета и, без дальнейших проволочек, вернулась к исполнению своих обычных повседневных обязанностей.

На другой день, когда все семейство собралось за традиционным утренним чаепитием, достопочтенный Патрик Бронте, неторопливо отхлебнув внушительный глоток из своей чашки

и блаженно прикрыв глаза – невольная дань безмолвного восхищения, казалось бы, самым что ни на есть заурядным земным наслаждением, – вдруг с неожиданной деловитостью обратился к сыну:

– А что, дорогой Патрик Брэнгуэлл, не пора ли тебе наконец заняться чем-нибудь путным?

– Я готов, отец, – невозмутимо ответил юноша. – Весь вопрос лишь в том, что именно вы собираетесь мне предложить.

– Что ж. В таком случае, как насчет того, чтобы заняться рисованием?

– Мне нравится эта идея. Но ведь наставник, которого вы нанимали несколько лет назад, уже давно отказался от своих визитов к нам.

– Сейчас речь не об этом, Брэнгуэлл, – заметил мистер Бронте серьезно. – Тот почтенный джентльмен, которого ты только что упомянул, предоставил мне самый лестный отзыв о твоих художественных дарованиях. Возможно, конечно, что он изрядно преувеличивает твой талант, но, по-моему, он говорил весьма убедительно, и пока что у меня не было причин усомниться в искренности его слов. А потому я принял твердое решение продолжить твоё образование в этой области. Надеюсь, сын мой, ты не опозоришь наш род и добьешься успеха на поприще художника.

Патрик Брэнгуэлл, до сих пор хранивший совершенную невозмутимость, при последних словах отца не мог сдержать легкий смешок, вырвавшийся у него почти невольно, и тем не менее явно отразивший некое смещение иронии с изрядной долей самодовольства и спеси.

– Дорогой отец, – сказал молодой человек, глянув прямо в глаза преподобному Патрику Бронте, – уж не вознамерились ли вы сделать из вашего несчастного сына второго Рафаэля или Микеланджело?

– Отнюдь, – возразил почтенный глава семейства. – Я лишь желаю, чтобы мой сын стал достойным человеком – и только.

– Все это прекрасно, дорогой отец. Однако позвольте вас спросить: каким образом вы намереваетесь добиться для меня столь высоких почестей? Неужели вы собираетесь снова нанимать учителей, полагая, что частные уроки могут сотворить со мною чудо и превратить жалкую гусеницу в прекрасную бабочку?

– О нет, молодой человек! – с пафосом ответил его отец. – От частных уроков не много проку, я бы сказал, как от козла молока. Вы и сами это знаете.

– В таком случае, что же вы предпримите?

– Обучение в Королевской Академии Художеств. Думаю, сударь, небольшое путешествие из Гаворта в Лондон вам не повредит.

– Лондон? Королевская Академия? – словно в полусне подхватил Патрик Брэнгуэлл. – Вы, верно, шутите, отец! Нам не по средствам подобная роскошь!

– Ты ошибаешься, мальчик мой, – возразил достопочтенный Патрик Бронте. – Полагаю, теперь мы сможем себе это позволить. Давеча я имел довольно долгий обстоятельный разговор с твоей старшей сестрой. Похоже, она нашла приличную работу. Ее помощь пришлась бы весьма кстати. Думаю, заработанные ею деньги окажутся достаточно весомой прибавкой к той сумме, какую можем предложить мы с вашей тетушкой.

– Шарлотта получила работу? – недоверчиво переспросил Патрик Брэнгуэлл. – Отец, неужели вы ради моей карьеры намерены отправить мою милую сестрицу на тяжкие гувернантские хлеба к каким-нибудь чопорным, жестокосердным мистеру и миссис N с целой оравой глупых, плаксивых отпрысков? Я полагаю, мои художественные способности, какими бы незаурядными они не были, не достойны такой страшной жертвы.

– А кто тебе сказал, сын мой, что твоя сестра намеревается стать гувернанткой в частном доме? Впрочем, отчасти ты прав: похоже, у нее и в самом деле были такие мысли. Но, к счастью, Господь милосерден: Он послал ей достойное место. Моей дочери не придется прозябать в

закостенелом невежестве вдали от дома, в окружении совершенно чужих людей. Благодарение Богу, этого не будет!

– Значит, моя сестрица станет жить и трудиться, что называется, «среди своих»? Хотелось бы знать, кто из наших знакомых благотворителей предложил ей место, и какие, собственно, обязанности намереваются возложить на ее хрупкие плечи!

– Насколько я понял, Шарлотту ангажирует ее бывшая наставница, глава роухедского пансиона. Если мне не изменяет память – Маргарет Вулер. Ведь так, дочь моя?

– Мисс Вулер всегда была добра ко мне, – проговорила Шарлотта с достоинством. – Я буду рада, если смогу оказаться ей полезной.

– Мисс Вулер! – язвительно повторил Патрик Брэнуэлл. – Не иначе, здесь кроется какой-то подвох! Что-то я никогда не слышал, чтобы особы подобного положения отличались излишней щедростью!

– Мисс Вулер не похожа на других начальниц, – возразила Шарлотта, – в ней нет ни капли прижимистости и спеси – сама доброта и благородство. Она оказала нам несравненную милость, ибо, облагодетельствовав меня, она не забыла также и о нашей прелестной Эмили Джейн, предложив ей место воспитанницы в своем пансионе.

– Я так и знал, что здесь дело нечисто! – произнес ее брат самодовольным тоном. – Конечно же, эта особа с удовольствием берет в свой пансион Эмили Джейн! Ведь, в таком случае, она сможет меньше тебе платить! Весьма удобно, не правда ли?

– О чем ты говоришь, Патрик Брэнуэлл? – рассердилась Шарлотта. – Мы должны быть бесконечно благодарны мисс Вулер за ее ангельскую доброту. Ее бескорыстнейшее предложение – что бы ты там ни болтал, я настаиваю, что оно именно таково – дает превосходный шанс всем нам. Согласись, братец: если бы не наша милая, славная мисс Вулер – не видать бы тебе Королевской Академии как собственных ушей!

– Но я вовсе не хочу в Роу Хед, милая сестрица! – вмешалась Эмили Джейн.

Достопочтенный Патрик Бронте нахмурился.

– Тут дело не в желании, Эмили, – произнес он строго. – Ты *должна* поехать. Моим дочерям не пристало быть невеждами!

– Но нельзя ли послать к мисс Вулер малютку Энн? – почти в отчаянии спросила Эмили Джейн. – Я уверена, она не воспротивится такой возможности.

– Я бы охотно согласилась, – подтвердила Энн.

– Энн – самая младшая в семье, она может подождать, – возразил достопочтенный отец семейства. – Энн, крошка, не огорчайся. Твой черед еще настанет. Поверь мне.

– Эмили, душа моя, – вмешалась Шарлотта, – знай ты, как мне невыносимо горько оттого, что ты отказываешься составить мне компанию, безжалостно бросая меня одну, ты бы немедленно согласилась, я убеждена. Будь ангелом, сестрица, скажи, что ты поедешь со мной в Роу Хед! Ты ведь прекрасно знаешь: так будет лучше для всех нас!

– Будь по-вашему, – отозвалась Эмили Джейн не слишком охотно, – я поеду.

– Ну, вот и славно, – заключил достопочтенный Патрик Бронте. – Возблагодарим же Господа за ту превосходную возможность, какую Он милостиво одарил нашу семью! Да будет на все воля Божья!

...29 июля 1835 года Шарлотта и Эмили Бронте прибыли в Роу Хед. Какой бурный, необузданный поток всевозможных противоречивых чувств внезапно охватил юную Шарлотту при новой встрече с этой знакомой, но уже позабытой местностью и ее обитателями! И как разительно отличались теперешние ощущения девушки от тех, что испытала она в ту далекую пору, когда нога ее впервые ступила на территорию этих заповедных владений!

Стоял прелестный вечер. Знойное июльское солнце уже клонилось к закату, и его угасающие лучи беззаботно золотили окрестности, бросая светлые блики на мощные, широкие

кроны лиственных деревьев, на острые, похожие на церковные шпили, макушки вековых елей и тисов, в изобилии растущих на школьной территории, на землю, покрытую дерном и затянутую первозданным бархатным мхом, на горделивые средневековые постройки, оснащавшие эту местность. По-вечернему живительный, прохладный ветерок, непринхотливо шелестевший в мягкой листве деревьев, гнал с собой бесчисленные невидимые потоки чистого, прозрачного воздуха. Странное дело, но почему-то этот чудесный летний пейзаж внезапно воскресил в памяти обеих сестер ослепительное внешнее великолепие пленительных долин Коуэн-Бриджа – таких, какими они были в ту злополучную пору, которая навсегда унесла с собой в вечность несчастных Марию и Элизабет...

Стараясь отогнать мучительно гнетущие мысли, навеянные невольным сравнением, Шарлотта и Эмили быстрее зашагали вдоль привольной, пышно цветущей рощицы по направлению к старинному двухэтажному зданию с изящными полуокруглыми стрельчатыми окнами.

Маргарет Вулер оказала девушкам радушный прием. По случаю их прибытия в роухедской школе было устроено всеобщее чаепитие, против которого обе сестры, отнюдь не привыкшие быть в центре внимания, яростно протестовали, но решительная, непоколебимая мисс Вулер, разумеется, не желала ничего слушать. Все наставницы и воспитанницы собрались в небольшой гостиной, облицованной сосновым деревом, и принялись вкушать свою бесхитростную трапезу, состоявшую из чая с румяными сэндвичами.

После чая в неофициальной дружеской обстановке были оговорены условия соглашения между мисс Вулер и сестрами Бронте во всех надлежащих деталях. Обеим девушкам полагалось приступить к своим обязанностям со следующего дня.

Теперь Шарлотте Бронте предстояла довольно сложная задача – серьезная и ответственная, требующая порядочной выдержки и немалых душевных усилий. Старшей дочери пастора надлежало ступить на новое, дотоле совершенно не изведенное ею поприще – поприще педагога.

Поначалу девушке нравилась ее незатейливая работа. Ей представилась превосходная возможность попробовать себя в новом деле, впервые испытать свои потенциальные силы. Кроме того, Шарлотта вскоре ощутила и поняла, что, наставляя юных пансионеров, в числе которых теперь была и ее сестра Эмили Джейн, сама она, старшая «мисс Бронте», как называли Шарлотту ее нынешние подопечные, постепенно развивает и совершенствует собственные способности, приобретает и накапливает новый жизненный опыт. Все это, несомненно, было по душе юной наставнице, проводившей время в разумном и полезном труде и выполнявшей свою работу с неизменной щепетильностью и усердием.

Иначе обстояло дело с Эмили Джейн. Девушку, привыкшую к привольным просторам Гаворта, почти не знавшую иного общества, кроме общества обитателей пастората, девушку, всегда чуждающуюся посторонних людей, не допускающую в свой особый пленительный мир образов и идей никого, кроме близких, необычайно тяготило ее вынужденное пребывание в Роу Хеде. Состояние страшной меланхолии стремительно овладело всем ее существом.

– Что с тобой, душа моя? – спросила как-то Шарлотта сестру, улучив несколько минут, когда они могли спокойно, не опасаясь нежелательного вмешательства посторонних, побеседовать наедине.

Эмили молчала. Однако участие сестры, по-видимому, не оставило ее равнодушной: лицо ее тотчас помрачнело и сделалось еще более угрюмым, чем обычно.

– Ты случайно не заболела, милая сестрица? – снова спросила Шарлотта. – Скажи честно: тебе нездоровится?

– Нет, – глухо произнесла Эмили Джейн. – Я вполне здорова.

– Тогда что же с тобой происходит?

– Все в порядке, не беспокойся, – ответила Эмили, сияясь улыбнуться.

Наступило тягостное безмолвие, в продолжение которого Шарлотта сочувственно глядела на Эмили Джейн, и в мягком, отзывчивом сердце ее стремительно нарастала смутная тревога за сестру.

Разговор происходил в небольшой сосновой спальне. За окнами постепенно сгущались сумерки в благословенной тишине, нарушаемой лишь легким дыханием слабого летнего ветерка, мерно кружившего в шелестящей листве деревьев. Сестры сидели друг против друга за изящно отделанным туалетным столиком, стоявшим возле кровати Эмили. Тусклый отсвет горящей свечи, водруженной на середину столика, озарял, выхватывая из полутьмы, их печальные лица.

Эмили Джейн казалась совершенно подавленной и опустошенной. Долгое время она сидела, не шелохнувшись, в неизменной угрюмой позе: низко склонившись к столу и поставив на него локти, подпирая руками голову. Ее длинные темные локоны беспорядочно ниспадали на плечи и на грудь, и матовый отблеск свечи мягко золотил их, создавая вокруг ее лица некое подобие чудесного божественного ореола. Даже смиренная, уравновешенная Шарлотта, увидев этот светлый призрачный нимб, торжественно венчающий мученическое чело ее любимой сестры (а именно таким оно сейчас и казалось), не в силах была сдержать невольный возглас – совершеннейший апофеоз недоумения и восторга: «Ах!»

Эмили, всецело погруженная в свои тайные мысли, не обратила на это никакого внимания. Она продолжала сидеть все в той же задумчивой позе. В ее прекрасных раскосых газельих глазах поминутно вспыхивал какой-то странный дикий свет, вселивший в Шарлотту неизъяснимый страх. Ей казалось, что все демоны преисподней в одночасье покинули свою мрачную обитель, подняли заветный негаснущий факел и по очереди зажигали в глазах Эмили Джейн испепеляющий дьявольский огонь.

Так вот и сидела прелестная пасторская дочь в угрюмом безмолвии, пребывая в обетованном мире своих собственных грез, в мире, бесконечно далеком от внешней суеты. Голова ее понуро склонялась к столу в окружении светлого «божественного нимба», в то время как в глазах ее то и дело вспыхивал неистовый сатанинский блеск.

Звук доносившихся снаружи спальни шагов мгновенно вывел Эмили Джейн из мрачного оцепенения; звук этот постепенно стих и, растворившись, замер в отдалении.

– Я хочу уехать отсюда! – в отчаянии воскликнула Эмили.

– Сестрица... – прошептала Шарлотта в недоумении.

– Прости, дорогая, – тут же спохватилась Эмили Джейн, – я знаю, что не должна... что не имею права нарушать наш договор. Но я... как бы это сказать... я не в силах вынести всего этого... Наверное, я самое жалкое, ничтожное существо, когда-либо обитавшее на этой земле!

– Эмили, милая... милая моя сестрица... – задумчиво проговорила Шарлотта, совершенно потрясенная. – Что же с тобою случилось, бедняжка моя бесценная?.. Что случилось с нами обеими? Почему все так внезапно изменилось с тех пор, как мы...

– С тех самых пор, как мы в последний раз были счастливы... – по-настоящему счастливы. Это было, когда мы с тобой пустились в нашу долгую прощальную прогулку по безлюдным холмам, увенчанным бурными торфяниками, вдоль родной дикой пустоши – прямо к милым сердцу пышным вересковым зарослям – этому сказочному изумрудно-лиловому морю, в бездонной пучине которого так и хочется утонуть! Ты помнишь это, Шарлотта? Помнишь, каким прелестным выдался тот достопамятный день? Каким безоблачно-синим было небо, простиравшееся над Гавортом, точно отражающее свою беспредельную лазурную синеву, слегка позолоченную мягкой волной живительного солнечного света, в омуте чудесных васильков, ослепительно пестревших на поле у края долины!..

– И каким пленительным был воздух, овеивавший заповедные окрестности Гаворта! – с искренним пылом добавила Шарлотта. – Прозрачный чистый и ясный... Мы прямо-таки утопали в естественном могущественном величии этих дивных вересковых пустошей, зыбких

болот, суровых кряжей холмов и этого поистине чудесного летнего дня, в то время как вся природа словно бы улыбалась нам с тобою, щедро оделяя нас своими самыми восхитительными дарами!

– О, как нам было хорошо, милая сестрица! – подхватила Эмили с воодушевлением. – Помню, мы едва не заблудились в густом темном вереске, стелющемся вдоль торфяника; как жаль, что мы все же не заблудились! Там, на этих диких просторах, в безбрежной заповедной пустоши, осталась моя душа! Она навсегда сделалась добровольной пленницей этого дивного сурового края с его восхитительными живописными лощинами и уединенными мрачными ущельями! Навсегда, какой бы срок не был мне отведен для моего дальнейшего обитания на этой земле – как в нынешнем моем качестве, так и в любом другом. Ибо, что бы там ни говорили иные люди, что до меня, то я верю в возможность переселения души после отмирания плоти.

Шарлотта невольно содрогнулась. Слова сестры внезапно посеяли в ней неизъяснимый страх и скрытую тревогу.

– Знаю, сестрица, ты скажешь, что я неблагодарная эгоистка, – продолжала Эмили Джейн с отчаянным пылом. – Что ж, ты вправе порицать меня. Видит Бог, я старалась держаться, как только могла! Я боролась сама с собою изо всех сил, ибо сама мысль о ничтожной перспективе быть клеймом позора для всей семьи приводит меня в ужас. Я вполне сознаю всю ответственность, которая на меня возлагалась. Но – как это ни печально, я вынуждена признать, что мне не достало воли и мужества надлежащим образом исполнить свой долг. Теперь я окончательно убедилась, что не способна отважиться на такую жертву – в противном случае мне пришлось бы пойти против самой своей сущности.

– Как это? – удивилась Шарлотта.

– Не знаю, сможешь ли ты понять это, сестрица. Скорее всего – нет, потому что для этого необходимо чувствовать то же, что чувствую я, – а я уверена, что это ни для кого другого, кроме меня, невозможно, иначе можно попросту сойти с ума. Я удивляюсь, как этого до сих пор еще не случилось со мной?! Однако, в любом случае, я благодарю Бога за то, что тебя, милая сестрица, по-видимому, не терзают те адские мучения, какие выпали на мою долю.

– Скажи мне, что я могу сделать для тебя, о, моя драгоценнейшая Лавиния? – печально спросила Шарлотта. – Ответь, могу ли я тебе помочь? Или, по крайней мере – смягчить твою грусть?

– Позволь мне снова вернуться туда... домой... в Гаворт! – в отчаянии воскликнула Эмили, молитвенно воздев руки. – Поговори с мисс Вулер, скажи ей, чтобы она меня отпустила! Не то я погибну! Только не думай, что это – простой каприз или же – предлог для праздного безделья – это вовсе не так! Я готова на любую, хоть на самую черную, работу, лишь бы вновь оказаться в этих диких, суровых краях, вновь вдохнуть в себя тот ясный, чистый воздух, какой некогда блаженно наполнил мою грудь! Если ты того пожелаешь, ты сможешь сделать это для меня, я знаю. Брани и порицай свою незадачливую сестру, сколько тебе угодно – я и сама себя презираю за свою непростительную слабость. Только, молю тебя, милая Шарлотта... А вернее сказать, не я сама, это моя душа, заплутавшая на природных просторах, в бескрайних вересковых пустошах со всей возможной отчаянной страстью взывает к тебе, к твоему истинно христианскому состраданию и милосердию, – это душа моя заклинает тебя: верни ей ее жалкую и ничтожную тленную оболочку, чтобы, слившись воедино после вынужденного долгосрочного отстранения друг от друга, обе они – душа и материя – обрели наконец совершеннейшую, ни с чем не сравнимую вожделенную Свободу!

Эмили Джейн внезапно замолкла, тревожно глядяваясь в бледновато-золотистый отсвет одинокого огонька догорающей свечи, постепенно тонушего в резко сгущающемся мраке неотвратимо надвигающихся сумерек. Легкий ветерок, беззаботно трепетавший в густой листве деревьев, теперь стих, и последний мягкий шорох потревоженных листьев блаженно

замер, растворившись в величественном безмолвии всеобщей праматери Природы, постепенно погружавшейся в свой исполинский первозданный сон...

Шарлотта глядела на сестру печальным взором. Она вдруг вспомнила, что недавно видела в тетради Эмили странный и поразивший ее до глубины души рисунок. Пятнадцатилетняя Эмили сделала зарисовку с гравюры некоего мастера по фамилии Уильямс, изображающей сирийского святого – Симеона Столпника, прожившего всю свою жизнь в строгом отшельничестве, на долгие временные периоды отгораживая себя от всякого контакта с внешним миром. Этот святой подверг себя особой форме аскезы – столпничеству, уединившись на небольшой каменной площадке на вершине столба и проводя все свои дни в молитве и проповедях, которые произносил для многочисленных паломников. Шарлотта была поражена. Сестра выбирает такие необычные сюжеты для своих рисунков! Неужели Эмили таким образом отражает свою натуру? Неужели она ощущает себя такой же отверженной изгнанницей гавортских пустошей и находит особое очарование в состоянии одиночества и замкнутости в своем собственном мире?

Шарлотта приняла твердое решение во что бы то ни стало помочь сестре вернуться домой. Она справилась со своей спасительной миссией весьма успешно, и вскоре освобожденная пленница Эмили Джейн Бронте навсегда покинула Роу Хед.

К чести мисс Вулер следует добавить, что означенная особа при обсуждении со старшей мисс Бронте столь деликатного вопроса, касающегося трудностей пребывания в пансионе средней пасторской дочери, отнюдь не выказала видимой несговорчивости. Директорша, быстро оценив ситуацию, охотно отпустила Эмили, милостиво позволив Шарлотте доставить на место отчисленной из ее учебного заведения ученицы младшую барышню Бронте – кроткую смиренную Энн, которая вскоре прибыла по назначению и сразу же сделалась всеобщей любимицей.

Как ни порицала Шарлотта Эмили, пусть это и было в глубине души, как ни корила ее за невообразимое безрассудство, тем не менее – хотя старшая дочь пастора нипочем не хотела признаваться в том самой себе – постепенно и бурные чувства, стремительно обуздавшие ее сестру, и мотивы поведения последней становились ей все более и более понятными. Она уже пресытилась унылыми, однообразными занятиями с ученицами; эти скучнейшие единоборства с их неподатливыми, вялыми умами по временам казались ей бесконечными. Отчаянно истосковавшееся по новой пище воображение юной леди с неистовой быстротой обрабатывало свои ресурсы, неизменно поставляя жадному внутреннему взору своей законной владелицы и верной рабы многочисленные тайные образы, теснившиеся где-то на неосязаемой грани сознания.

Как было бы прелестно, если всемогущие Высшие Силы сподобились бы воплотить эти сладостные мечты в действительность! И как тяжело, очнувшись от своих заветных грез, всякий раз чувствовать себя добровольной пленницей, заживо схороненной в угрюмых стенах роухедской школы, тогда как вокруг бушует жизнь!

Однажды на уроке английской словесности мисс Вулер поведала своим подопечным удивительную историю об исчезнувшей династии Лонгсборнов.

Эти таинственные Лонгсборны слыли одним из самых знатных родов Англии. Их обширные владения составляли несколько поместий, среди которых выделялся роскошный фамильный замок, располагавшийся почти у самого побережья сурового Северного моря.

Во время страшной бури, разразившейся на море в 1820 году, родовой замок Лонгсборнов был разрушен до основания. Он попросту сгинул с лица земли, ибо безрассудная стихия не оставила камня на камне.

Сами Лонгсборны, как утверждала мисс Вулер, слыли весьма замкнутыми и нелюдимыми господами, не посещающими традиционных светских приемов и не

допускающими в свои владения никого, кто мог бы посягнуть на их личную свободу и независимость. Соседи поговаривали, будто замок Лонгсборнов наполнен привидениями и прочей нечистой силой, а сами его владельцы были сообщниками самого Дьявола и позволяли себе проводить в пределах своих угодий мощные черномagicеские ритуалы. По преданию людской молвы, именно одно из таких сатанинских действий и вызвало страшную бурю, сокрушившую именную собственность Лонгсборнов.

«Вот так и со мной! – отчаянно размышляла Шарлотта. – Будто бы страшные дьявольские силы довлеют надо мною и нагнетают бурю неизбывного отчаяния, способную сломить мои силы с той же непринужденной легкостью, с какой морская стихия снесла могучий замок Лонгсборнов».

Когда же черная меланхолия, неистово терзающая сознание девушки достигла своего апогея, она решила вызвать на откровенность свою младшую сестру; задушевная беседа с Энн, по мыслям Шарлотты, должна была непременно помочь развеять мрачную пелену печали.

Она нашла сестру на улице. Энн держала на коленях свой альбом и сосредоточенно что-то чертила или рисовала на одном из его листов карандашом.

– Что это? – спросила Шарлотта, стараясь заглянуть на бумагу через плечо сестры.

Энн улыбнулась и, убрав карандаш, слегка отклонилась от альбома, давая Шарлотте возможность увидеть то, над чем она трудилась все утро.

– Роу Хед! – в радостном удивлении воскликнула Шарлотта. – Ты сделала карандашную зарисовку здания школы и окружающей местности?

– Что-то в этом роде, – ответила Энн. – Тебе понравилось?

– Очень! – с чувством произнесла Шарлотта. – Но почему ты решила сделать зарисовку Роу Хеда?

– Мне здесь нравится, – просто ответила Энн.

– А что ты скажешь о пансионе и его обычаях?

– На мой взгляд, в своих профессиональных качествах это заведение безупречно. А почему ты спрашиваешь, сестрица?

– Не важно, – Шарлотта на мгновение угрюмо потупила взор, затем ее прекрасные газельи глаза резко вскинулись на сестру; в их мягком, задумчивом выражении отчетливо угадывалась затаенная глубокая грусть и безмолвная отчаянная мольба о сочувствии. – Скажи мне, моя милая, – снова заговорила старшая дочь пастора, – не угнетает ли тебя привычный распорядок классных занятий – его унылое однообразие?

– Ничуть, – не задумываясь ответила ее сестра. – Для меня однообразие не существует. На каждом занятии я узнаю много нового и интересного. Я чувствую, что мои познания совершенствуются с каждым днем, что мой, пока еще довольно-таки скудный, жизненный багаж постепенно пополняется – и это поистине восхитительное ощущение! Я готова на любой, пусть даже самый длительный, кропотливый труд ради столь щедрого вознаграждения своих усилий! Но что с тобой, милая сестрица? О чем твоя печаль?

– Об Эмили Джейн, – ответила Шарлотта, отчасти кривя душой, в надежде почерпнуть отрадное утешение для себя самой в возможности оправдания безрассудного поступка непутевой беглянки.

– Я думаю, не следует винить Эмили в опрометчивости, – ответила Энн. – Мы должны быть снисходительны к нашей сестре.

– Но ты ведь не побоялась возможных трудностей обучения, Энни. Ты не пренебрегла своими повседневными обязанностями.

– Это совсем другое дело! – горячо возразила Энн. – Мы с Эмили разные люди, хотя и любим друг друга всеми силами души. Я убеждена, что у нее имелись весомые основания

поступить по своей воле. Что до меня, то, в любом случае, я намереваюсь во что бы то ни стало исполнить свой долг!

– Прости мою несносную назойливость, милая сестрица, но позволь спросить: как ты берешься утверждать, что тебе достанет мужества вынести все возложенные тяготы и лишения во имя примерного исполнения того, что ты называешь долгом?

– Я черпаю силы в искренней, безграничной вере в Господа. Его великая тайная поддержка служит мне наилучшей опорой во всех моих деяниях!

– Но, может статься, непоколебимость твоей веры пошатнется, и тогда твоя опора не будет казаться тебе столь устойчивой и надежной. Что ты станешь делать в этом случае, моя дорогая?

– Для меня это было бы хуже всего на свете! Я стану горячо молиться, чтобы со мной, да и ни с кем из нас, никогда не произошло подобной неприятности! А коли это все же случится, я призову на помощь все свое достоинство, чтобы смиренно и безропотно принять Его святейшую волю.

– А знаешь, сестрица, – внезапно призналась Шарлотта. – Я ведь в свое время тоже сделала карандашный эскиз Роу Хеда. Только я, работая над своим рисунком, старалась акцентировать внимание на самом здании, выдвинув его на первый план. Ты же зарисовала фасад здания школы в перспективе, на лоне природы. Выходит, у нас с тобой возникают схожие идеи для творчества. Разница лишь в форме их воплощения.

Немного подумав, Шарлотта добавила:

– Послушай, Энни, у меня вдруг возникла одна мысль. Ты не будешь возражать, если я сделаю карандашную зарисовку твоего профиля?

– Ты хочешь нарисовать меня? – удивилась Энн.

Шарлотта утвердительно кивнула и уточнила:

– Так ты не против того, чтобы позировать своей старшей сестер, малютка Энн?

– Я буду рада, – ответила Энн.

– Отлично! – воодушевилась Шарлотта. – Сейчас только сбегая наверх за альбомом, карандашами и прочими необходимыми принадлежностями. Ты прелесть, сестренка, и было бы просто преступлением не запечатлеть твое ангельское личико на бумаге!

Эта милая непринужденная беседа с сестрой принесла Шарлотте ожидаемое утешение, и она стала понемногу успокаиваться. «Откуда в этой юной хрупкой девушке столько стойкости, воли и мужества, столько подлинной веры и непоколебимого самообладания?» – с тайным восхищением думала она. Шарлотта не без приятного удивления заметила, что эти качества, поддерживающие ее сестру «на плаву», не изменили ей даже в трудные минуты.

К концу 1837 года, находясь в Роу Хеде, семнадцатилетняя Энн Бронте перенесла очень тяжелое заболевание. Шарлотта описала признаки этой болезни как «боль» и «затруднение дыхания», последний, как предполагали, был признаком астмы, от которой Энн страдала, начиная с раннего детства. Во время болезни Энн Бронте также подверглась религиозному кризису: она испытывала глубокую депрессию и опасение из-за бескомпромиссного проповедования местных церквей. Круг духовенства, которое имело тенденцию следовать за Священными Писаниями к письму и делало серьезный акцент на кальвинистских доктринах адского огня и вечного проклятия с предположением, что только «немногие избранные» могут заработать себе место на Небесах. Эти убеждения были далеки от тех, каковых придерживалась тетя Энн, и тех, что проповедовал ее отец, который делал акцент на «доброте и бесконечной милости Божьей» и внушал веру, что спасение достижимо для всех, кто к нему стремится.

Тяжелая болезнь, от которой страдала Энн, заставила девушку ощутить близость неизбежной кончины так остро, как никогда прежде, и младшая дочь пастора отчаянно нуждалась в разрешении для себя этих религиозных вопросов. Она не обращалась за помощью к местным

методистским церквям, предпочитая высказывать свои мысли некоему незнакомому священнику, коим оказался преподобный Джеймс Ла Троб – министр Моравской часовни в Велхаусе в Мирфилде. Представители Моравской часовни проповедовали доктрины, более близкие преподобному Патрику Бронте, чем те, которые защищали в Роу Хеде. Они твердо верили во Всеобщее Спасение, согласно которому, «после периода очищения в чистилище все люди, какими бы злыми они ни были, могут достигнуть Небес».

Однако девушка с честью смогла справиться с этой нелегкой ситуацией и утвердиться в своих убеждениях о возможности Всеобщего Спасения²⁴. Энн сумела сохранить удивительное самообладание даже в ту ненастную пору, когда частный пансион, управляемый почтенной Маргарет Вулер, перекочевал из пленительной, живописной местности Мирфилда в низлежащую округу под названием Дьюсбери Мур. Это местечко располагалось всего в трех милях от школы Роу Хед, однако значительно уступало ему в плане климатических условий. Вынужденная перемена жилища тут же негативно отразилась на здоровье Энн, и без того подкошенном, но не на ее душевном равновесии. Отныне мысли ее по-прежнему оставались живыми и светлыми, сердце – горячим и отзывчивым, разум – ясным и чистым, не потревоженным никакой внешней скверной. Шарлотта с неистовой жадностью черпала внутренние силы в мужественной стойкости младшей сестры, в ее непостижимом смирении.

Собрав оставшиеся душевные силы и покорившись воле Всевышнего, Шарлотта Бронте продолжала с удвоенным упорством тянуть опостылевшую преподавательскую лямку вплоть до самых рождественских каникул, когда обе сестры смогли наконец-то на время покинуть частный пансион в Дьюсбери Муре и благополучно возвратиться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.